

Н. А. Халфин

•

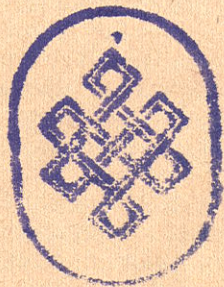
Россия
и Бухарский
эмират
на Западном
Памире

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. А. Халфин

Россия
и Бухарский эмират
на Западном Памире

(конец XIX—начало XX в.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

Книга посвящена слабоизученному вопросу русско-бухарских отношений в связи со статусом западнопамирских бекств (Вахан, Рушан и Шугнан) и борьбе их населения с бухарскими властями в конце XIX — начале XX в. Она состоит из двух частей: авторского текста и архивных материалов.

X 10604-151 131-75
013(02)-75

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.

27 августа 1895 г. англо-русская разграничительная комиссия на Памире врыла в землю последний пограничный столб. Как и водится в подобных случаях, глава британской миссии генерал Джерард бросил при этом «историческую» фразу: «Здесь конец памирскому вопросу!» Действительно, разграничение 1895 г. ликвидировало одно из противоречий, существовавших между Великобританией и Российской империей на Востоке, известных под общим названием «англо-русское соперничество в Азии в XIX в.»¹.

Утвердившись на Памире, царское правительство занялось политическим устройством его территории. В этом процессе четко отразились факторы, определявшие общий подход Петербурга к своим азиатским владениям: стремление избегать внешнеполитических осложнений и крупных финансовых затрат, желание поднять и укрепить престиж Российского государства среди народов Азии.

Англо-русское соглашение 1895 г. ясно определило границы России и Афганистана в районе Памира. В основу разграничения легла договоренность между Англией и Россией, достигнутая в 1869—1873 гг., по которой Амударья в ее верхнем и среднем течении была принята в качестве предела Российской империи в этой части Азиатского континента.

В результате этого к России отошли лежавшие на правом берегу рек Вахандарья, Пянджа, Амударья части небольших припамирских владений (бекств) — Рушана, Шугнана и Вахана. Но в сферу действия англо-русского разграничения 1895 г. кроме этих земель попала еще

¹ Более подробно об этом см.: Н. А. Халфин, Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.), М., 1965, стр. 371—405 и др.

одна территория — часть принадлежавшего Бухарскому ханству Дарвазского бекства, расположенная на левом берегу Пянджа (так называемый Запаянджский Дарваз). Справедливость его притязаний на эту землю интересовала туркестанского генерал-губернатора Н. О. Розенбаха еще в 1886 г., когда он командировал туда капитана генерального штаба Покотило. Донесение этого офицера подтвердило факт принадлежности Запаянджского Дарваза Бухаре. В состав этой территории, подчиненной дарвазскому беку, входили амлякдарства Хогонское, Куфское, Шикайское, Май-майское и Джумарчское². Граница Запаянджского Дарваза проходила по р. Зырнут до ее впадения в Пяндж, затем по горному хребту через перевал Эш и пики Мадуг, Пат и Газ-Дора и по течению р. Таг-шива снова примыкала к Пянджу. Афганцы неоднократно пытались овладеть указанным районом, чтобы включить его в свои бадахшанские владения, но успеха не добились³.

Этот район по духу и букве соглашения 1895 г. выходил за пределы сферы влияния Российской империи, и на особом совещании в Петербурге в марте 1893 г. было одобрено предложение о передаче Запаянджского Дарваза Афганистану в качестве вознаграждения за уход из Рушана и Шугнана. Деятельность царской дипломатии в вопросе о «вознаграждении» вылилась в исключительно неуклюжую форму.

Царское правительство долгое время упорно боролось за вытеснение Афганистана из памирского района, квалифицируя вторжение афганских войск в Рушан, Шугнан и Вахан и оккупацию ими этих земель как незаконный акт. Добившись же после долгих стараний очищения припамирских стран от захватчиков, царские дипломаты сочли необходимым сразу же вознаградить Афганистан за «потерю» незаконно занятой территории, причем в качестве «вознаграждения» была предложена часть формально независимого Бухарского ханства.

Дело было, конечно, не в том, «вознаградить» или

² Известный русский путешественник Б. Л. Громбчевский в своей брошюре «На случай войны с Индией. Озеро Шива как стратегический пункт» (Н. Маргелан, 1891) указывает на «бухарские владения левого берега р. Пянджа (бекства: Хогон, Куф, Шикай, Мамай и Джумарч)», стр. 6.

³ ЦГА УзССР, И-3, оп. 2, д. 26, лл. 1—3.

нет афганское правительство. Просто Запаянджский Дарваз своим «запаянджским состоянием» мешал окончательному выполнению англо-русского соглашения 1869—1873 гг. За точным исполнением этого соглашения зорко следил второй его участник — Англия. Начальник Главного штаба генерал Н. Н. Обручев писал туркестанскому генерал-губернатору барону А. Б. Вревскому 7 ноября 1895 г., что «индо-британское правительство весьма интересуется вопросом о скорейшей передаче афганскому эмиру лежащей за Пянджем части Дарваза»⁴.

Таким образом, вопрос о передаче Афганистану бухарских земель на левом берегу Пянджа в принципе был решен. Но с формальной стороны он влек за собой другую проблему, гораздо более важную, которую необходимо рассмотреть вначале теоретически.

Царское правительство всемерно стремилось поддерживать престиж своего вассала — бухарского эмира. Всякий нанесенный ему ущерб мог, по мнению царизма, вредно отразиться на положении России в Азии и мог быть использован для антирусской пропаганды среди мусульманских масс, чего руководящие круги империи чрезвычайно боялись. Лишение эмира принадлежавших ему земель поставило на повестку дня вопрос о новом вознаграждении, на этот раз бухарского эмира. После выяснения, какое вознаграждение — деньгами или землей — представляет для «пострадавшего эмира» больший интерес, было решено передать ему управление над припамирскими странами — Рушаном, Шугнаном и Ваханом, в которых находились отряды царских войск.

Кроме желания вознаградить эмира большое значение имело и другое обстоятельство. Проблема финансирования Туркестана стояла чрезвычайно остро перед царизмом и неоднократно обсуждалась в правительственных кругах. В случае включения Западного Памира в состав империи царские власти должны были затратить значительные средства на всестороннее «устройство» (как тогда выражались) новых земель — на организацию управления, прокладку дорог и т. д. В то же время не было никаких надежд на поступление средств — в виде податей, налогов — от населения, доведенного до самой крайней нищеты длительным хозяй-

⁴ ЦГА УзССР, И-19, д. 4847, л. 8.

ничаньем афганских захватчиков. По своим природным ресурсам и экономическому развитию западнопамирские районы представляли собой в те годы нищую страну, жители которой влачили полуголодное существование. Об этом единодушно свидетельствуют все, кому довелось посетить эту далекую и труднодоступную местность.

В конце XIX — начале XX в. общая численность населения приближалась там к 15 тыс. человек, в том числе в Рушане — около 6 тыс., в Шугнани — примерно 5,5 тыс., в Вахане — до 2,5 тыс. человек. Все они жили в узких горных долинах, где было крайне мало пригодной для обработки земли. Относительно лучше других были обеспечены землей жители долин рек Гунта и Шахдары (Юго-Западный Памир), но и там ее не хватало.

Земля измерялась количеством высеваемого зерна: амбаном (около 5 пудов) и каумом (1 пуд и 10 фунтов). Наряду с немногочисленными владельцами 15 амбанами имелись семьи, располагавшие одним-двумя каумами. В среднем на двор приходилось по 5 амбан⁵.

Землю старательно собирали в лукошки и тщательно укладывали на террасированные склоны гор. Ее ограждали валиками, бережно охраняя от смыва дождями или селями, что могло привести к полной хозяйственной катастрофе. Тем не менее, несмотря на упорный и тяжелый труд, производимого зерна систематически не хватало, чтобы прокормить все население от урожая до урожая.

Безысходная картина полуголодного существования таджиков Западного Памира в дореволюционное время нарисована В. И. Масальским: «В земледельческой культуре и орошении таджики достигли большого совершенства; пахотные поля и сады их, разбросанные нередко в виде небольших клочков по крутым склонам гор, отлично возделаны и там, где климат не слишком суров, дают прекрасные сборы. Тем не менее вследствие недостатка удобной для культуры земли, разработка которой в горах требует огромного труда, таджики-горцы не могут похвалиться своим благосостоянием; во многих местностях в верховьях Пянджа хлеба не хватает

⁵ Муханов, Памирский район, Ташкент, 1912, стр. 55—56.

на весь год и горцу по временам приходится жить впроголодь». Как и многие авторы, В. И. Масальский приводит характерные примеры того, каким способом жители Западного Памира выходили из своего тяжелого положения (если это можно назвать решением проблемы, конечно): «В качестве суррогата хлеба большим распространением пользуется здесь мука из тутовых ягод (тут-талкан), из которой делают лепешки; этой скудной и малопитательной пищей кормится зимой значительная часть населения. В летнее время, до созревания плодов, главной пищей горца служит нередко лишь отвар из листьев горчицы и других трав с примесью щепотки муки, а иногда молоко и масло; мясо едят только при исключительных обстоятельствах, по случаю какого-либо праздника или важного семейного события»⁶.

Несколько лучше, чем с земледелием, обстояло дело с животноводством. В Рушане, Шугнани и Вахане разводили крупный рогатый скот, которого к началу XX в. имелось приблизительно 8,5 тыс. голов, овец (свыше 32 тыс.) и коз. Однако крупный рогатый скот был малопродуктивным. Стада в основном принадлежали духовной и светской верхушке — ишанам, родовым старшинам и т. п., тогда как во многих трудовых семьях скота было либо очень мало, либо совсем не было.

Тяжелое материальное положение таджиков Рушана, Шугнана и Вахана явилось существеннейшей причиной их резкого недовольства деятельностью бухарской администрации, сводившейся преимущественно к ограблению и без того нищих и голодных жителей.

Поскольку мы коснулись вопроса о взаимоотношениях памирских таджиков с эмирскими чиновниками, необходимо отметить также религиозные различия между ними. На Западном Памире ведущую роль играл исмаилизм, т. е. крайняя шиитская секта ислама. Его приверженцы почитали «живого бога», носившего и передававшего по наследству титул Ага-хана, официальная резиденция которого находилась в Бомбее, и ежегодно отправляли ему через ишанов свои подношения. В рассматриваемое время (с 1885 г.) этот титул носил Султан Мухаммед-шах (1877—1957).

⁶ В. И. Масальский, Туркестанский край, СПб., 1913, стр. 408.

В Бухарском же ханстве господствующее место занимал суннитский толк ислама, и направлявшиеся эмиром в Рушан, Шугнан и Вахан беки и прочие чиновники рассматривали местных жителей почти как «неверных» (со всеми вытекавшими отсюда последствиями).

* * *

Исходя из экономической обстановки на Памире, учитывая общую политическую ситуацию в соседних областях, к захвату которых стремилась Британская империя, используя для этого малейшие предлоги, царские власти на первых порах предпочитали не вводить своей администрации в Рушане, Шугнани и Вахане. Куда проще было отдать эти земли Бухаре, тем более что на Памире сохранялись в ряде пунктов русские посты и начальник Памирского отряда, находившийся в сел. Хорроге, всегда мог «призвать к порядку» бухарские власти и пресечь в какой-то мере их беззакония.

Здесь, в заброшенном уголке Азии, царское правительство применило ту же политику по отношению к Бухаре, что и после разгрома ее войск в 1868 г., когда оно предпочло отказаться от полного включения ханства в состав России⁷. По поводу этой политики исчерпывающе высказался политический агент в Бухаре П. Лессар в своей «Записке о политическом и экономическом положении Бухарского ханства» (1891 г.): «Система, принятая нами по отношению к ханству, заключается в полном невмешательстве в его внутренние дела. Мы заботимся исключительно об обеспечении за собой бухарского рынка и о выполнении политических и стратегических задач на случай осложнений в Средней Азии. Эмир же и его сановники делают с народом, что им угодно. Таким образом, не затрачивая никаких средств или трудов, мы получаем от Бухары все, что нам нужно»⁸.

Еще в период борьбы за Памир царское правительство неоднократно отказывалось от удовлетворения просьб населения Западного Памира о принятии их в

⁷ Подробно об этом см.: Н. А. Халфин, Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.), М., 1965, стр. 406—419.

⁸ ЦГА УзССР, И-3, оп. 2, д. 66, л. 109.

русское подданство, не желая затрачивать средств на устройство этого отдаленного и глухого района.

Во время переговоров по поводу разграничения на Памире эта тенденция проявлялась не раз. В составленных министерством иностранных дел России вопросных пунктах (для руководства участникам переговоров) указывалось, что ввиду своей бедности и слабой заселенности Памир не имеет никакого экономического значения. В качестве военного плацдарма Памир также не играл большой роли, так как был труден для передвижения крупных воинских частей. Проектируя в то время восстановление в Рушане и Шугнани «власти прежних местных властителей», царские чиновники указывали, что «подобная комбинация закрепит за нами Памиры и в то же время избавит нас от всяких расходов по управлению краем»⁹.

Передавая Бухаре припамирские страны, царизм помимо прочего стремился к созданию дополнительной буферной территории. А. Е. Снесарев дает любопытную оценку небольшой части Ваханского бекства, «отвоеванного» у России Англией в процессе памирского разграничения 1895 г. и переданного последней Афганистану. Бывший начальник Памирского отряда пишет, что «настоящими хозяевами Вахана являются англичане, а афганцы разве только часовые на постах. Этим достигается все, что требуется от буфера: контроль, организация разведки, постройка нужных путей, политические махинации всякого рода и, кроме того, надежная перспектива прикрыться лицемерным покровом якобы афганских решений и произвола»¹⁰ (курсив мой. — Н. Х.). Несомненно, царские власти в немалой степени руководствовались подобными же мыслями при передаче Западного Памира Бухаре.

Такова была принципиальная сторона изучаемого вопроса. Теперь перейдем к рассмотрению того, как все это претворялось в жизнь.

В связи с тем что начальник Главного штаба запросил мнение туркестанского генерал-губернатора Вревского о «вознаграждении эмира», Вревский 23 января 1895 г. предложил русскому политическому агенту в

⁹ ЦГА УзССР, И-1, оп. 34, д. 777, лл. 78—81.

¹⁰ «Афганистан», М., 1921, стр. 35.

Бухаре Лессару ознакомиться с желаниями эмира «о способе и размере» вознаграждения. При намерении бухарского правителя получить территориальное возмещение в виде передачи припамирских областей генерал-губернатор ставил ему следующие условия: пределы передаваемых земель ограничивались линией, идущей от устья р. Кудары через перевал Марджанай, оз. Яшиль-Куль, перевал Кой-Тезек и р. Харгош до р. Памир; местные киргизы сохраняли право кочевков и землепользования; жители земель, отходивших к Афганистану, могли селиться в Рушане и Шугнана и получать там землю. Эмир обязывался провести на Памир дороги со стороны Кала-и-Хумба (Дарваз) и Памирского поста. Русское правительство сохраняло за собой право содержать гарнизоны в некоторых пунктах Памира и посылать их на места «в случае беспорядков среди населения»¹¹.

В процессе переговоров с бухарским правительством Лессар выяснил, что эмир считает невыгодным для себя денежное вознаграждение, очевидно ввиду ничтожности суммы, которая могла быть ему назначена на основе дохода, приносимого Запаянджским Дарвазом. Тогда Лессар, в духе письма Вревского, составил для эмира «памятную записку без подписи», в которой «в популярной форме» излагались происшедшие события. «Пока местности Хогон, Куф и Шикай (районы Запаянджского Дарваза. — Н. Х.) были вдали от торгового движения и мало посещались, то затруднений (между Бухарой и Афганистаном. — Н. Х.) не происходило; но теперь они, конечно, могут возникнуть... Чтобы устранить возможность таких событий, русское правительство начало сношения, дабы установить хорошую границу». Лессар стремился убедить эмира в том, что обмен землями будет выгоден для Бухарского ханства и является «новым доказательством дружбы Российского государства»¹².

Политический агент считал также полезным назначить беками этих земель бывших ранее здесь правителями Сеид-Акбар-ша и Тимур-ша, состоявших на службе у эмира.

¹¹ ЦГА УзССР, И-3, оп. 2, лл. 58—59.

¹² Там же, л. 61.

Эмир отнесся к этому предложению о подарке и вознаграждении исключительно холодно. Владелец Бухары не ожидал, что ему в качестве «вознаграждения» предоставят малонаселенную и крайне бедную территорию Западного Памира. Из последующей переписки по этому вопросу выясняется, что эмир предполагал получить за потерю части Дарваза земли «где-нибудь возле Пенджикента» (Самаркандская область).

По свидетельству Лессара, прежде чем дать ответ на его предложение, эмир длительное время наводил справки о навязываемых ему землях у своих приближенных, у правителей соседних с Памиром бекств и, наконец, у самого политического агента.

Лишь после долгих размышлений и с явной неохотой эмир сначала устно, а в марте 1895 г. письменно сообщил о своем согласии; он просил лишь не настаивать на назначении беком Тимур-ша, ввиду его «непопулярности среди населения».

Сообщая об этом 16 марта 1895 г. Вревскому, Лессар считал возможным согласиться пока с желанием эмира, «тем более что окончательное решение могло быть без неудобств отложено до фактической передачи» Бухаре указанных земель¹³.

После того как с эмиром было достигнуто принципиальное соглашение относительно Западного Памира, Вревский приказал военному губернатору Ферганской области генерал-лейтенанту Повало-Швейковскому объявить жителям Рушана, Шугнана и Вахана о том, что «по воле его императорского величества» власть над ними будет передана бухарскому эмиру, которому будет предложено освободить их на три года от всяких денежных повинностей.

Последнее мероприятие являлось определенным тактическим ходом царской дипломатии. Во время переговоров с эмиром ему до того ни разу не было дано знать об этой «высочайшей воле», согласно которой надлежало освободить население Западного Памира от налогового обложения. Теперь же об этом объявили непосредственно жителям Памира царские офицеры, подчеркивая, что инициатива облегчения тяжелого положения памирцев исходит от «белого царя». Все это вызвало

¹³ Там же, л. 73.

в дальнейшем яростные протесты бухарского эмира, за чей счет была проведена вся эта комбинация по укреплению престижа Российской империи в Азии.

Для практического осуществления соглашения об обмене землями между Бухарой и Афганистаном было условлено, что срок избрания жителями этих земель определенного подданства будет ограничен 1 сентября 1896 г. До этого дня необходимо было закончить все расчеты по землевладению и снять посевы. 4 декабря 1895 г. Вревский информировал начальника Главного штаба Н. Н. Обручева, что он предложил передачу Афганистану Запаянджского Дарваза провести исключительно при участии бухарских и афганских уполномоченных, без какого бы то ни было присутствия русских или английских делегатов. Это должно было сократить расходы, а главное, избавить англичан от предложения явиться в «ту часть Афганистана, где они еще до сих пор не были, и притом в виду Бухары», что было крайне нежелательно для царских властей¹⁴.

6 марта 1896 г. в Кермине состоялась встреча бухарского эмира с В. И. Игнатьевым, сменившим П. М. Лессара на посту политического агента в Бухаре. Предложив эмиру назначить представителей в Рушан и Шугнан, Игнатьев сообщил также, что ввиду крайне бедственного положения жителей этих местностей после опустошительного и разорительного афганского владычества бухарскому правительству необходимо будет предоставить им некоторые льготы в виде освобождения на три года от всяких денежных повинностей.

Предложение Игнатьева наткнулось, однако, на резкое возражение эмира, заявившего, что во время его переговоров с Лессаром вопрос об освобождении населения от податей совершенно не обсуждался. Передаваемая Афганистану территория, говорил эмир, отличается богатством и плодородием; разве может он, лишаясь доходов с Дарваза, неся расходы по управлению Шугнаном и Рушаном и по устройству там дорог, отказаться на целых три года от всяких доходов?!

Игнатьев принялся убеждать эмира, что сведения последнего о богатстве Запаянджского Дарваза неверны и обмен землями вполне выгоден для Бухары, которая

¹⁴ Там же, лл. 129—130.

приобретает большие и богатые территории. В настоящее время жители Шугнана и Рушана разорены недавними поборами афганских властей. Но если им предоставлены будут на первое время льготы, уговаривал эмира Игнатьев, то они скоро оправятся и в будущем принесут казне «его светлости» такие доходы, которые с избытком покроют сравнительно незначительные затраты на устройство нового управления и проведение дорог.

Никакие убеждения, однако, не помогли: вопрос о податях остался открытым. После назначения правителей Рушана и Шугнана (беком Рушана был назначен Ишанкул токсаба, сборщик налогов в сел. Мир-Шаде, Денауского бекства, а в Шугнан — бывший там ранее правителем Сеид-Акбар-ша) эмир включил в их свиту специальных чиновников для изучения экономического положения на местах.

Проводник царской политики в Бухаре Игнатьев был готов согласиться со «справедливостью» протеста эмира по поводу податного обложения населения Западного Памира. 18 марта 1896 г. он сообщил Вревскому, что эмиру «действительно будет трудно» согласиться на трехлетнее освобождение жителей своих новых бекств от налогов: здесь важна не столько финансовая сторона, сколько «вопрос самолюбия. По понятиям мусульман, право сбора податей есть одно из главных доказательств власти... Нет сомнения, что его светлость будет до последней возможности противиться принятию такого условия и подчинится ему лишь после настоятельного и категорического требования с нашей стороны...» Игнатьев предлагал оставить временно вопрос открытым, чтобы возбудить его вновь после установления в Шугнана и Рушана бухарского управления и предложить эмиру облегчить положение населения, «если он сам не делает этого по своей инициативе»¹⁵.

Ответ Вревского был довольно откровенен. Генерал-губернатор отмечал, что, предлагая эмиру временно освободить жителей от податей, он имел в виду интересы «не только этих жителей, но и интересы эмира», так как это способствовало бы экономическому укреплению Шугнана и Рушана и могло привлечь туда «как прежних

¹⁵ Там же, лл. 140—144.

выходцев, так и новый элемент, что даст возможность эмиру извлекать из этих стран сравнительно хороший доход...»¹⁶.

В связи с тем что передача земель затянулась, Игнатьев 23 мая 1896 г. ходатайствовал перед Вревским об ускорении этого процесса: бухарские правители уже были назначены и ждали в Дарвазе «высочайшего соизволения» на установление юрисдикции Бухары над Шугнаном и Рушаном. Их пребывание в Дарвазе тяжело отражалось на положении местных жителей, вынужденных кормить лишние рты, и вызвало значительные расходы бухарской казны, как об этом заявил эмир. Игнатьев подчеркивал, что затычка с передачей земель может «породить ложные толки, не соответствующие нашим интересам»¹⁷.

Туркестанский генерал-губернатор поддержал Игнатьева и 26 мая 1896 г. сообщил начальнику Главного штаба о необходимости немедленного осуществления этой меры, не дожидаясь передачи Афганистану Запянджского Дарваза¹⁸. В связи с запросами местной администрации Главный штаб, ведавший вопросами Средней Азии, принял соответствующие меры. 28 июня 1896 г. начальник Главного штаба представил царю записку — доклад «О порядке передачи южной части Дарваза Афганистану и о вознаграждении бухарского эмира за потерю этой территории передачей в его владение восточных частей Шугнана, Рушана и Вахана»¹⁹, всесторонне освещающий возникновение и развитие проблемы, в котором были три основных момента, характеризовавшие позицию правительственных кругов:

1. Как уже отмечалось выше, туркестанский генерал-губернатор предлагал предоставить оформление передачи Запянджского Дарваза компетенции бухарского и афганского правительств; военное же министерство (по согласованию с министерством иностранных дел) предложило другое решение. Ввиду того что очищение восточных частей Шугнана и Рушана было произведено афганцами «самостоятельно», без уведомления об этом правительства России, то оно решило применить такой

¹⁶ Там же, л. 159.

¹⁷ Там же, лл. 197—198.

¹⁸ Там же, л. 195.

¹⁹ Там же, лл. 211—213.

же способ относительно Запянджского Дарваза. Бухаре было предложено к 1 октября 1896 г. освободить от своих властей и своей юрисдикции левобережный Дарваз, не сопровождая это никаким «оформлением». С таким методом передачи согласилось и оповещенное английское правительство. Сообщение бухарского эмира о ликвидации своей власти на передаваемой территории должно было явиться «фактом исполнения» англо-русского соглашения 1895 г.

2. Следующим пунктом, заслуживающим быть отмеченным, является обоснование «необходимости вознаграждения бухарского эмира за отходящую от него полосу земли». Как указывалось в «Записке», было два способа вознаграждения эмира — денежный и территориальный.

Первый способ был признан неудобным, ввиду того что эмиру была бы «тягостна» не столько потеря ничтожного дохода с Запянджского Дарваза, сколько унижение, связанное с потерей части бухарских земель «без всякой вины с его стороны». Это обстоятельство произвело бы «весьма невыгодное для нас впечатление не только в Бухаре, но и во всей Средней Азии». Поэтому решено было «удовлетворить эмира» передачей ему припамирских стран. Царское правительство при этом учитывало, что такая передача «не представила бы для нас особых неудобств, ибо была бы почти номинальной, так как действительная власть в стране все-таки оставалась бы в руках начальника русского отряда». Передача земель должна была «совершенно удовлетворить самолюбие бухарского эмира и заставить его охотно подчиниться» условиям англо-русского соглашения.

«Записка» военного министерства рассматривала также и назревающую проблему: отношение таджиков припамирских областей к Бухаре. Еще до передачи земель царские власти чувствовали, что этим вопросом придется заняться более серьезно.

«Что же касается до нерасположения местных жителей Шугнана и Рушана к Бухаре, о котором говорили некоторые путешественники, то нерасположение это едва ли не преувеличено и ничем не доказано; напротив, имеются сведения, что в прежнее время округа эти искали поддержки Бухары как при взаимных своих распрях, так и в борьбе с афганцами. Таким образом, подчине-

ние их бухарскому эмиру, под непосредственным контролем России, несомненно окажется для них благодеянием, сравнительно с недавно существовавшим положением их под афганским игом». В этих словах чувствуется явная неуверенность в справедливости сказанного и желание убедить самих себя.

Действительно, присоединение припамирских областей к отсталой феодальной Бухаре, вместо более передовой России, было для населения Западного Памира резко отрицательным мероприятием, вызвало упорную борьбу таджиков с бухарскими властями и привело в конце концов к необходимости изменить данное решение.

В противовес докладу генерального штаба исполнявший должность военного губернатора Ферганской области Федоров почти одновременно (15 августа 1896 г.) писал Вревскому, что передача припамирских стран Бухаре совершенно «не удовлетворяла население Шугнана, Рушана и Вахана», относящееся к «бухарцам справедливо недружелюбно»²⁰.

3. В «Записке» отмечается также крайне отрицательное отношение бухарского эмира к освобождению жителей припамирских стран на три года от денежных повинностей. Лишь «при личном объяснении с эмиром, — читаем мы, — генерал-губернатор получил его согласие на эту меру». Таким образом, выясняется, что потребовался личный нажим генерал-губернатора на эмира для проведения в жизнь меры, крайне важной для разоренных таджиков.

29 июня 1896 г. состоялось наконец «высочайшее повеление» о передаче Запаянджского Дарваза Афганистану, а припамирских бекств — Бухаре. Пределы отходящих к Бухаре земель ограничивались на востоке линией, идущей от границ Бухары у Язгулемского хребта и р. Бартанг, западнее сел. Оршор и далее на юг по острогам и перевалам Выхынч, Дузах-дара, Кок-бай и Маас, а затем к устью р. Памир²¹.

Любопытно, что в ответ на запрос начальника Памирского отряда о необходимости указать границу «в подробностях, хотя бы грудами камней» было решено

оставить описание границы в общих чертах. Это было вызвано стремлением «избежать всякие пререкания со стороны бухарцев хотя бы в мелких пограничных вопросах», а также для того, чтобы русские власти на Памире находились в постоянном контакте с бухарской администрацией и могли «наблюдать за ее действиями»²².

В дальнейшем произошло небольшое изменение границы в пользу России, и новая граница 30 июня 1896 г. была утверждена царем. Игнатъев опасался, что эмир запротестует, узнав об этом изменении. Поэтому он сообщил о новом направлении границы как о «совершившемся факте, не ожидая со стороны бухарского правительства каких-либо возражений против намеченного направления»²³.

* * *

В июле 1896 г. назначенные эмиром правители Рушана и Шугнана покинули наконец Дарваз и вступили в управление своими территориями. Шугнанский бек поручил управление Ваханом своему брату Мансур-ша.

По личному указанию туркестанского генерал-губернатора политический агент В. И. Игнатъев договорился с бухарским кушбеги, что тот будет сообщать начальнику Памирского отряда точные сведения о положении дел в этих землях и вообще находиться с ним в тесном контакте, необходимом «для поддержания общего порядка»²⁴.

Это мероприятие лишней раз должно было подчеркнуть то обстоятельство, что царское правительство продолжает уделять памирскому пограничному району должное внимание и что бухарские власти на Памире будут находиться под надлежащим контролем России.

Первое, чем занялись бухарские власти в бекствах Западного Памира, было выяснение вопроса об экономическом состоянии этих земель, который больше всего интересовал эмира Бухары.

Сведения, собранные бухарскими чиновниками, чрезвычайно любопытны и, хотя не относятся непосредствен-

²⁰ ЦГА УзССР, И-19, д. 4847, л. 26.

²¹ ЦГА УзССР, И-3, оп. 2, д. 26, л. 209.

²² ЦГА УзССР, И-19, д. 4847, л. 26.

²³ ЦГА УзССР, И-3, оп. 2, д. 50, лл. 41—42.

²⁴ Там же, лл. 4—6.

но к нашей теме, должны все же найти отражение, так как способствуют лучшему пониманию изучаемой проблемы. Правда, они далеко не всегда дают ясное представление о вопросе и зачастую сбивчивы и неточны. Из донесений бухарских чиновников состояние Рушана, Шугнана и Вахана в рассматриваемое время рисуется в следующем виде.

В бекствах Западного Памира сохранились пережитки родового строя; население жило «большими семьями»: на каждом дворе находилось по 3—4 семьи. Такие дворы носили название «буне»; это же название закреплялось и за трудовыми массами, облагавшимися налогами и податями. Во времена прежних властителей от налогового обложения освобождались сеиды, а также представители администрации: аксакалы, арбобы, казии, нукеры, составлявшие, так сказать, «служилое сословие».

Подавляющее большинство земельного фонда находилось в собственности ша (правителя). Жители общины обрабатывали его земли, а урожаем сдавали в его резиденцию — курган.

Всего в Рушане насчитывалось 412 дворов. Из этого числа сеидов — 12 дворов, аксакалов, арбобов, казиев, нукеров — 57 дворов. Остальные дворы подлежали налоговому обложению. Правитель Рушана держал при себе 30 человек аксакалов и арбобов и 30 человек нукеров; все они несли службу в кургане. С жителей буне взимались натуральные подати с каждого кишлака по определенной норме, вне зависимости от урожая. В год все кишлаки Рушана уплачивали подати («буне») в следующих размерах: 45 батманов зерна, 240 ягнят, 200 чашек масла, 20 коров, 150 пар чулок, 130 кусков веревки, иногда дрова.

Жители кишлака Басит, занимавшиеся промывкой золота, платили ша (а впоследствии афганцам) подать золотым песком на сумму 900 танга в год.

Ежегодно ша продавал в рабство в Афганистан несколько десятков юношей и девушек.

Афганцы во время пребывания в Рушане взимали с каждого двора ежегодно по 1 барану и 1 чашке масла, а с каждого кишлака — 10 пар чулок, 2 халата, 2 лисьи шкуры.

Царские власти за полтора года управления взяли

у жителей 100 баранов, 100 чашек масла, 15 батманов зерна, 200 пар чулок и разделили все это между представителями местной администрации — минбаши и аксакалами.

В Шугнани и Вахане насчитывалось всего 605 дворов (Шугнан — 480, Вахан — 125), из них 35 дворов сеидов, 255 дворов аксакалов, арбобов, казиев и нукеров. Облагаемые податями дворы ежегодно уплачивали полтора батмана зерна, 1 халат, 1 ягненка, 5 пар чулок каждый.

Афганцы взимали по 1 рупии с каждого семейства, входившего в состав двора. Ранней весной афганские чиновники составляли ведомость о количестве посевов каждого жителя, а осенью взимали херадж сообразно количеству засеянных семян, независимо от урожая. Кроме того, они производили всякие поборы, «непредусмотренные какими-либо законами».

Русские власти в течение полутора лет приказали собрать в Шугнани с каждого буне по одному батману пшеницы и одному ягненку, которых разделили между минбаши, аксакалами и джигитами.

В бекствах Западного Памира господствовало натуральное хозяйство, торговля была меновой, да и то в очень слабо развитой форме.

Донесения бухарских чиновников эмиру отмечают крайнюю бедность жителей. «Того, что они (жители Рушана. — Н. Х.) добывают земледелием, с прибавлением еще тутовых ягод, им не хватает на пропитание в течение года»²⁵, — гласит письмо чиновника, посланного эмиром вместе с бекем Рушана, причем автора документа никак нельзя упрекнуть в стремлении представить состояние населения в темных красках²⁶.

Жители Западного Памира в разговоре с бухарскими чиновниками выражали надежду на облегчение их тяжелого состояния. Надеждам этим не суждено было осуществиться.

Бухарские правители, приехав в свои «вотчины», стали выяснять положение, в котором они оказались. Рушанский бек постарался в первую очередь заручиться поддержкой местной знати. С этой целью он прибли-

²⁵ Там же, лл. 24—26.

²⁶ Там же, лл. 11—14, 24—26.

зил к себе 15 человек, бывших нукерами у прежних ша; пятерым из них он дал халаты мирахуров, а десятерым — халаты караулбеги, обещав исходатайствовать для них у эмира ярлыки на эти звания²⁷.

Имея распоряжение эмира не взимать податей, беки припамирских областей на первых порах брали у жителей продовольствие в долг, составляя список купленных вещей и обещая расплатиться по прибытии денег, ассигнованных им эмиром.

Рушанский бек созвал местных аксакалов и установил твердые цены на продукты, объявив, что каждый может продавать продукты бекам и его свите, получая за это деньги или мату.

Но продовольственные ресурсы этих районов были ничтожны; продуктов питания, как уже отмечалось, не хватало для самих жителей. Кормить беков с их многочисленной свитой было не под силу полуголодным таджикам Памира. И вполне естественно, что продовольственный вопрос явился первым пунктом, на котором должна была пройти проверку бухарская система управления.

До определенного времени таджики безропотно приносили бекам различные продукты, но с начала осени 1896 г. в рушанскую крепость (местопребывание бека) явились аксакалы кишлаков Рушана и заявили, что ввиду наступающей зимы жители начиная с середины октября не смогут поставлять продукты беку, так как им самим не хватит до будущего года²⁸.

Так же обстояло дело и в Шугнанах и Вахане. В Бухару полетели тревожные письма беков припамирских земель. Устройство этих территорий стало одной из ведущих тем бесед между Игнатьевым и Астанакулом-диванбеги, осуществлявшим связь с политическим агентом от имени бухарского правительства. Во время их встречи во второй половине октября 1896 г. Астанакул-диванбеги сослался на полученные из Шугнана и Рушана сведения и заявил, что жители припамирских областей так бедны, что бухарские правители не имеют возможности даже за деньги достать продовольствия и фуража для себя, своей свиты и конвоя. Несмотря на это, жители,

²⁷ Там же, л. 18. Мирахуры и караулбеги — низшие чины бухарской администрации.

²⁸ Там же, лл. 26—27.

якобы добровольно согласились вносить со следующего года небольшую подать «произведениями своих трудов». По мнению диванбеги, ввиду затруднительного положения новых беков и больших расходов, которые бухарское правительство должно нести по управлению новыми областями, желательно, чтобы жители доставляли бекам хотя бы самое необходимое.

Игнатьев возразил, что бедность жителей «лишь временная и является следствием афганских притеснений». Тем более необходимо, продолжал он, чтобы эмир, согласно своему обещанию, оказал новым подданным милость, освободив их «по крайней мере на три года от всяких податей»²⁹.

Диванбеги промолчал, но чувствовалось, что настоятельные требования русских властей совершенно непонятны бухарским властям и не встречают с их стороны ни малейшего сочувствия.

Вскоре в припамирских бекствах произошли крупные осложнения, всерьез встревожившие бухарскую администрацию как на месте, так и в столице ханства.

В ноябре 1896 г. диванбеги сообщил Игнатьеву, что правители Шугнана и Рушана с их конвоем находятся в безвыходном положении. По информации диванбеги, беки не взимали никаких податей, но, не получив своевременно наличных денег, были вынуждены брать у жителей продовольствие в долг с обязательством уплатить за взятое «по справедливым ценам». И все, судя по рассказу диванбеги, шло хорошо: жители поочередно доставляли бекам продовольствие.

Вскоре, однако, прибыл в Рушан начальник Памирского отряда капитан Эггерт для размещения в бекстве русского военного поста и нарушил «идиллию». Созвав рушанских аксакалов и арбовов, капитан Эггерт навел справки о том, что у них было взято беком. Аксакалы и аробы ответили: «...каждый день по барану за 3 тенги, чашку масла за полторы тенги, ячменя на 7 тенеги, муки на 4 тенги, клевера на 6 тенеги» и т. д. Все это бек брал по очереди с каждого кишлака «по записи».

Капитан Эггерт объявил жителям, что они освобождены от уплаты податей на три года и должны получить у бека деньги за все доставленные ему продукты,

²⁹ Там же, лл. 28—30.

а впредь следует делать ему поставки лишь за наличный расчет, составив список взятого. Начальник Памирского отряда обещал поставить в известность о происшедшем генерал-губернатора. Затем между Эггертом и беком Рушана произошел любопытный разговор, представляющий тем больший интерес, что он дошел до нас в донесении самого бека эмиру.

«...Начальник, призвав меня к себе, сказал: „Вы каждый день брали с кишлаков продовольственные припасы, а денег за забранное не платили. Начальствующий над солдатами двух крепостей офицер (начальник русского поста в Рушане. — Н. Х.) будет вести записи вашему ежедневному забору и представит губернатору“. Эти слова, дойдя до слуха голых и голодных жителей, произвели среди них смущение, а моей начальнической власти нанесли полный ущерб. Я ответил: „При назначении меня беком со стороны его высочества (бухарского эмира. — Н. Х.) не было приказано брать что-либо с области. Но дорога оказалась тяжелой, область отдаленной. Поблизости нет ни базара, ни населенной местности, откуда мы могли бы доставлять себе съестные припасы и предметы первой необходимости... Ввиду безвыходного положения я забираю ежедневно по мере надобности у каждого аксакала кишлака предметы первой необходимости в долг, о чем веду запись“.

Начальник, выразив большое сожаление, согласился с моими доводами... Несмотря на это, он, вероятно, доложит губернатору заявления жителей о том, что у них взяты в долг ячмень и пшеница. Жители сбиты с толку, и я боюсь, что не сумею выполнить возложенной на меня обязанности»³⁰.

Русско-бухарский конфликт на Памире усугубился тем обстоятельством, что начальник Памирского отряда изгнал рушанского бека из его дома, где разместил военный пост. В Шугнани с этой же целью был занят дом нукеров шугнанского бека.

Все это привело к новому обострению «памирского вопроса» и дало повод Игнатьеву иронизировать в письме к Вревскому от 18 ноября 1896 г.: «Словом, судя по донесению беков, им и состоящим при них нукерам теперь и жить негде, и есть нечего»³¹.

³⁰ Там же, лл. 44—46.

³¹ Там же, лл. 33—34.

Эмир был не на шутку встревожен происшедшими событиями и в собственноручном письме указывал Игнатьеву на желательность того, чтобы русские офицеры в Шугнани и Рушане оказывали содействие бухарским властям, а не «вселяли в жителях недоверие к новым правителям своими заявлениями».

Игнатьев отвечал, что беспокойство беков ему кажется «необоснованным — все необходимое за деньги можно достать» (политический агент забывал при этом, что меновый характер торговли сводил к минимуму значение денег на Памире, а «менять» беку продукты было не на что). Считая, что поводом к поведению русских офицеров в бекствах явились жалобы жителей на поборы, он счел необходимым вновь напомнить бухарским властям, что эмир обещал генерал-губернатору освободить жителей на три года от податей, «почему вопрос об этом следует считать поконченным».

Затем Игнатьев указал диванбеги на необходимость предписать бекам «заботиться об улучшении благосостояния жителей и не останавливаться перед затруднениями, которые на первое время неизбежны, но устраняться сами собой, когда в новых областях все устроится...». В то же время Игнатьев сообщил Вревскому, что эмир «в высшей степени огорчен и взволнован этими сообщениями беков, в особенности о заявлениях, сделанных будто бы нашими офицерами жителям Рушана и Шугнана»³².

Еще до получения этого донесения, 15 ноября 1896 г., Вревский предложил Игнатьеву добиться от бухарского правительства выполнения достигнутого соглашения с эмиром об освобождении населения Западного Памира на три года от всяких денежных повинностей³³.

29 ноября 1896 г. Игнатьев прибыл в резиденцию эмира в Кермине, чтобы оформить соглашение. Это «оформление» выразилось в довольно своеобразной форме: когда эмир попробовал заговорить о том, что, дескать, он действительно согласился «оказать милость и льготы», но об освобождении населения от всяких податей и налогов на «целых три года» не было и речи,

³² Там же.

³³ Там же, л. 38.

дипломат хладнокровно и безапелляционно заявил, что этот вопрос считается решенным; о нем уже доложено царю, а поэтому какие-либо изменения «были бы совершенно неудобны».

Подобное третирование в совокупности с недавними донесениями бухарских чиновников, в достаточной мере раскрывшими глаза эмира на «царский подарок», вывело наконец из себя «повелителя Бухары», и он разразился бурной речью³⁴, в которой излил всю досаду и негодование по поводу создавшегося положения. Эмир заявил, что управители Шугнана и Рушана были им немедленно назначены и посланы туда, как только стало известно, что эти области присоединяются к Бухаре. Однако он, эмир, до сих пор не знает, кому в действительности принадлежат эти земли — Бухаре или России? Его беки там никакой власти не имеют, «они даже изгнаны из своих домов» и находятся «в самом унижительном положении».

Лишившись доходов с левобережного Дарваза, эмир не только не получает доходов с Шугнана и Рушана, но должен еще нести расходы на содержание их администрации. Конечно, расходы эти «не тяжелы для него», но ему «тяжело переносить унижение». «Если бы даже я изъявил согласие освободить моих новых подданных на три года от всяких податей, — говорил эмир, — то объявить им о такой милости должны были бы мои беки и от моего имени. Вместо того, без моего ведома и согласия, русские офицеры от себя объявили жителям, что они освобождены на три года от всяких податей».

Далее эмир отмечал крайнюю затруднительность сообщения с Памиром и снабжения беков деньгами, в результате чего они вынуждены были брать у населения продовольствие в долг. Жители против этого не возражали, но приехали русские офицеры и запретили это делать. «Какое же мнение после этого составят жители о моих управителях и обо мне, их владетеле? Будут ли они признавать теперь поставленных беков и меня самого? При таком положении дел могут возникнуть серьезные недоразумения между жителями и беками, которые вызовут необходимость занятия областей русскими

³⁴ Там же, лл. 54—59 (речь эмира дается в изложении Игнатъева).

войсками. Толки и разговоры об этом распространятся и здесь, среди остальных моих подданных, и покроют меня полным бесславием.

Словом, новые области не доставляют мне ничего, кроме горя, обид и затруднений. Беки заявили, что они не в силах более оставаться там. Не лучше ли отозвать их немедленно? Я положительно не знаю, что мне делать. Думаю, что в таких трудных обстоятельствах мне остается одно — просить царя оказать мне высокую милость — взять обратно Шугнан и Рушан... и пожаловать мне за часть Дарваза, отошедшую к Афганистану, какую-либо другую, более близкую территорию, как, например, Пенджикент...».

Эмир добавил, что политический агент Лессар, убеждая его согласиться на обмен левобережного Дарваза на бекства Западного Памира, указывал, что обмен территориями — «обычное дело между государствами, поэтом он, эмир, и просит обменять Шугнан и Рушан на другую территорию».

Игнатъев принял все меры к тому, чтобы успокоить эмира и убедить в том, что положение «не так затруднительно», и заявил, что донесения бухарской администрации сгущают краски, что все затруднения происходят оттого, что бухарские чиновники «не ознакомились с положением жителей, только что освободившихся от гнета афганцев», что еще до отправления беков на места была известна нищета населения Западного Памира.

Игнатъев с апломбом утверждал, что беки «могли и должны были предвидеть, что им придется на первое время испытать некоторые лишения»; он просил убедить жителей в том, что они свободно могут заниматься трудом, «не опасаясь ни с чьей стороны притеснений», после чего «все затруднения исчезнут сами собой, а страна достигнет благосостояния». Что же касается заявлений, сделанных русскими офицерами на Памире, то Игнатъев утверждал, что они являются следствием какого-то недоразумения (хотя, как мы помним, Вревский отдал специальное распоряжение Повало-Швейковскому об объявлении населению о налоговых льготах) и не следует придавать этому серьезного значения, так как «жители, без сомнения, скоро убедятся, что освобождение от податей — милость, оказанная им вашим высочеством».

На утверждение Игнатьева, что с устройством дороги на Памир дело наладится, эмир возразил: «Но как же я буду устраивать дороги, если жители не будут признавать моих управителей и откажутся от работ? Нельзя же заставлять их силой³⁵. А посылать рабочих из других бекств я не считаю удобным». На это Игнатьев ответил, что разрешение вопроса не встретит затруднений, и рабочие для устройства дороги, «конечно, найдутся».

Доводы Игнатьева, видимо, несколько успокоили эмира, и он перевел разговор на другие темы. Таким образом, политическому агенту удалось одержать небольшую дипломатическую победу над «повелителем Бухары» в вопросе о памирских бекствах, но победу временную, как выяснилось в дальнейшем.

Однако Игнатьев, который был неплохим дипломатом, вполне разбиравшимся в сложных взаимоотношениях между Россией и ее вассалом, понимал, что жалобы эмира возобновятся после новых донесений беков, «которые, вероятно, будут не более убедительны, чем полученные до сего времени». Поведение эмира Игнатьев оправдывал его крайне честолюбивым характером и, считая несомненным, что эмир подчинится и освободит жителей от повинностей, просил у Вревского разрешения «не напоминать ему более об этом требовании».

Но Вревский и сам предвидел возможность дальнейших осложнений на Памире. В связи с письмом Игнатьева от 18 ноября 1896 г. он предписал военному губернатору Ферганской области немедленно приказать начальникам русских постов на Пяндже, чтобы они не вмешивались в отношения между населением и бухарскими властями и оказывали им должное содействие. Для успокоения эмира Вревский сообщил, что признает русские посты на Пяндже вообще излишними и будет ходатайствовать перед военным министром об их снятии³⁶.

³⁵ Чрезвычайно любопытное и ехидное замечание! Эмир Бухары, где все государственные мероприятия проводились исключительно при помощи насилия, «не считает возможным» заставить силой жителей Памира, находящихся «под покровительством России», принять участие в сооружении дороги на Памир, необходимой в первую очередь для России.

³⁶ Там же, л. 61.

События продолжали развиваться. Еще не успел Игнатьев отправить Вревскому письмо от 4 декабря 1896 г. с отчетом о бурной беседе с эмиром, как его посетил Астанакул-диванбеги и вновь заговорил о трудностях, возникающих перед эмиром при управлении отдаленными припамирскими бекствами. Бекам, говорил диванбеги, трудно управлять населением, неизвестным с обычаями и порядками Бухарского ханства. «Предоставить же жителям самим выбрать из своей среды беков неудобно, так как выбранные беки не будут в своих действиях соотносываться с приказами и распоряжениями» эмира. Поэтому правитель Бухары «предпочел бы отказаться от Шугнана и Рушана и передать их вновь русскому правительству». На замечание Игнатьева, что отказ от переданных областей произведет плохое впечатление на царя и эмир не получит никакого другого территориального возмещения, Астанакул-диванбеги ответил, что эмир согласен вернуть эти земли даже без территориального вознаграждения.

Из слов диванбеги Игнатьев сделал вывод, что бухарский владыка принял твердое решение отказаться от припамирских бекств и, видя, что его попытка обменять эти земли «хотя бы на Пенджикент» не удалась, хотел просто возвратить их. Царский дипломат не сомневался, что основную роль в этом решении сыграли финансовые расчеты. «Отправленные беками чиновники представили столь безотрадные сведения об экономическом положении страны, — писал Игнатьев Вревскому 5 декабря 1896 г., — что эмир, по-видимому, потерял надежду извлекать когда-нибудь доход из Шугнана и Рушана и испугался предстоящих расходов на устройство этих областей согласно нашим требованиям»³⁷.

Вревский поручил Игнатьеву убедить эмира взять назад свою просьбу. Возможность отказа эмира от «дарованных» ему областей, писал Вревский, совершенно не предвиделась и произведет самое неблагоприятное впечатление «ввиду недостаточно серьезных мотивов, послуживших эмиру, как самостоятельному правителю такого большого ханства, к отказу от сравнительно незначительных областей». Царское правительство, уступая эти земли Бухаре, надеялось, что они оправятся в

³⁷ Там же, лл. 62—66.

экономическом отношении и не будут отличаться от «других областей Восточной Бухары».

«Главное затруднение, пугавшее эмира, — труднодоступность припамирских бекств — легко устранимо», утверждал Вревский, — при помощи разработки дороги через Дарваз. Весной 1897 г. в Дарваз будет послан офицер, чтобы исследовать местность для проведения дороги. «Отдаленность какой-либо области от центра управления и неустройства ее еще далеко не могут служить серьезной причиной отказа от этой области». Вревский пытался смягчить «те ничтожные недоразумения, которые возникли между беками в Шугнана и Рушана и русскими разъездами», и указал на принятые им меры к ликвидации подобных «недоразумений».

В то же время генерал-губернатор предлагал Игнатьеву, если эмир не согласится с его доводами и будет настаивать на своем решении, взять у него «письменное, ясно мотивированное заявление» для доклада царю³⁸.

27 декабря 1896 г. эмир Сеид Абдул-Ахад-хан встретился с Игнатьевым. После длительной беседы, во время которой царский дипломат потратил много труда и усилий и выложил на стол все доводы, которыми его снабдил Вревский, эмир «изъявил полную готовность сообразоваться» с указаниями туркестанского генерал-губернатора и оставить припамирские бекства в своем владении. Игнатьев воспользовался удобным случаем и «вновь обратил внимание эмира», что «для устранения недоразумений необходимо строго предписать» бекам не позволять себе никаких притеснений и злоупотреблений по отношению к жителям, «только что освободившимся от афганского гнета»³⁹.

Участь припамирских бекств являлась предметом обсуждения не только верхов туркестанской администрации и Бухарского ханства. Она в первую очередь волновала тех, кто являлся страдательной стороной, терпящей исключительные невзгоды от административной и хозяйственной неурядицы на Памире, — само население этих земель, прошедшее суровую школу длительной освободительной борьбы с чужеземными захватчиками.

³⁸ Там же, лл. 74—75.

³⁹ Там же, лл. 83—84.

Памирские таджики ни в коей мере не собирались играть роль бессловесных жертв алчности бухарских управителей и терпеть гнет феодальной Бухары. На протяжении всего периода пребывания припамирских бекств в системе Бухарского ханства они использовали все формы борьбы с ненавистным бухарским управлением — от подачи устных и письменных жалоб на беков русским властям на первых порах до открытого вооруженного восстания.

В конце октября 1896 г. к начальнику Памирского отряда капитану Эггерту на Памирский пост пришли два ходока из Вахана с просьбой от имени местного населения, чтобы их освободили от бухарского владычества. Ваханцы грозили бегством, «самоуничтожением», если их просьба не будет удовлетворена⁴⁰. Заявив, что они ранее подчинялись Коканду, а не Бухаре, ваханцы просили принять их в «пределы России».

Капитан Эггерт в препроводительном письме к прошению населения Вахана 4 ноября 1896 г. отмечал, что жителями движет не только «национальная ненависть» к бухарцам, но и те поборы, которые производят бухарские власти. Начальник Памирского отряда вполне допускал возможность бегства населения «в разные стороны»⁴¹.

Подобное «бегство» в случае его осуществления нанесло бы большой урон политике России в Средней Азии и резко отразилось бы на престиже империи в глазах соседних племен и народов, т. е. било бы по самому уязвимому и чувствительному месту во внешней политике Петербурга в Центральной Азии.

Учитывая это обстоятельство, а также ненависть памирских таджиков к бухарцам и «веками установившейся системе управления в Бухаре», капитан Эггерт считал единственной мерой, могущей дать надлежащий результат, — полное и безоговорочное присоединение Рушана, Шугнана и Вахана к России. Последнее обстоятельство характерно для рассматриваемого вопроса в течение всего периода пребывания припамирских бекств под властью Бухары. Начальники Памирского

⁴⁰ Там же, л. 103 (перевод прошения ваханских жителей на имя начальника Мургабского поста: «Если прошение наше не достигнет цели, то мы бросимся в реку и горы и уничтожим себя»).

⁴¹ Там же, лл. 95—96.

отряда, неоднократно менявшиеся, а также офицерский и рядовой состав отряда, находившиеся в непосредственной близости и контакте с памирскими таджиками, были убежденными сторонниками необходимости присоединения Западного Памира к России и неизменно становились на сторону таджиков в их столкновениях с бухарскими властями, за что нередко получали выговоры от высшего начальства.

Эггерта поддержал командующий резервными и местными войсками Ферганской области, военный губернатор Ферганы, генерального штаба генерал-лейтенант Повало-Швыйковский. Он отметил, что поборы и налоги бухарских властей в случае попустительства «дойдут до размеров прежнего грабительства, которое практиковалось афганцами, и тогда населению действительно останется единственный выход — разбежаться по соседним странам»⁴².

Эти донесения заставили Вревского предложить Игнатьеву воздействовать на бухарское правительство и «настоятельно потребовать о прекращении незаконных поборов с населения вновь присоединенных областей»⁴³.

Вместе с тем Повало-Швыйковскому было предложено по возможности чаще напоминать не только начальнику Памирского отряда, но и всем вообще офицерам отряда «о невмешательстве в деятельность бухарских властей на Памире, в особенности по вопросам, подлежащим решению только этих властей», и — что очень характерно — о полном отказе от всяких письменных сношений с ними. Царская администрация в особенности стремилась избежать появления документальных данных, свидетельствовавших о «неполноценности», «несамостоятельности» бухарских правителей на Памире⁴⁴.

Игнатьев вновь напомнил эмиру об обуздании беков, на что Сеид Абдул-Ахад-хан ответил, что он уже два раза писал об этом бекам, теперь напишет «еще раз». Сообщая об этом генерал-губернатору, Игнатьев просил «в видах установления должного порядка» предложить русским офицерам на Памире ограничиться наблюдением за действиями бухарцев, не принимать никаких

⁴² Там же, л. 97.

⁴³ Там же, л. 99.

⁴⁴ Там же, л. 102.

жалоб от жителей и не давать им никаких обещаний. Царский представитель, которому этот вопрос в достаточной степени успел надоесть, готов был идти по пути наименьшего сопротивления и отмечал, что если беки и позволили себе какие-нибудь поборы, то эти поборы ничтожны в сравнении с теми притеснениями, которым жители подвергались со стороны афганцев. Поэтому Игнатьев считал угрозы жителей о выселении не заслуживающими внимания. И каким полным равнодушием к судьбам несчастных таджиков звучат его слова о том, что вопрос о ненависти последних к бухарским властям «уже был подвергнут обсуждению до передачи Шугнана, Рушана и Вахана бухарскому эмиру!»⁴⁵.

Но поборы беков были вовсе не так ничтожны, как представлял себе Игнатьев. С августа 1896 до января 1897 г. они выразились в одном лишь Рушане в 14 тыс. снопах клевера, 560 пудах ячменя, 140 пудах муки, 140 баранах, 280 чашках масла, 11 600 вязанках дров, 13 коровах и 1 лошади. Именно такие цифры называл в письме к нему Вревский, требуя, чтобы рушанцам было заплачено за все сполна⁴⁶.

Вновь бекам припамирских земель было послано «строгое предписание» из Бухары не производить поборов и расплатиться с жителями. Ничто, однако, не помогало. Вернувшись после очередного «памирского» разговора в свою резиденцию, Игнатьев обнаружил присланные ему 4 новых жалобы на притеснения бухарских управителей. Указывалось персонально, что наиболее усердствуют в ограблении населения шугнанский бек Акбар-ша и махрам при беке Рушана.

«Деятельность» бека Рушана достаточно рельефно обрисована в упомянутом письме Вревского. Рушанский махрам недалеко отстал от бека. Жители Рушана — «от мала до велика» — в прошении, поданном начальнику Памирского отряда, жаловались, что он за короткий срок своего пребывания в Рушане отнял у них под видом штрафа 12 коров, 14 суконных халатов, 50 пар чулок, подков и гвоздей на 50 лошадей и др. предметы, а также 14 быков и 50 лошадей⁴⁷. Брат Акбар-ша — хаким Вахана Мансур-ша на двое суток посетил Шах-

⁴⁵ Там же, л. 93.

⁴⁶ Там же, л. 117.

⁴⁷ Там же, л. 128.

Дару, отобрав у жителей 15 баранов, 3 пуда пшеничной муки, много масла и других продуктов, сообщали шах-даринцы тому же русскому офицеру⁴⁸.

Несмотря на получение пересланных эмиром денег, беки не собирались платить за все взятое ими. Акбар-ша, например, продолжал брать у жителей продукты бесплатно и даже делал из них запасы. Имея «строжайший приказ» эмира полностью расплатиться с населением, Акбар-ша пытался схитрить и получить расписки жителей без уплаты денег. Путем угроз он заставил жителей выдавать ему расписки в получении денег, но под давлением состоявшего при нем чиновника Мирза-Джурабека-караулбеги расписки пришлось уничтожить. Тогда Акбар-ша самовольно понизил на одну треть цены на взятые им продукты, а за топливо, фураж и вьючных лошадей категорически отказался платить⁴⁹. Но и этого беку показалось недостаточным: проведя с большой шумихой раздачу денег населению, Акбар-ша велел аксакалам тайно собрать розданные деньги и вернуть их ему, что и приводилось в исполнение⁵⁰.

Кроме того, Акбар-ша объявил некоторым семействам, что их земли будут конфискованы с наступлением весны. Этим жителям не было ничего уплачено за взятые продукты, так как бек считал урожай с их земель «своей собственностью». У четырех шугнанцев Акбар-ша отнял землю с посевом, на который ушло «три кожаных мешка семян», и отдал ее жителю Мирза-Ашрафи за взятку в виде верблюда. Издевательством бека не было границ: он отправил в Кала-и-Хумб пешком 20 человек, которые должны были в качестве вьючных животных, питаясь все двадцать дней пути за свой счет, доставить на себе в шугнанскую крепость вьюки с рисовой крупой.

Начальник Шугнанского поста поручик Кивекэс, сообщая об этих фактах, указывал на необходимость смещения бека с его должности.

Суммировав донесения, полученные от памирских офицеров и из других источников, политический агент 3 марта 1897 г. сообщил о действиях бека бухарскому правительству, предложив ему принять меры «к прекращению злоупотреблений» или уволить бека с зани-

⁴⁸ Там же, л. 127.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, л. 136—137.

маемой им должности⁵¹; Акбар-ша был объявлен строгий выговор с предупреждением.

11 марта 1897 г. Игнатъев снова беседовал с эмиром, который отметил, что назначение Акбар-ша беком состоялось, собственно говоря, под давлением русско-го правительства, а он, Сеид Абдул-Ахад-хан, «знал», что Акбар не пользуется авторитетом и уважением жителей. Но замена бека в настоящий момент — «по просьбе жителей» — лишь через несколько месяцев после его вступления в должность, являлась, по мнению эмира, «неудобной», так как могла «подорвать престиж всех бухарских властей». Было решено ждать дальнейшего хода событий⁵².

А события по-прежнему не меняли своего характера. От русских постов на Памире поступали все новые и новые сведения о поборах и вымогательствах бухарских беков. Беку Рушана — Ишанкулу не давали спать «лавры» его шугнанского собрата; действуя в контакте с состоящим при нем чиновником, бек потребовал «подарков» от аксакалов и пятидесятников Рушана под угрозой отстранения их от должности. Каждый «подарок» беку должен был состоять из 2 рабочих волов и шерстяного халата, а «подарок» чиновнику — из 2 баранов, халата и 4 пар длинных шерстяных чулок.

Когда же аксакалы и пятидесятники заявили, что предпочитают уйти с занимаемых должностей, чиновник при беке предупредил, что отказавшиеся от службы должны будут внести штраф в виде тех же двух рабочих волов. И аксакалы с пятидесятниками были вынуждены «сделать подарки» беку и его чиновнику. Эти же правители послали своих людей в кишлак Басит, близ которого находились золотые россыпи, требуя выдать 20 тиллей золота. Однако здесь бек со своим чиновником впервые натолкнулся на твердое и упорное сопротивление. Ссылаясь на указ эмира об освобождении их на три года от уплаты податей, жители кишлака наотрез отказались исполнить требования. Никакие угрозы не помогли беку. Не удалась также и попытка бека спровоцировать царских офицеров на подавление «бунта»⁵³.

⁵¹ Там же, лл. 140—141.

⁵² Там же, лл. 160—162.

⁵³ Там же, лл. 171—173.

В качестве одного из средств воздействия на жителей беки распространяли слухи, что защитники жителей — русские отряды — скоро будут заменены бухарскими войсками и тогда с непокорных «будет снята шкура»⁵⁴.

Под давлением этих сообщений о деятельности бухарской администрации Вревский в письме Игнатьеву от 12 марта 1897 г. высказался за смену беков, «замеченных в разных злоупотреблениях, незаконных поборах, а также в притеснениях и насилии, чинимых ими местным жителям Шугнана и Рушана»⁵⁵.

Высших чинов туркестанской администрации беспокоили не столько «насилия, чинимые местным жителям», сколько вредное отражение этих злоупотреблений на престиже Российской империи среди соседних с Памиром стран. Бегство жителей Памира в «разные стороны», о котором они неоднократно упоминали под давлением бухарского «управления», нанесло бы, по мнению царских властей, непоправимый ущерб «русскому имени», а этого ни в коем случае нельзя было допустить. Поэтому Игнатьев, перечислив 14 марта 1897 г. правителям эмирата все злоупотребления шугнанского и рушанского беков, потребовал у бухарского правительства их смещения и назначения на их место «добросовестных и опытных правителей»⁵⁶.

В ответ на это Астанакул-диванбеги, обойдя полным молчанием это требование, указал лишь, что беку Рушана, как раньше беку Шугнана, объявлен выговор с предложением «исправиться»⁵⁷. Боясь дискредитации власти, бухарское правительство решило ждать результатов от своих административных мер.

Тем не менее беки и не думали «исправляться». Вскоре Игнатьев получил новые документы о разорительной деятельности бухарских правителей на Памире и новый запрос со стороны Вревского о результатах исполнения его требования о смене администрации. Незачем углубляться в изучение донесений русских офицеров на Памире («весть им числа!») о злоупотреблениях беков. Эти сообщения различны в деталях, но общая на-

⁵⁴ Там же, лл. 174—175.

⁵⁵ Там же, л. 164.

⁵⁶ Там же, лл. 176—177.

⁵⁷ Там же, л. 190.

правленность их едина: жители тяжко страдают от насилий и притеснений, чинимых бухарскими чиновниками, которые грабят и угнетают население, отбирают землю и скот.

Игнатьев за короткий срок пребывания в должности политического агента в Бухаре был буквально засыпан ворохом деловых бумаг, посвященных «памирскому вопросу». 19 апреля 1897 г. в письме начальнику штаба Туркестанского военного округа генералу Федорову он откровенно и резко высказал все, что думал «о правителях Шугнана и Рушана и о положении дел в этих областях». Его письмо объективно представляет документ, обличающий и собственно царское правительство, проводившее по отношению к Бухарскому ханству (как и в самой России) антинародную политику, ханжески прикрытую пресловутым лозунгом «невмешательства во внутренние дела Бухары».

Игнатьев отмечал, что жители всех бухарских бекств, а не только Рушана и Шугнана страдают от поборов и насилий. «Можно безошибочно сказать, что вполне добросовестных бухарских чиновников и беков не существует, да и при настоящей системе управления ханством при отсутствии определенных законов и не может существовать»⁵⁸. Местные жители, продолжал Игнатьев, так привыкли к подобному порядку вещей, что жалуются лишь тогда, когда терпеть становится невозможно. Жалобы эти редко доходят до эмира, а если он в исключительных случаях — и наказывает провинившегося бека, то главной причиной этого являются «не столько забота о жителях, сколько убытки, причиненные злоупотреблениями бека бухарской казне».

Искать добросовестных чиновников вместо Акбар-ша и Ишанкула бесполезно. К тому же Сеид Абдул-Ахадхан, не получая доходов с этих земель, не станет отпускать бекам и их штату достаточных сумм. «Престиж нашего правительства будет страдать и в том случае, если поборы с жителей будут доведены до возможного минимума», так как именно русские офицеры объявили жителям об освобождении их от повинностей, приняв на себя ответственность перед населением за действия бухарских властей. Характерно, что именно в этом цар-

⁵⁸ Там же, лл. 200—205.

ский чиновник Игнатъев видит «корень зла»: если бы сами бухарцы объявили об освобождении жителей от налогов, то те «имели бы полное право требовать непосредственно от беков соблюдения этого условия».

Единственным выходом из создавшегося положения Игнатъев считал оказание «известного влияния» на местную администрацию со стороны начальников русских постов, влияние, которое должно быть установлено «совершенно незаметно» и не должно касаться управления областями. Еще более откровенно он высказался в частном письме Федорову, которое настолько любопытно и характерно для нашей темы, что вполне заслуживает внимания⁵⁹.

«Не подумайте, что я беру на себя защиту рушанского и шугнанского беков и оправдываю их злоупотребления. Отнюдь нет. Не подлежит сомнению, что они мошенники, как и все без исключения бухарские беки. Но мне кажется, что мы впутались в такую историю, из которой выход один: изгнать из Шугнана и Рушана всю бухарскую администрацию и принять эти области вновь в наше управление... Капитан Эггерт давно уже говорил о таком выходе. Сменить беков не долго. Но, что мы будем делать, если и преемники Акбар-ша и Ишанкула окажутся не лучше, в чем я почти не сомневаюсь?..»

Передавая Шугнан и Рушан Бухаре, мы, конечно, должны были знать, что бухарский режим показался бы для жителей легким в сравнении с афганским. Но мы не могли не думать, что жители останутся довольны бухарским управлением непосредственно после нашего. Это обстоятельство возлагало на наших офицеров обязанность действовать в высшей степени осторожно. Между тем... дело было поставлено так: как только явились бухарские беки со своими свитами, в Шугнани и Рушани образовались две резко враждебные одна другой партии — с одной стороны жители с нашими офицерами во главе, а с другой — бухарцы. Беки стали жаловаться на офицеров, офицеры на беков. Я отдаю полную справедливость рыцарским чувствам молодых офицеров, столь горячо принявшим на себя защиту угнетенного населения. Но не лучше ли было бы для наших интересов, если бы офицеры, как представители порядка и закон-

⁵⁹ Там же, лл. 206—207.

ности, сохранили полное беспристрастие и взяли бы на себя роль посредников между новыми правителями и жителями... при таком образе действий наши офицеры, не вмешиваясь в дела управления, фактически стали бы хозяевами положения и установили бы *modus vivendi*.

Зачем поручик Кивекэс придает значение таким в сущности глупым выходкам бека, как заявление последнего, что русские приставлены к бухарцам „караульщиками“? Ведь население такому заявлению все равно не поверит. Поручик Кивекэс отлично мог бы по душам побеседовать по этому предмету с беком и сделать ему по дружбе головомойку... Смена правителей, без изменения нашей политики по отношению к Шугнану и Рушану, делу не поможет.

А что будет там через три года, когда начнется сбор податей, трудно себе даже представить».

Исходя из того обстоятельства, что «единственный выход — изгнать всю бухарскую администрацию» — был неприемлем с точки зрения внешней политики и что последние донесения русских властей с Памира были отправлены ранее получения беками «выговоров», Игнатъев считал возможным оставить пока беков на своих местах и просил срочных (эмир собирался выехать «на воды») указаний Вревского по этому вопросу⁶⁰.

Вревский согласился отложить смещение беков «до выяснения их действий» и до возвращения эмира⁶¹.

Однако уже через несколько дней генерал-губернатор в корне изменил решение. Это было вызвано приездом с Памира поручика Кивекэса, который в личном докладе подробно обрисовал правителю Туркестана «деятельность» бухарской администрации. Через неделю после отправки телеграммы с согласием отсрочить смещение беков Вревский 26 мая 1897 г. предложил Игнатъеву настоять на немедленном удалении от должности шугнанского бека Акбар-ша и чиновника при рушанском беке — махрама караулбеги Исхак-ходжу. Мотивировка была такова: Акбар-ша, назначенный беком как потомок прежних правителей Шугнана, видел в Шугнани свою вотчину, занимаясь вымогательством и насилием. Дальнейшая деятельность Акбар-ша грозила

⁶⁰ Там же, лл. 227—228.

⁶¹ Там же, л. 235.

Шугнану разорением и вызвала неоднократные переселения таджиков в Афганистан. Видя стремление русских постов ограничить его злоупотребления, он относится к русским резко враждебно. Поэтому Акбар-ша являлся «равно нежелательным на своем посту как в интересах наших, так и бухарского правительства».

Признавая, что рушанский бек «сам по себе, насколько то возможно по азиатским (читай: бухарским. — Н. Х.) воззрениям, весьма благонамеренный и справедливый», Вревский отмечал крайне вредное влияние на него чиновника Исхак-ходжи, беспощадно грабящего жителей и втягивающего в это дело бека «под угрозой мести и несправедливых донесений эмиру».

Вместе с тем генерал-губернатор планировал переустройство системы управления бекствами Западного Памира: он предлагал эмиру сосредоточить управление Рушаном, Шугнаном и Ваханом в руках одного бека, а также отозвать оттуда 70 человек бухарской конницы, лишь затрудняющих продовольственный вопрос, в то время как «поддержание спокойствия вполне обеспечено русскими постами и джигитами бека»⁶².

Проведение этих мероприятий должно было значительно снизить расходы на «управленческий аппарат» и облегчить как управление Западным Памиром, так и положение жителей в результате уменьшения числа нахлебников. Эмир, естественно, принял предложения Вревского⁶³.

Одновременно с этим генерал-губернатор принял меры к упорядочению и русской власти на Памире. 26 мая 1897 г. он утвердил «Инструкцию начальнику Памирского отряда»⁶⁴. Первым ее пунктом вменялось в обязанность начальнику отряда и начальникам русских постов наблюдение за тем, чтобы «уполномоченные бухарского правительства» не обирали жителей и расплачивались с ними «по действительной стоимости» забираемых предметов.

Второй пункт устанавливал, что в случае поступления жалоб населения на бухарских чиновников русские власти на Памире не должны вступать с ними в переписку, а стараться «нравственным воздействием, в лич-

⁶² Там же, лл. 245—246.

⁶³ Там же, л. 253.

⁶⁴ Там же, лл. 257—258.

ных переговорах, склонять бухарских чиновников к справедливому отношению к жителям». Такое воздействие признавалось «лучшим средством» для установления справедливости на Памире «при существующих дружеских отношениях бухарского правительства с русским».

Инструкцией запрещалось «засыпать» начальство рапортами о деятельности чиновников: лишь о важных случаях злоупотреблений чиновников⁶⁵ разрешалось «доносить по команде».

Таким образом, добившись реорганизации бухарского управления, генерал-губернатор в то же время категорически запретил русским офицерам оказывать какое-либо давление на бухарцев в случае их злоупотреблений, кроме «нравственного», косвенно намекая, чтобы они не слишком близко принимали к сердцу страдания таджикского населения Западного Памира, как они это делали до сих пор.

После переговоров с Игнатьевым эмир выслал Акбар-ша вместе с его многочисленной родней и хакимом Вахана Мансур-ша в Гиссар, под надзор гиссарского кушбеги. Рушанский бек был назначен правителем всего Западного Памира. Эмир выразил надежду, что «теперь» не будет больше жалоб и на Памире «воцарится порядок и спокойствие».

Переписка по сложному «памирскому вопросу» в течение 1897 и 1898 гг. продолжала, однако, наполнять канцелярии генерал-губернатора, эмира, политического агента и т. д. кипами бумаг. Все это время продолжалось безрезультатное обсуждение «запутанного дела», пока генерал С. М. Духовской, сменивший в 1898 г. А. Б. Вревского на посту туркестанского генерал-губернатора, не попытался окончательно разрешить эту проблему. К несчастью, не все документальные материалы, отражающие события 1897—1898 гг., дошли до нас и этот период может быть освещен лишь по отрывочным сведениям, почерпнутым из позднейшей переписки.

9 декабря 1898 г., отправляя в Бухару для переговоров с местными властями подполковника генерального штаба Кузнецова, Духовской дал ему предписание настоять на возвращении эмиром Шугнана и Рушана

⁶⁵ Там же, лл. 284—285.

России⁶⁶. Еще до этого, в октябре 1898 г., Духовской беседовал с приехавшим в Ташкент бухарским сановником Астанакулом-диванбеги о трудностях для бухарского правительства управлять памирскими бекствами и отметил, что если бы эмир «теперь» отказался от них, то можно было бы включить эти земли в состав России «без ущерба для престижа эмира»⁶⁷. Кроме того, Духовской, не давая прямых указаний Игнатьеву, намекнул ему, что желал бы получить формальный отказ эмира от бекств Западного Памира. Духовской, видимо, забыл, что времена подлинного «ярым-падишаха» — К. П. Кауфмана, самолично разрешавшего в Туркестане важнейшие вопросы, — прошли безвозвратно. Своими действиями он переполошил все дипломатическое ведомство, которое не замедлило обратить на это внимание военного министерства.

В начале февраля 1899 г. при очередной встрече Игнатьева с эмиром дипломат «осторожно коснулся» вопроса о памирских бекствах. Он обратил внимание эмира на «крайнюю трудность» управления этими областями, трудность, которая с течением времени еще увеличится: с окончанием срока освобождения жителей от налогов «недоразумения» неизмеримо возрастут. Поэтому Игнатьев просил эмира высказаться откровенно.

Эмир, которому ранее не только не предлагали затрагивать вопрос о «неудобствах присоединения» памирских бекств к Бухаре, но, наоборот, запрещали говорить об этом, не замедлил воспользоваться приглашением и высказался вполне «откровенно». Он заявил, что обмен части Дарваза на Рушан, Шугнан и Вахан произошел против его воли, по принуждению Лессара, что все его чиновники, посылаемые на Памир, возвращаются оттуда, «испортив свою репутацию». Русские офицеры «мешают управлять», и взамен «чистого дохода» с Дарваза в 13—15 тыс. таньга он вынужден тратить на памирские бекства не менее 100 тыс. таньга, а максимальный возможный доход, который они могут принести, равен 23 тыс. таньга.

Разговор с эмиром лишний раз показал Игнатьеву, что памирские бекства являются обузой, от которой бу-

⁶⁶ ЦГА УзССР, И-3, оп. 2, д. 61, л. 4.

⁶⁷ Там же, лл. 19—20.

харское правительство с удовольствием освободится. Однако в самом разгаре беседы Игнатьев спохватился, что может натолкнуть эмира на мысль уже сейчас вновь возбудить вопрос о «возврате» бекств. На это он не получал указаний генерал-губернатора и поспешил поэтому поскорее закончить беседу⁶⁸.

Запросив инструкции у Духовского, Игнатьев известил о беседе с эмиром также министерство иностранных дел и попросил сообщить, «должен ли он настаивать на возвращении Шугнана и Рушана русскому правительству»⁶⁹.

Известия о «самоличных действиях» Духовского вызвали большую сумятицу в петербургских правительственных кругах. Министр иностранных дел сообщил военному министру о предписании, данном генерал-губернатором Кузнецову. Военный министр в «весьма секретном» письме от 17 января 1899 г. обратил внимание генерал-губернатора на то, что на переговоры с эмиром о передаче России «бухарских владений в Шугнани, Рушане и Вахане» необходимо получить «соответствующие указания из министерства иностранных дел» и вести их не через Кузнецова, а через политического агента в Бухаре. В заключение военный министр подчеркнул, что «расширение наших владений в Средней Азии вообще, а в частности присоединение территории Вахана, Шугнана и Рушана, совершенно не соответствует в настоящий исторический период интересам России»⁷⁰.

Несмотря на организационную перетряску бухарских властей на Памире и принятые меры к их «упорядочению», злоупотребления в западнопамирских бекствах продолжались. 18 февраля 1899 г. Игнатьев получил из штаба Туркестанского военного округа очередной рапорт начальника Памирского отряда с приложениями, в которых содержались новые жалобы памирских таджиков на бухарские беззакония. Игнатьев известил эмирское правительство о действиях чиновников, могущих «совершенно разорить страну и заставить жителей переселиться в Афганистан»⁷¹. В ответ на это эмир прислал к Игнатьеву Астанакула-диванбеги, который и со-

⁶⁸ Там же, лл. 2—3.

⁶⁹ Там же, л. 4.

⁷⁰ Там же, л. 7.

⁷¹ Там же, лл. 18—20.

общил о настоятельной просьбе Сеид Абдул-Ахад-хана передать бекства России без всякого вознаграждения, кроме какой-нибудь «высочайшей милости», которая показала бы народу, что изъятие Западного Памира из бухарской юрисдикции «не лишило эмира высочайшего благоволения»⁷².

Сообщая об этом Духовскому, политический агент заявил, что в создавшейся ситуации виновны офицеры Памирского отряда, слишком болезненно реагирующие на вопиющие беззакония бухарских властей. Повторяя свои предыдущие высказывания, Игнатъев отмечал, что «деятельность бухарских властей на Памире не лучше и не хуже, чем в остальных бекствах Бухары», что единственной мерой, могущей положить конец злоупотреблениям эмирских чиновников, является удаление их из Вахана, Рушана и Шугнана. Но эта мера «явилась бы единственной и по отношению ко всем прочим бухарским бекствам, если бы мы пожелали искоренить злоупотребления во всем ханстве».

Тем не менее Игнатъев полагал возможным удовлетворить просьбу эмира, несмотря на то что включение памирских бекств в пределы России «не принесет нам ни малейших выгод, причинит немало хлопот и ляжет тяжелым бременем на русскую казну»⁷³.

Тянувшаяся в течение четырех лет (1896—1899) неурядица в пограничных памирских бекствах вынудила наконец Петербург пересмотреть свои взгляды на «расширение владений России в этот исторический период». И министерство иностранных дел, заботившееся об упорядочении положения на Памире, если не ради самих жителей, то ради упрочения престижа России в глазах соседних народов, поручило Игнатъеву узнать, в чем может заключаться вознаграждение эмиру за передачу памирских бекств, «совершенно исключая вопрос о территориальном вознаграждении»⁷⁴. Игнатъев выяснил, что эмир был бы обрадован, если бы ему была оказана одна из следующих милостей: «Утверждение за его прямым потомством титула „высочества“, пожалование ему титула полного генерала или ордена Андрея Первозванного», причем «радость и благодарность эмира были бы

⁷² Там же, лл. 21—22.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, л. 17.

безмерны, если бы ему была оказана первая милость в соединении с одной из двух остальных»⁷⁵.

Таким образом, вопрос о присоединении памирских бекств к России перешел (впрочем, лишь на некоторое время) в стадию не только положительного, но и практического разрешения.

Большое значение имела в этом отношении позиция Духовского, продолжавшего считать целесообразным включение памирских бекств в пределы Российской империи. Туркестанский генерал-губернатор отдавал полный отчет в том, что постоянные жалобы, приносимые населением Западного Памира русским офицерам, и неоднократные просьбы о принятии их в русское подданство являются лишь «прямым следствием того тяжелого гнета, под которым живет население, обираемое, а иногда даже истязуемое бухарскими чиновниками»⁷⁶, как писал генерал-губернатор 6 апреля 1899 г. начальнику Главного штаба В. В. Сахарову.

Отметив, что одной из главных причин, заставивших русское правительство сохранить «автономию» Бухары и Хивы, было желание «популяризовать благотворность нашего протектората» среди соседних владельцев Афганистана и Северной Индии, Духовской подчеркнул, что достижению этой цели среди населения Бадахшана, Афганского Вахана и Читрала будет содействовать «та перемена к лучшему в быте туземцев памирских бекств, которая несомненно ярко обнаружится, как только управление этими областями будет изъято из рук бухарских чиновников и передано русским офицерам»⁷⁷.

Чтобы «не возбудить ревности неподкупного контролера» — Англии и не дать ей повода к требованиям каких-либо компенсаций, Духовской предложил хитроумный план установления юрисдикции Российской империи на Западном Памире. Из снисхождения к убедительной просьбе эмира помочь ему в управлении отдаленными областями, царское правительство должно было поручить это управление начальнику и офицерам Памирского отряда с сохранением, однако, верховных прав эмира на этот район.

⁷⁵ Там же, лл. 25—26.

⁷⁶ Там же, л. 43.

⁷⁷ Там же, л. 44.

Духовской считал, что никакой «компенсации эмира» за отнятые у него области не требуется, так как «самый факт освобождения его от значительных расходов по управлению» бездоходными областями и «добровольное согласие» России вывести эмира «из того затруднительного положения, в котором он находится относительно этих областей, должны быть оценены эмиром с большой благодарностью»⁷⁸.

Поэтому Духовской предлагал в данном случае ограничиться производством эмира в «следующий чин» — генерала-от-кавалерии.

Военный министр А. Н. Куропаткин согласился с мнением Духовского, считая возможным принять предложенный план, несмотря на его сложность, в виде опыта⁷⁹. Правда, военное министерство беспокоило еще финансовый вопрос. Куропаткин распорядился выяснить, на что, собственно, расходовал эмир на Памире по 100 тыс. таньга в год и как сделать, чтобы эти расходы не легли на русскую казну. Ответ пришел успокоительный: деньги расходовались на содержание бека и его обширного штата. В случае перехода бекств в состав России и отъезда оттуда бухарских чиновников расходы сократятся⁸⁰.

Однако против изложенного плана запротестовало министерство иностранных дел. Игнатьев в обширном письме от 3 июня 1899 г. управляющему первым департаментом министерства Н. Г. Гартвигу заявил, что предложение Духовского, «быть может целесообразное по отношению к нашим соседям», совершенно не удовлетворяет эмира, обидит его, будет ему непонятно и вызовет целый ряд вопросов, ответить на которые «будет довольно затруднительно»⁸¹.

Собственно говоря, и самому Игнатьеву было непонятно, в чем именно будут заключаться «державные права эмира», в чью пользу пойдут подати с жителей и т. д. Он считал, что по отношению к эмиру возможно было только два решения вопроса: полное и безусловное присоединение Западного Памира к русским владениям с окончательным («навсегда») устранением Бу-

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, лл. 41—42.

⁸⁰ Там же, л. 36, 37.

⁸¹ Там же, лл. 46—52.

хары как от управления бекствами, так и от расходов на них, либо категорический отказ от присоединения.

Министр иностранных дел России М. Н. Муравьев поддержал соображения Игнатьева⁸². С мнением последнего согласился и военный губернатор Ферганской области Чайковский, который отметил, что передача памирских бекств Бухаре не соответствовала ни «стремлениям местного населения», ни интересам России; не закрывая глаза на то, что передача бекств России, «конечно, будет немедленно замечена англичанами, которые, как всегда, будут усматривать в этом угрожающий им образ действий», Чайковский предлагал не придавать этому особого значения⁸³.

После переписки с министерством иностранных дел военный министр также присоединился к мнению Игнатьева⁸⁴. Для окончательного решения вопроса вновь запросили Духовского. Ответ туркестанского генерал-губернатора, однако, свел на нет все проектировавшиеся мероприятия и снова отодвинул на несколько лет разрешение «памирской проблемы».

Духовской отметил, что продолжает признавать желательным присоединение к России Шугнана, Рушана и Вахана: расходы на управление будут незначительны, а на содержание Памирского отряда не будут увеличены без особых надобностей. Наряду с этим он указал, что «обстоятельства самого последнего времени» препятствуют немедленному включению памирских бекств в пределы России. Под этими обстоятельствами Духовской понимал проявившуюся в то время энергичную деятельность английской дипломатии и военщины в Центральной Азии, направленную на захват долины Раскемдарьи и Тагдумбаша. Генерал-губернатор опасался, что факт присоединения к России земель Западного Памира будет использован Англией для требования ею «компенсации» в виде упомянутых областей.

Духовской предлагал подождать с решением памирского вопроса, чтобы (цитируя «живописное» высказывание Духовского) «двинуть его тогда, когда наши переговоры с Китаем против уступок Англии возымеют успех и внимание последней будет отвлечено в другом

⁸² Там же, л. 55.

⁸³ ЦГА УзССР, И-1, оп. 31, д. 292, лл. 4—6.

⁸⁴ ЦГА УзССР, И-3, оп. 2, д. 61, л. 64.

направлении, или же тогда, когда Англия добьется своих стремлений, каковое обстоятельство поставит нас в положение ищущих компенсации, причем мы могли бы... с удобством пристегнуть (! — Н. Х.) и вопрос Рушана, Шугнана и Вахана»⁸⁵.

В связи с этим письмом Духовского министерство иностранных дел, вообще относившееся с явной неохотой к пересмотру вопроса о Западном Памире, немедленно заявило, что оно вполне разделяет его мнение о несвоевременности присоединения к России Рушана, Шугнана и Вахана. И, чтобы подчеркнуть, что все вновь стало на свои старые места, министерство предложило опять напомнить русским офицерам на Памире о необходимости воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние дела памирских бекств, пока они находятся под властью Бухары⁸⁶.

Когда бухарскому эмиру, неоднократно осведомлявшемуся о результатах его ходатайства, было сообщено, что окончательное решение проблемы «отложено на некоторое время», он немедленно возбудил вопрос о сборе подати с памирского населения, мотивируя это истечением трехлетнего «льготного» срока.

И вновь Игнатъев под самыми разнообразными предложениями пытается замять настоятельное требование «владельца эмира», ссылаясь на необходимость серьезного предварительного обсуждения, на всякого рода затруднения и т. д. Он соглашается с просьбой бухарского правительства, чтобы объявление о предстоящем сборе податей было сделано жителям Памира совместно русским офицером и бухарским чиновником, которые вместе с тем должны на месте рассмотреть и обсудить вопрос о размерах податей и порядке их взимания.

В то же время Игнатъев опять настоятельно просит генерал-губернатора разъяснить ему, какое же и когда будет принято решение о судьбе памирских бекств⁸⁷.

Донесение Игнатъева об этих переговорах с бухарскими чиновниками было направлено в военное министерство, которое по согласованию с Духовским изложило свою точку зрения. 2 апреля 1900 г. Куропаткин сообщил дипломатическому ведомству, что согласен с

⁸⁵ Там же, лл. 66—67.

⁸⁶ Там же, л. 68.

⁸⁷ Там же, лл. 70—71.

мнением правителя Туркестана о необходимости облегчить положение памирских таджиков и считает нужным просить эмира об отказе от сбора податей в 1900 г. Он отметил, что Духовской ходатайствовал о продлении отсрочки от сбора податей на новое трехлетие.

Что же касается присоединения бекств к России, то военный министр предлагал до осуществления этого «выяснить подробно финансовую сторону дела», предупредив, что расходы «не могут быть отнесены на предельный бюджет военного министерства»⁸⁸.

Но так как никому не было поручено заняться исследованием «финансовой стороны дела» и никто из царских чиновников не был особенно заинтересован в коренном улучшении положения памирского населения в результате изъятия его из-под бухарского управления, то и проблема эта оставалась неразрешенной. Лишь какой-либо новый взрыв народного возмущения на Памире, являвшийся как бы подрывом «авторитета» России, мог заставить царское правительство вновь заняться обсуждением «памирского вопроса».

Что же касается податного обложения, то Игнатъев, ознакомившись с письмом Куропаткина от 2 апреля 1900 г., сразу же отметил, что если и удастся убедить эмира отказаться от сбора податей в текущем году и затянуть окончательное решение до 1901 г., то попытка отсрочить сбор податей еще на три года побудит эмира «решительно отказаться от памирских ханств»⁸⁹.

* * *

В апреле 1900 г. на Западный Памир был командирован бухарский чиновник Мирза Сеид-бек мирахур. Совместно с начальником Памирского отряда капитаном генерального штаба Н. С. Аносовым при участии шугнанского бека Ишанкула Ишик-агабаши и выборных от населения Рушана, Шугнана и Вахана ему предстояло разработать систему взимания и размеры податей. Эта смешанная русско-бухарская комиссия должна была собраться в Хороге в конце июня 1900 г.

⁸⁸ Там же, л. 82.

⁸⁹ Там же, лл. 85—88.

Нельзя сказать, что для подобных занятий было выбрано самое подходящее время. Зима 1899—1900 гг. выдалась исключительно холодной и многоснежной, особенно в Рушане и Шугнане. Из-за обилия снега, скованного сильным морозом, скот лишился подножного корма. Начался падеж животных. Бедствие усугублялось тем, что лето 1899 г. было неурожайным. Запасы сушеных абрикосов и тута быстро истощились. Население Западного Памира голодало. Голод принял особенно массовый характер весной 1900 г. Многие погибли. Оставшиеся пытались найти пропитание на Восточном Памире, но и там жители бедствовали, также потеряв значительную часть скота.

В какой-то мере Памирский отряд пытался помочь голодающим. Однако его ресурсы были крайне ограниченными. Чтобы составить лучшее представление о положении западнопамирских таджиков, Н. С. Аносов отправился в Хорог из своей резиденции на Памирском посту несколько извилистым путем, через Бартангское ущелье. С ним вместе ехал Б. В. Станкевич, прибывший из Петербурга на Памир для геофизических исследований. Этот ученый оставил несколько ярких описаний сложившейся обстановки на Западном Памире. На плато близ Аличура, свидетельствовал Б. В. Станкевич, он «наткнулся на толпу жалких оборванцев, тащившихся пешком нам навстречу. Их было 15—20 человек, в том числе две женщины. „Таджики“, — сказал в пояснение мне проводник-киргиз. Поравнявшись с толпой, я остановил коня, пораженный ужасным видом этих несчастных. Остановились и таджики, низко кланяясь. При посредстве Куромшина (сопровождавший Б. В. Станкевича казак. — Н. Х.) и киргиза я начал их расспрашивать. Они объяснялись немного по-киргизски. Истомленные голодовкой, эти люди бежали на восток, к киргизам, чтобы наняться к ним в пастухи ради пропитания. Они потеряли детей, умерших голодной смертью; большая часть потеряла и жен. Умерли, частью на месте, в Рушане, частью в пути, также и многие из мужчин, родичей встреченных мною беглецов. Эти выжившие, вероятно, только благодаря особенно крепкому организму люди напоминали своим видом те известные картинки в иллюстрациях, которые изображают «голодающих индусов». Худоба их казалась еще более

уродливой вследствие высокого их роста. Это были какие-то уродливые привидения»⁹⁰.

Ученый-путешественник наглядно убедился в крайней бедности рушанцев, для которых хлеб стал предметом роскоши, а баранина, не говоря уже о другой мясной пище, появлялась на столе в исключительно торжественных случаях. Он рассказывает о местном жилище — жалкой глинобитной хижине, о том, что дети ходят нагишом, а взрослые одеты «всегда в рубище», почти не употребляя шапок и обуви.

После голодной зимы, рассказывает Б. В. Станкевич, Рушан представлял удручающую картину. Все кишлаки между Си-Пянджем и Имцом оказались заброшенными. «В только одном из них мы нашли живые существа, но вид их заставлял сжиматься сердца. На крыше одной из сакель грелась на солнышке совершенно голая таджичка, представлявшая из себя буквально остов. Рядом с ней сидел такой же истощенный ребенок. Женщина была настолько слаба, что и бровью не повела, увидевши перед собой толпу мужчин, да еще чужестранцев. Между тем таджички строго соблюдают обычай закрывать при мужчинах даже лица».

В результате расспросов выяснилось, что жестокий голод охватил все кишлаки Бартангского ущелья, загнав многих жителей в могилу. Часть уцелевших ушла в более «благополучные» кишлаки и на Восточный Памир. «Несколько человек откочевало с жалкими остатками стад на летовки, на высокие альпийские пастбища. Они питались кореньями и козым молоком. Женщина, которую мы расспрашивали, и ее ребенок не были в состоянии от крайнего истощения сдвинуться с места. Ежедневно ей и ребенку приносили немного козьего молока с ближайшей летовки. Этим они и жили. Теперь скоро должен был созреть тут, и спасение от голода было близко»⁹¹, — на такой «оптимистической ноте» завершал Б. В. Станкевич повествование о бедствиях рушанцев. Но для оптимизма не было абсолютно никаких оснований. И хотя цитируемый автор специально отмечает, что Н. С. Аносов «явился в комиссию с ясным сознанием того, как подобает отнестись к притязаниям

⁹⁰ Б. В. Станкевич, По Памиру. (Путевые заметки), СПб., 1904, стр. 67.

⁹¹ Там же, стр. 98—99.

бухарцев», а «виденные нами на Яшиль-куле и на Бартанге полуживые остовы таджиков стояли у нас перед глазами»⁹², начальник Памирского отряда не оказался на высоте положения (в дальнейшем коллеги упрекали Н. С. Аносова, что он пошел на поводу у бухарских чиновников).

В результате совещаний, длившихся в течение 4—7 июля 1900 г., члены комиссии выработали «Правила о размере и порядке взимания податей бухарским правительством с подвластного ему населения Рушана, Шугнана и Вахана»⁹³.

7 июля 1900 г. эти «Правила» под расписку были доведены до сведения заблаговременно собранных в Хороге представителей низовой администрации — волостных, аминов, арбовов, казиев и аксакалов. При крайне низком материальном уровне жизни населения Западного Памира дореволюционных лет любое обложение являлось огромным бедствием. В условиях произвола властей и феодально-деспотической системы управления, царившей в Бухарском ханстве, значение этого бедствия возрастало во много раз. Это великолепно понимали таджикские старейшины. Но тяжелые известия они встретили с достоинством.

Завуалированный смысл состоявшейся официальной беседы хорошо передает присутствовавший на ней Б. В. Станкевич: «С преклоненными головами, но с совершенно безучастными лицами выслушали седовласые амины и казии весть о наложении на них податей, весть, которую они теперь были обязаны разнести по кишлакам и яйлакам (т. е. летовкам. — Н. Х.) родины... Апатичное выражение лиц именитых таджиков производило впечатление, что они ничего не поняли из прочитанного им (переводчиком) Мансуром. Мансур заверял, однако же, нас, что таджикские старцы не только прекрасно поняли все теперь им объявленное, но и давно уже, сидя в Хороге в ожидании сбора комиссии, обсуждали вопрос, как избавиться от ожидавшей их тяготы.

⁹² Там же, стр. 109.

⁹³ Грабительская сущность этих «Правил» убедительно раскрыта в содержащейся в приложениях к данной работе докладной записке одного из преемников Н. С. Аносова на посту начальника Памирского отряда А. Е. Снесарева «Зякет в Западном Памире» (ноябрь 1903 г.).

У них было готово и решение вопроса, решение очень простое и удобоисполнимое для людей, привыкших к полукочевой жизни и не имеющих ничего за душой. Это решение сводилось к тому, что большинство таджиков, по крайней мере рушанских и шугнанских, разбегутся: одни пойдут в русский Рушан и к памирским киргизам, благо на русском Памире нет податей, другие пробегутся даже в Фергану; наконец, некоторые убегут даже за Пяндж, в афганский Бадахшан».

И автор делал печальный вывод: «Оставаться бухарскими подданными для многих таджиков правого берега Пянджа означало обречь себя на постоянные голодовки»⁹⁴.

Однако, перед тем как решиться на крайние меры, представители местного населения сделали попытку ослабить накалявшуюся ситуацию. Отметив под нажимом властей, что объявленными им «Правилами» они довольны и обяжутся исправно платить подати, «насколько будет их средств», таджикские арбовы, аксакалы, казии, волостные и амины вместе с тем ходатайствовали об отсрочке введения налогового обложения до осени следующего года⁹⁵.

Эту просьбу полностью поддержал только что утвердивший программу систематического грабежа жителей Западного Памира эмирской администрацией капитан Аносов. Более того, он даже старательно обосновывал справедливость настояний рушанцев, шугнанцев и вахачев. Начальник Памирского отряда, сообщая об их бедственном положении в связи с нехваткой продовольствия, 4 июля 1900 г. писал, например, военному губернатору Ферганской области Чайковскому, что население Вахана с марта 1900 г. «питается корнями диких трав и поддерживается благотворительностью Лянгарского и Ишкашимского постов»⁹⁶.

Капитан Аносов информировал об опасениях, высказанных выборными от населения по поводу «злоупотреблений и произвола, которые могут иметь место при сборе с них податей». Опасения эти, писал он, вполне оправдывались «почти полным отсутствием чувства меры, проявленным представителями Бухары в вопросе о

⁹⁴ Б. В. Станкевич, По Памиру, стр. 109—110.

⁹⁵ ЦГА УзССР, И-3, оп. 2, д. 61, л. 102.

⁹⁶ Там же, лл. 95—97.

количестве податей, коими может быть обложено население памирских ханств. Стоило немало труда настоять на том, чтобы население Рушана, Шугнана и Вахана платило лишь треть того, что взимается в Дарвазе, Каратегине и в прочих горных областях Бухары, жители коих, как известно, изнемогают под бременем непосильных налогов».

Но Аносова, как и других представителей царской администрации, беспокоили не столько «непосильные налоги», сколько то обстоятельство, что «неосторожность бухарских чиновников», как мягко выражается офицер, может вызвать массовое переселение таджиков в Бадахшан, что «нанесет чувствительный удар здесь по нашему престижу и отзовется весьма неблагоприятно и на бытовой стороне нашего Памирского отряда». Исходя из крайне тяжелого положения памирцев, Аносов ходатайствовал об отсрочке на год взимания податей, а также об ограничении прав шугнанского бека в наложенной штрафов на жителей, чем бек крайне злоупотреблял.

Военный губернатор Ферганской области Чайковский поддержал ходатайство начальника Памирского отряда⁹⁷.

Разработанный проект системы податного обложения памирских бекств был одобрен Игнатьевым как «отвечающий местным условиям» и получивший «добровольное согласие» жителей⁹⁸. Эмир также выражал согласие на утверждение выработанного порядка взимания податей. На окончательное заключение проект правил был отправлен к министру финансов гр. С. Ю. Витте. Оценка, данная этому проекту крупнейшим государственным деятелем России того времени, весьма любопытна с точки зрения характеристики его взглядов на некоторые положения среднеазиатской политики царизма.

Витте писал Куропаткину 17 февраля 1901 г., что введение в действие этой податной системы в памирских ханствах до их присоединения к России «может быть для последней весьма выгодно в политическом отношении, так как установление нашим правительством более равномерного податного обложения несомненно будет

⁹⁷ Там же, л. 98—99.

⁹⁸ Там же, лл. 104—105.

истолковано туземным населением в пользу русской власти». Что же касается налогов, которые должны были быть введены в этих бекствах после их присоединения к России, то министр финансов высказывался за распространение на Рушан, Шугнан и Вахан тех податных законов, какие существовали в Туркестанском крае⁹⁹.

После принятия выработанных правил податного обложения Игнатьев заявил эмиру о желательности в текущем, 1900 г. не приступать к сбору податей, ввиду «суровой зимы прошлого года». Он сообщил эмиру, что ходатайство жителей об этом поддерживается военным министром и туркестанским генерал-губернатором¹⁰⁰. После некоторых колебаний эмир согласился, «исполняя желание их высокопревосходительств», удовлетворить просьбу населения памирских бекств, однако поставил непременным условием, что в следующем году бухарскому правительству будет предоставлено «во всяком случае» право беспрепятственного сбора податей.

Через полгода, в апреле 1901 г., эмир не замедлил заявить, что ввиду истечения данной жителям бухарского Памира отсрочки он намерен дать распоряжения о сборе податей¹⁰¹. Было запрошено мнение генерал-губернатора Н. А. Иванова, сменившего Духовского. Иванов ответил, что население Памира еще не успело оправиться от крупных убытков, понесенных в результате суровой зимы 1899 г., а поэтому русское правительство продлило еще на год отсрочку от податного обложения для населения русской части Памира. Не возражая против сбора податей в местных бухарских бекствах, Иванов выражал надежду, что эмир «выкажет некоторое снисхождение и в интересах большего развития податных сил населения» даст беку указание не слишком строго взыскивать подати, а где это будет необходимо — не в полном размере. Это позволит населению «вполне окрепнуть... и со временем сделаться исправными плательщиками бухарской казны»¹⁰².

Таким образом, бухарскому правительству в конце концов удалось приступить к сбору податей, но с усло-

⁹⁹ Там же, л. 114.

¹⁰⁰ Там же, л. 105.

¹⁰¹ Там же, лл. 115—116.

¹⁰² Там же, лл. 117—118.

вием производить его с оглядкой, «не в полном размере». Однако и такой сбор вызвал со стороны населения памирских бекств энергичный протест, который выразился в дальнейшем в открытом возмущении против бухарских властей.

В начале XX в. для России создалось крайне напряженное положение на Памире. Во всех соседних с Памиром землях заметно активизировалась деятельность британских империалистов. Они стремились к захвату Сарыкольского округа, афганского Вахана, Ишкашима, Зебака и проводили энергичную подготовку к созданию мощной опорной базы в Северо-Западной Индии. Англичане пытались направить в бухарский Вахан потомка местных родовых правителей Али-Мардан-ша, используя его для проанглийской агитации¹⁰³.

Другой их агент — читральский ишан Ша-Заде-Лаис, пир, имевший множество учеников и последователей (мюридов и хальфа) на обоих берегах Пянджа, — по заданию английской разведки проводил антирусскую агитацию, организовал сбор сведений о русских войсках в пограничных районах и приказал своим последователям запастись продовольствием для снабжения английских войск в случае их прихода¹⁰⁴.

Само население Западного Памира, чрезвычайно недовольное передачей его в ведение Бухары, пользовалось всяким удобным случаем для открытого проявления этого недовольства. В довершение всего шугнано-рушанский бек Ишанкул был заподозрен в сношениях с английской агентурой и во вредной для России деятельности, что заставило царские власти поставить перед эмиром вопрос о его дальнейшем пребывании на Западном Памире¹⁰⁵.

Из Рушана пришло сообщение о восстании против бухарских властей: жители двух кишлаков категорически отказались подчиняться им и потребовали, чтобы вместо Ишанкула был назначен «человек смиренный, без свиты, с тремя или четырьмя джигитами».

Волнения охватили и Шугнан, приняв также форму открытого выступления местных жителей. В конце мая 1902 г. они окружили дом, в котором жил шугнано-ру-

¹⁰³ ЦГА УзССР, И-3, оп. 2, д. 77, л. 2.

¹⁰⁴ Там же, лл. 11—12.

¹⁰⁵ Там же, лл. 19—20.

шанский бек, угрожая ему и другим бухарским чиновникам вооруженной расправой. если те не прекратят свои бесчинства и насилия.

Хотя требования памирцев носили экономический характер, но по существу они настаивали на полной ликвидации какого-либо вмешательства эмирских властей в их жизнь. «Мы не имеем возможности что-либо давать и содержать чиновников, — твердо заявили рушанцы, — пусть дадут нам правителя, который нас не касался бы и все ему нужное требовал от Бухары»¹⁰⁶.

По сведениям, собранным частным путем дипломатическим чиновником при туркестанском генерал-губернаторе Шаховским, волнения были вызваны непосильными поборами бека и его свиты с населения; большое число памирцев собралось бежать в Афганистан¹⁰⁷.

Волнения в Западном Памире вызвали новую настоятельную просьбу со стороны бухарского эмира, чтобы его избавили от навязанных ему областей. Эмир уже не ставил при этом никаких условий¹⁰⁸; он напоминал, что возбуждал такое ходатайство еще в феврале 1902 г., когда был в Петербурге, но генерал-губернатор Иванов уговорил его «хорошо обдумать это дело» по возвращении в Бухару, обещая помочь в удовлетворении просьбы, если эмир и после «обдумывания» будет настаивать на своем. Ныне, говорил эмир, он все обдумал, взвесил и просит Иванова исполнить свое обещание¹⁰⁹.

Открытое возмущение памирского населения вынудило эмира, не дожидаясь результатов своего ходатайства, немедленно сменить шугнано-рушанского бека; на смену Ишанкулу выехал на Памир Мирза Юлдаш-бий, бывший бек Дарваза¹¹⁰.

Еще до того, как на Памире стало известно о смещении Ишанкула, генерал-губернатор Иванов получил рапорт начальника Памирского отряда с многочисленными приложениями; в нем капитан Кивекэс сообщал о новых фактах издевательства и жестоких истязаний, которым подвергал жителей бухарского Памира шугнано-рушанский бек, о бегстве ряда «дворов» за Пяндж, на

¹⁰⁶ Там же, л. 22.

¹⁰⁷ Там же, лл. 49—50.

¹⁰⁸ Там же, л. 24.

¹⁰⁹ Там же, л. 36.

¹¹⁰ Там же, л. 28.

афганскую территорию. «Во избежание того, — писал Кивекэс 26 июля 1902 г. военному губернатору Ферганской области, — чтобы бек не разорил вконец и так голодающее население Рушана, я еще раз энергично настаивал через хорогского бухарского чиновника, чтобы бек прекратил все враждебные действия... Если он не послушает, — продолжал капитан, — я командирую в Кала-и-Вамар офицера с казаками, а бека и его старших сыновей заставляю переехать в Хорог»¹¹¹.

Но генерал Иванов самым решительным образом протестовал против такого образа действий, который он охарактеризовал как вторжение в чужие владения. «Энергично, но не тактично, и я никак не ожидал такого бесцеремонного отношения к делу», — наложил резолюцию на рапорте начальника Памирского отряда генерал-губернатор.

По распоряжению Иванова капитан Кивекэс был медленно отозван. Ему на смену послали капитана А. Е. Снесарева, которому предложили «выказать больше такта, чем его предшественник», и наладить отношения с новым бухарским беком¹¹².

Вместе с этим была разработана новая «Инструкция начальнику Памирского отряда», утвержденная генерал-губернатором 27 сентября 1902 г., которая регламентировала деятельность начальника Памирского отряда и должна была — по мысли ее составителей — помочь установлению нормальных взаимоотношений между царскими и бухарскими властями на Памире¹¹³.

Один из пунктов этой инструкции указывал на необходимость бдительно следить за бухарской администрацией в Шугнанах, Рушанах и Ваханах «в целях привлечения симпатий населения на сторону русских и в целях предупреждения насилий и злоупотребления со стороны бухарских властей». Начальнику отряда рекомендовалось, не вмешиваясь в управление бекствами, «советами и указаниями на русское управление в Туркестанском крае влиять на местные власти в смысле установления справедливого и основанного на чувствах законности управления». Ему категорически запрещалось принимать жалобы населения на бухарские власти. «О каких-либо

¹¹¹ Там же, л. 58.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же, лл. 98—102.

актах насилия и произвола бухарских властей» он должен был сообщать политическому агенту в Бухаре и военному губернатору Ферганской области.

Отозванием капитана Кивекэса и введением инструкции начальнику Памирского отряда туркестанский генерал-губернатор как бы отвечал бухарскому эмиру на его просьбу о возврате припамирских бекств (официального ответа от генерал-губернатора на свою просьбу эмир так и не получил). Генерал Иванов этими организационными мерами, видимо, пытался вселить в эмира надежду на то, что большой вопрос может быть разрешен и не таким «хирургическим» методом, как передача бекств России, а путем сохранения и улучшения создавшегося положения.

Центральные власти высказались более определенно. Военное министерство и министерство иностранных дел единодушно заявили, что «домогательства Англии на территории Раскема, Тагдумбаша, Вахана и даже Ишкашима и Зебака» делают невозможным возбуждение вопроса о передаче припамирских земель России. С другой стороны, в этом нет настоящей необходимости, так как «недоразумения между русскими и бухарскими властями на Памире», по их мнению, основной камень преткновения, будет устранены после введения «Инструкции начальнику Памирского отряда». Поэтому военный министр находил желательным наемкнуть эмиру, чтобы он «по политическим соображениям» больше не касался надоевшего сюжета¹¹⁴.

Таким образом, была сделана еще одна попытка при помощи полумер затушевать противоречия, вызванные неудачным общим решением вопроса о принадлежности бекств.

В этих условиях царский представитель в Бухаре Я. Лютш предпочел не реагировать на продолжавшие поступать с Памира сигналы о неблагоприятной обстановке. В ноябре 1902 г. он получил письмо военного губернатора Ферганской области Г. Арендаренко, который, посылая рапорт капитана А. Снесарева, просил «оказать воздействие на улучшение управления бухарскими властями приграничных бекств для устранения тех по-

¹¹⁴ Там же, лл. 115—116.

следствий, которые могут возникнуть для Памирского отряда при существующем порядке управления»¹¹⁵.

В своем рапорте от 16 октября 1902 г.¹¹⁶ начальник Памирского отряда сообщал, что разница между новым бекем на Памире и смещенным заключается в том, что прежний бек либо нещадно обирал население, либо наказывал его розгами, но «почти никогда не совмещал этих двух наказаний. Нынешний же бек их совмещает: провинившихся бьет розгами, а потом с них же за ту же вину берет штраф», причем, в качестве предлога для этих экзекуций «практикуются придирки, даже не прикрытые каким-либо приличным предлогом».

Положение настолько серьезно, отмечал Снесарев, что значительная часть жителей выжидает лишь удобного случая для бегства в Афганистан. Чтобы подействовать на самые чувствительные струнки в душе царских чинуш в Ташкенте и Петербурге, он писал: «Священная воля государя императора в здешних местах нарушается... положение мое и моих помощников из неестественного, каким оно всегда было, становится обостренным, а без поддержки оно может обратиться и в унижительное». Считаю, что все это, кроме прочего, способно серьезно отразиться на боеспособности Памирского отряда, капитан ходатайствовал «о скором решительном воздействии на бухарскую администрацию в смысле, благоприятном русскому имени».

Однако и это заявление ни в малейшей степени не подействовало на Лютша, который равнодушно перелистал этот рапорт и ограничился ничем не значащими пометками, одна из которых гласила: «Кажется, мелкие придирки. Неужели сплетни эти собирать входит в инструкцию капитана генерального штаба Снесарева?»¹¹⁷

Политический агент в Бухаре был озабочен другим: почти одновременно с письмом ферганского губернатора он получил запрос из Ташкента, в котором дипломатический чиновник Шаховской от имени генерал-губернатора просил сообщить, не собирается ли эмир начать взимать подати с населения и «нельзя ли оттянуть» это¹¹⁸.

¹¹⁵ Там же, л. 104.

¹¹⁶ Там же, лл. 105—109.

¹¹⁷ Там же, л. 105.

¹¹⁸ Там же, л. 110.

Но «оттянуть» не удалось. На первой же встрече с эмиром, когда Лютш уведомил его о нежелательности передачи припамирских бекств России, владетель Бухары стал ходатайствовать о разрешении ему «теперь же» начать сбор податей, так как население за восемь лет «успело оправиться»¹¹⁹.

Наконец эмир получил разрешение приступить к взиманию налогов. В апреле 1903 г. он дал об этом распоряжение правителю припамирских бекств Мирзе Юлдаш-бию¹²⁰, предложив ему руководствоваться правилами о сборе податей и налогов, выработанными в 1900 г. царскими и бухарскими властями на Памире.

Население памирских бекств, узнав о том, что в недалеком будущем бухарские власти намерены начать сбор податей, было серьезно обеспокоено. В ряде местностей (Гунт, Шах-Дара, Горон и др.) народ стал готовиться к бегству в пределы России и в Афганистан. В отдельных районах «на тайных сходках» обсуждался вопрос о том, что «пора таджикам защищать самих себя и прибегнуть к своим мултукам» (ружьям).

Время для введения податного обложения (которое капитан Снесарев называл «бухарским грабительством») было выбрано крайне неудачно: истекшая зима также была продолжительной и суровой; она затруднила земледельческие работы, вызвала бескормицу и падеж скота. Население Памира находилось на грани голода. Будучи в безвыходном положении, оно готово было бежать с родной земли в разные стороны, что могло, как писал начальник Памирского отряда 16 июня 1903 г. военному губернатору Ферганской области, «наложить такой позор и печат на русское дело и имя в Средней Азии, ширину и глубину результатов какого несчастия ныне трудно даже и предвидеть»¹²¹.

Последнее обстоятельство вынудило генерал-губернатора сообщить бухарскому правительству о необходимости если не совершенно избавить население от податей (на желательность этого осторожно намекал генерал Иванов, сообщая о невзимании податей на подвластной России территории Памира), то хотя бы уменьшить размер сбора и смягчить методы его взимания. Но

¹¹⁹ Там же, л. 118.

¹²⁰ Там же, л. 151.

¹²¹ Там же, лл. 169—170.

вместе с тем генерал Иванов напомнил царским военным на Памире, что бухарское правительство является «полным хозяином в своей стране» и на него можно воздействовать «исключительно путем советов». Офицерам же на Памире было предложено предупредить местное население о том, что в случае их бегства на русскую территорию они не должны ожидать «ни отвода земель, ни материальной поддержки»¹²².

Бухарское правительство категорически отказалось снизить нормы податного обложения, мотивируя тем, что его размеры, о которых известили министерство иностранных дел и туркестанского генерал-губернатора, были выработаны при участии представителя русских властей. От шугнанского бека не поступало по этому поводу сообщений. Наконец, отмена или смягчение податей приведет к нежелательному прецеденту¹²³.

В середине июня 1903 г. на бухарском Памире начался сбор зякета. 14 июня Мирза Юлдаш-бий в сопровождении казиев и минбаши объехал Шугнан и в сравнительно спокойной обстановке взыскал с жителей 2%-ный налог со скота. Не так дело обстояло в Вахане. Когда ваханцы узнали о предстоящем сборе налогов, они заволновались. Начальника Лянгар-Гиштского поста хорунжего Голявинского стали осаждать жители с просьбами ходатайствовать об отмене сбора податей, но хорунжий следовал полученным им указаниям. 30 июня в селение Зунг, в 6 км от Лянгарского поста, прибыли два бухарских чиновника и оповестили население о начале сбора налогов. Ваханцы, настроенные исключительно враждебно по отношению к бухарской администрации, собрались на поле вне кишлака и устроили там нечто вроде митинга, на котором поклялись убить бухарцев, после чего бежать за границу.

Дом, где помещались чиновники, был окружен, их выволокли и связали. Ваханцы начали собирать имущество для бегства в Афганистан и уже двинулись в путь. У самой переправы через Пяндж их нагнал хорунжий Голявинский и после долгих уговоров убедил не переходить границу. Бухарские чиновники были освобождены и под конвоем отведены на русский пост. Ва-

¹²² Там же, л. 168.

¹²³ Там же, лл. 175—176.

ханские должностные лица знали о предстоящем восстании, сочувствовали ему, но, боясь принять в нем участие, устроили в это время совещание за кишлаком. Бухарские чиновники под охраной были привезены в Ишканим. Мирза Юлдаш-бий, испугавшись вспышки народного гнева, отправил письмо эмиру, в котором всячески старался представить свою деятельность как исключительно благотворную для населения Памира. Главным виновником восстания в Вахане он изображал хорунжего Голявинского, который якобы пообещал жителям добиться отмены сбора податей и пригрозил расстрелом приехавшим зякетчи (сборщикам налога).

Туркестанского генерал-губернатора немедленно известили о содержании письма. «Отказываясь верить тому, чтобы русский офицер позволил себе такие поступки», он командировал на Памир для расследования происшествия дипломатического чиновника А. А. Половцова. 11 сентября 1903 г. Половцов прибыл на Памирский пост, откуда вместе со Снесаревым приехал в Хоррог. Отчитываясь о результатах командировки, Половцов доказал лживость донесения бека, в разговоре с которым ему удалось добиться признания, что русский офицер был «оклеветан без основания».

События, происшедшие в Вахане, Половцов прямо характеризовал как «взрыв народного негодования на приемы бухарской администрации»¹²⁴. Он отмечал готовность населения к уплате зякета, «несмотря на его несправедливость», выражавшуюся в требованиях у населения тех продуктов, каких у него нет (с тем чтобы взимать вместо этих продуктов деньгами втридорога). Но Половцов видел корень вражды памирцев к бухарцам и в других причинах. Во время его беседы с жителями Вахана они постоянно жаловались на то, что «покорили их русские, а отданы они бухарцам», что в течение восьми лет они ежегодно просили о присоединении их к России, но безрезультатно (конечно, откуда было знать темным жителям глухого Памира о мотивах «высокой политики»). Ваханцы даже угрожали, что в случае сохранения статус-кво они «будут искать покровительства английских властей»¹²⁵.

¹²⁴ ЦГА УзССР, И-3, оп. 2, д. 77, л. 195.

¹²⁵ Там же, л. 196.

В заключение доклада Половцов высказывал убеждение в том, что оставление припамирских бекств под властью Бухары заставит жителей переселиться в Афганистан, что вызовет «нелестные толки» английской печати и затруднит продовольственное положение русских постов на Памире. Что же касается сбора подати, то в 1903 г. этого сделать нельзя.

Еще один раз, таким образом, подтвердилось наличие острых противоречий в решении вопроса о принадлежности припамирских бекств. И если генерал Иванов, отправляя Половцова на Памир, предписывал ему разъяснить местному населению, что оно обязано «подчиниться всем требованиям своего законного государя, эмира бухарского», что «всякое отступление от исполнения народом верноподданнического долга не встретит ни поддержки, ни даже сочувствия со стороны русских властей»¹²⁶, то этот же самый Иванов, после ознакомления с докладом дипломатического чиновника, убедился в необходимости изъять бекства Западного Памира из-под бухарского управления.

Информация Половцова о положении дел на Памире, восстание ваханцев, просьбы шугнанцев и рушанцев о передаче их под русское управление заставили генерал-губернатора в корне пересмотреть свою прежнюю точку зрения на заклтый «треугольник» — Россия — Бухара — Памир.

Когда эмир вновь возбудил ходатайство о передаче припамирских бекств России, Иванов сам предложил ему подать через политическое агентство официальную просьбу об этом, обещая поддержку. Со своей стороны Иванов написал начальнику Главного штаба о необходимости изъять эти области из ведения бухарской администрации, сохранив там лишь номинально права эмира¹²⁷.

Что же заставило русское правительство уделять так много внимания беззаконию и самоуправству эмирской администрации в одной из областей бухарского ханства? Ведь другие области Бухары находились отнюдь не в лучшем состоянии, как это неоднократно подчеркивалось царскими чиновниками и различными путешест-

¹²⁶ Там же, л. 191.

¹²⁷ ЦГА УзССР, И-1, оп. 31, д. 292, л. 8

венниками¹²⁸. Основным фактором здесь, безусловно, являлось географическое положение Памира, вдающегося в территорию Китая, и (через афганский Вахан) в территорию полузависимых княжеств Северной Индии и тесно соприкасающегося с Афганистаном, а также желание поддержать престиж России как на Памире, так и в соседних местностях, убедить население в мощи России и в «гуманном отношении» царизма к подвластным народам.

Все «заинтересованные инстанции» — политическое агентство в Бухаре, эмир и его приближенные, туркестанский генерал-губернатор, директор азиатского департамента министерства иностранных дел — единогласно признавали, что дальше так продолжаться не может, что бухарская администрация на Западном Памире совершенно утратила и тот весьма небольшой авторитет, которым она до того пользовалась. Существовавший порядок нуждался в коренном изменении. Однако внешние причины, мешавшие, по мнению царского правительства, присоединению припамирских бекств к России, продолжали оставаться в силе и в 1903 г.

20 ноября 1903 г. в политическое агентство поступило официальное письмо главного бухарского зякетчи, который по поручению эмира и ссылаясь на согласие генерал-губернатора просил принять памирские земли во «временное управление»¹²⁹.

«Временное управление» было признано как Ивановым, так и Лютшем единственным выходом из создавшегося затруднительного положения, так как «полное» присоединение этих бекств к России было признано неудобным ввиду притязаний Англии на ряд соседних с Памиром земель.

На такую «комбинацию», — писал Лютш 6 декабря 1903 г. в министерство иностранных дел, — эмир согласился только потому, что он считал это мнением туркестанского генерал-губернатора, заявившего о неудобстве присоединить ныне бекства к России. Эмир искренно

¹²⁸ Наиболее характерна в этом отношении книга Д. Н. Логофета «Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние» (СПб., 1909) и другие труды этого автора, который немало лет провел в Средней Азии и хорошо изучил обстановку в «Благодной Бухаре».

¹²⁹ ЦГА УзССР, И-3, оп. 2, д. 77, л. 202.

желал бы вовсе освободиться от припамирских бекств, из которых он не мог извлекать никаких доходов»¹³⁰.

Русское правительство по этому плану должно было милостиво согласиться оказать помощь бухарскому эмиру в управлении «лежащими далеко от центра ханства и труднодоступными областями», причем над областями сохранялась «верховная власть эмира». Эмир согласился на такое решение вопроса, считая его этапом на пути к полному присоединению бекств к России. Акт передачи должен был выразиться в отзывании из памирских бекств бухарских чиновников и объявлении населению, что Россия взяла их временно в свое управление.

До выработки нового податного обложения, которое должно было приближаться к системе обложения оседлого населения Туркестанского края, на Памире сохранились прежние размеры податей. Всякие дополнительные налоги — поставки масла, сукна, шкур, подков — отменялись. Но это был пока только проект...

В конце 1903 г. командующий войсками Туркестанского военного округа подготовил доклад военному министру об организации русского управления на Памире и приложил к нему проект штатов Памирского отряда. Суть этого доклада сводилась к следующему.

Эмир продолжал номинально владеть Западным Памиром; фактически же Западный и Восточный Памир объединялись в один уезд; им должен был управлять на правах уездного начальника начальник Памирского отряда, для содействия которому учреждалась должность «помощника по заведованию населением Восточных Памиров»¹³¹.

Предполагалось образовать три волости: Ваханскую, куда должен был войти также и Горон, Шугнанскую — с долиной рек Гунт, Шах-Дара и частично Пянджа, и Рушанскую. Непосредственное управление населением Западного Памира возлагалось на выборную администрацию из трех волостных старшин и восьми—десяти аксакалов. Содержать «туземную администрацию» должно было население, «что не могло быть для него обременительным, так как для этого требовалась сумма значительно меньше той, которую население должно

¹³⁰ Там же, л. 223.

¹³¹ ЦГА УзССР, И-1, оп. 31, д. 292, л. 9.

было бы уплачивать бухарскому правительству в виде зякета и других налогов и повинностей».

На этот документ военное министерство никак не реагировало. Как сообщал временно исполняющий должность начальника штаба Туркестанского военного округа управляющему канцелярией туркестанского генерал-губернатора 30 декабря 1904 г., то есть более чем через год после отправки доклада в столицу, «до сего времени еще не последовало утверждение означенного проекта»¹³².

Царское правительство, частично боясь «создать прецедент для Англии» и увеличить расходы, частично из присущей ему ксности, не торопился с разрешением вопросов, жизненно важных для населения Западного Памира. Но памирцы, упорно стремившиеся к ликвидации бухарского владычества над собой, продолжали вести борьбу. Туркестанский генерал-губернатор, сообщая 19 февраля 1904 г. политическому агенту, что, «к сожалению, более насущные заботы препятствуют разрешению вопроса об управлении припамирскими таджиками» (а именно это могло бы «предотвратить опасность народного движения на Памире»), одновременно писал, что его осаждают посланцы ваханцев и шугнанцев с прошениями, повторяющими прежние их жалобы и опасения по отношению к бухарским властям¹³³.

Боясь возобновления народных волнений в местности, особенно важной в политическом отношении, генерал-губернатор предлагал Я. Я. Лютшу «приложить все старания к предотвращению грозящих вновь возникнуть на Памирах недоразумений». Прощения таджиков вместе с их подателями («возвращение коих на родину» было признано пока нежелательным) направлялись в Новую Бухару (резиденция русского политического агента в Бухаре). В этих прошениях содержатся трогательные мольбы, обращенные к «белому царю — защите мира»: «Народ отчаялся в своей душе»; «...возьмите нас из рук бухарцев и сделайте своими подданными» и т. д. В прошениях указывалось, что «все дело — в вере, в религии», а также «в поборах и издевательствах бухарцев»¹³⁴.

¹³² Там же, л. 9.

¹³³ ЦГА УзССР, И-3, оп. 2, д. 88, л. 6.

¹³⁴ Там же, лл. 11—13.

При первой же встрече политического агента с эмиром (март 1904 г.) последнему вновь пришлось узнать «о несвоевременности вопроса о передаче России означенных бекств». Эмир, покорно соглашаясь, оставил за собой право «возвратиться к сему вопросу»¹³⁵.

Желая одновременно «сохранить овец и накормить волков», царские чиновники продолжали отыскивать форму, при которой было бы возможно ликвидировать народные волнения на Памире, сохранив там бухарское управление. 12 марта 1904 г. Лютш сообщил эмирским чиновникам, что некоторое смягчение противоречий в припамирских бекствах может быть достигнуто при помощи установившейся там определенной системы, при которой «население удовлетворяло требованиям бухарских властей через посредство выборных» от населения. После переговоров с бухарским правительством политическому агенту удалось добиться его согласия на эту меру. Аргументация Лютша была такова: «Чем меньше будет случаев столкновения властей с населением, тем больше вероятно, что горцы спокойно проживут до того времени, когда признается возможным привести в исполнение меру, предложенную эмиром»¹³⁶.

Острота создавшегося на Памире положения привела к необходимости отправить туда опытного чиновника, который смог бы исчерпывающим образом изучить обстановку на месте.

11 июня 1904 г. туда выехал секретарь политического агентства в Бухаре А. А. Черкасов.

Еще на пути в припамирские бекства, находясь в Новом Маргелане и изучая имевшую там обширную переписку военного губернатора Ферганской области с начальником Памирского отряда, Черкасов пришел к выводу, что «вымогательства у населения во всех формах и под всеми предлогами, полное отсутствие чувства законности, гнет в области религиозных верований, мстительность и беззаконие бухарских чиновников в Шугнанае, Рушане и Вахане — разорили население и в высшей степени озлобили его». Памирское население «действительно может волноваться и считать себя глубоко обездоленным, так как оно испытывает тройной гнет

¹³⁵ Там же, л. 15.

¹³⁶ Там же, л. 18. (под «мерой, предложенной эмиром», подразумевалась передача бекств России).

от необходимости содержать бухарских чиновников, уплачивать подати бухарскому эмиру» и, кроме того, ему не дешево стоят его «пиры» и Ага-хан. В результате этого, продолжал Черкасов в своем донесении Я. Я. Лютшу от 5 июля 1904 г., жители Вахана, например, прямо заявили начальнику русского поста, что в случае приезда к ним бухарского чиновника они уйдут в Читрал¹³⁷.

В личной беседе с Черкасовым начальник Памирского отряда подполковник Арсеньев высказал мнение, что изъятие памирских бекств из бухарской юрисдикции является чрезвычайно желательным («тогда таджики сразу оживут») и далеко бы двинуло вперед экономическое развитие этих земель.

В бытность Черкасова на Памире там произошло еще одно серьезное столкновение между бухарскими властями и местным населением: бек Мирза Юлдашбий зверски избил неугодных ему таджиков, находившихся формально под покровительством Черкасова, то есть проявил «явное презрение к какой бы то ни было русской власти»¹³⁸. Это заставило Черкасова дать Лютшу телеграмму с просьбой ходатайствовать перед эмиром о немедленной смене бека.

В результате переговоров Лютша с эмиром по поводу конфликта Мирза Юлдашбий был изгнан с поста шугнанского бека. На его место бухарское правительство командировало одного из чиновников гиссарского бека «для временного управления Шугнанаем», предложив ему действовать в соответствии с советами местных царских властей¹³⁹.

Новые волнения на Памире заставили наконец и Лютша переменить свой взгляд на вопрос о принадлежности бекств. 5 ноября 1904 г. он отправляет в министерство иностранных дел и генерал-губернатору обширное письмо, в котором отмечает, что бухарская власть совершенно дискредитирована в глазах населения.

Малейшие попытки со стороны бухарцев проявить эту власть вызывают волнения и «открытые демонстрации. Население деморализуется отсутствием твердой власти», а бухарцы считают свое пребывание на Памире

¹³⁷ Там же, лл. 55-57.

¹³⁸ Там же, л. 92.

¹³⁹ Там же, л. 113.

временным и не заботятся о благосостоянии населения, допуская беззакония и насилия. Горцы «просятся к России». Эмир очень озабочен и если не просит забрать у него бекства, то лишь потому, что ему это запрещено. Умиротворить страну при нынешних условиях невозможно. Все это приводит к волнениям, демонстрациям и даже к бегству населения в соседнюю Читральскую область.

Лютш призывал удовлетворить многократные просьбы эмира о передаче бекств. «Вполне сознаю, что настоящее время не благоприятствует разрешению подобного вопроса, — писал он, — но совершающиеся в Шугнанае события грозят осложнениями, которые в самом близком будущем должны вызвать решительные с нашей стороны меры, и одной из лучших является принятие припамирских бекств во временное управление»¹⁴⁰.

В качестве временной меры Лютш предложил, чтобы памирское население управлялось своими выборными старшинами при номинальном надзоре со стороны бухарского чиновника.

Туркестанский генерал-губернатор Тевяшов ответил Лютшу, что вполне с ним согласен, и ходатайствовал перед военным министерством «о скорейшем разрешении вопроса о передаче земель, входящих в состав нынешнего Шугнанского бекства, во временное управление России»¹⁴¹.

Одновременно с заменой шугнанского бека чиновником от гиссарского бека Тевяшов, «желая со своей стороны содействовать установлению полного спокойствия в Шугнанском бекстве», назначил начальником Памирского отряда капитана Кивекэса, хорошо знакомого с местными условиями. Кивекэс получил право разрешать все вопросы, связанные с управлением бекством¹⁴².

12 января 1905 г. генерал-губернатор утвердил «Временную инструкцию начальнику Памирского отряда», в которую были внесены существенные изменения в управлении припамирскими бекствами по сравнению с предыдущими документами. По этой инструкции чиновнику гиссарского бека, назначенному вместо шугнанского бека, полагалось находиться при начальнике отряда, ко-

¹⁴⁰ ЦГА УзССР, И-3, оп. 2, д. 103, лл. 319—325.

¹⁴¹ Там же, д. 88, л. 114.

¹⁴² Там же, д. 103, л. 30.

торый должен был «руководить им во всех его каких бы то ни было распоряжениях». В случае уклонения чиновника от их исполнения начальник Памирского отряда мог «распоряжаться в этой области непосредственно». Кроме того, последнему поручалось строго следить, чтобы чиновник не производил никаких поборов с населения и платил за все забранное «по справочным ценам отряда». Если же у него не оказывалось средств, начальник отряда мог его субсидировать, но «в размере не свыше 60 рублей в месяц»¹⁴³.

В январе 1905 г. в Ташкенте было созвано специальное совещание «по вопросу о присоединении к России земель, входящих в состав Шугнанского бекства». В работе совещания приняли участие крупнейшие «знатоки памирского вопроса»: генерал-лейтенант Сахаров, генерал-майор Евреинов, генерал-майор Федотов, Федоров, Половцов, барон Черкасов, капитан Кивекэс, капитан Готшалк.

Комиссия признала своевременным изъять Шугнанское бекство из ведения бухарского правительства и установить там российское управление. Чтобы не создавать «прецедентов» для Англии, это мероприятие намечалось провести «негласно и без формальных условий передачи». Сохранение видимости бухарской власти достигалось учреждением при начальнике Памирского отряда должности бухарского чиновника — махрама — на жаловании у царских властей, который ежегодно сменялся и являлся «мирзой» (т. е. своего рода секретарем) начальника отряда. «Самостоятельных функций у него не должно быть никаких», он лишь должен был «прикладывать свою печать» в надлежащих случаях¹⁴⁴.

Министерство иностранных дел, получив письмо Лютша, доказывавшего необходимость принятия припамирских бекств во «временное русское управление», согласилось с его мнением. Оно сделало лишь оговорку: «Придать этой мере чисто административный характер», устранив всякий политический оттенок.

Однако военное министерство категорически воспротивилось передаче припамирских бекств России, хотя бы даже во временное управление, считая это «не един-

¹⁴³ Там же, лл. 31—34.

¹⁴⁴ ЦГВИА СССР, ф. Штаб Туркестанского военного округа, 1907 г., Строевой отдел, пачка VI, д. 2, лл. 223—227.

ственной мерой для упорядочения дела». Мотивируя свое решение, оно указывало на исключительную остроту политического положения в Средней Азии, вызванного тем, что «с началом русско-японской войны Англия перешла к явно наступательной политике почти на всех фронтах ее [борьбы] с нами за политическое преобладание в Азии...» Какие бы то ни было осложнения крайне нежелательны. Решение вопроса может быть «либо — либо»: либо совсем отказаться от присоединения бекств к России, либо присоединить их во всех отношениях. Но последняя мера невозможна до окончания войны с Японией и стабилизации положения в Туркестане ¹⁴⁵.

Чтобы выйти из создавшегося положения и избавить памирцев «от гнета бухарской администрации, которая делает их жизнь действительно тяжелой», военное министерство предлагало принять меру, рекомендованную Лютшем: устройство выборного управления под надзором бухарского чиновника, в качестве которого назначить кого-либо из наиболее влиятельных местных жителей ¹⁴⁶.

Письмо этого министерства заставило Тевяшова внести некоторые изменения в текст «Временной инструкции начальнику Памирского отряда»: «удержать за представителем эмира в Шугнана наименование бека или и. д. бека» (а не махрама, как это предполагалось), соблюдать приложение беком своей печати ко всем соответствующим документам, а также «распоряжением от имени бека призвать население к избранию должностных лиц сельской и волостной администрации», причем выборы должны были производиться под наблюдением русских офицеров, а избранные лица — утверждаться беком «на неопределенное время» ¹⁴⁷.

Во время переговоров в Петербурге между министерствами военных и иностранных дел по вопросу о припамирских бекствах военное ведомство продолжало настаивать на том, что политическая ситуация препятствует введению в них русского управления и присоеди-

¹⁴⁵ «Нестабильность положения» в Туркестанском генерал-губернаторстве, с точки зрения военного министерства, заключалась в том, что этот край быстро втягивался в революционное движение, вскоре охватившее всю страну.

¹⁴⁶ ЦГА УзССР. И-3, оп. 2, л. 103, лл. 26—29.

¹⁴⁷ Там же, л. 58.

нению их к России. В конце концов, «чтобы избавить горцев от гнета бухарской администрации» (как писал начальник Главного штаба), оба министерства пришли к соглашению об осуществлении следующих мероприятий:

1. В Шугнана, Рушана и Вахана сохранялось введенное там в 1905 г. выборное управление, причем оно должно было подчиняться контролю местной царской власти.

2. Представитель бухарского правительства в припамирских бекствах должен был носить титул исполняющего должность шугнанского бека. Этот «и. д. бека» обязывался постоянно находиться в Хороге и решать все дела по указаниям начальника Памирского отряда, получавшего необходимые инструкции от туркестанского генерал-губернатора. Бек должен был прикладывать печать ко всем документам и обеспечивать избрание населением должностных лиц сельской и волостной администрации.

Таким образом, припамирские бекства фактически полностью изымались из бухарской юрисдикции, а тщательно сохраняемый там бек был необходим лишь для соблюдения внешнего декорума перед лицом агрессивной Британской империи, которой так боялись некоторые деятели из Петербурга.

В связи с этим в конце приведенного соглашения, как бы в насмешку говорилось, что эмир должен дать на них санкцию.

Как сообщал впоследствии Лютш в министерство иностранных дел, «присутствие бухарского чиновника в Хороге было признано необходимым для того, чтобы подчеркнуть принадлежность припамирских бекств к Бухаре» ¹⁴⁸.

Любопытно, что Лютш пытался обосновать необходимость участия русских властей в управлении припамирскими бекствами, делая экскурсы в историю английской деятельности в Индии. «Участие наше в управлении припамирскими бекствами не может, казалось бы, вызвать возражения со стороны великобританского правительства. Последнему хорошо известно, как необходимо иногда руководить туземным чиновником в вопросах

¹⁴⁸ Там же, д. 93, л. 15.

по управлению населением, — писал 25 апреля 1905 г. Лютш Гартвигу. — Неоднократно англо-индийское правительство было вынуждено вмешиваться во внутренние вопросы полунезависимых владений, находящихся на севере Индии. Туземное правительство оставалось номинально у власти, но более или менее серьезные дела решались особым советом под председательством английского офицера или чиновника. Так было, например, устроено управление Кашмиром, когда англичане признали молодого магараджу слишком неопытным для управления страной и учредили особый совет под председательством местного английского резидента. Тот же порядок мог быть и в припамирских бекствах, и обязанности председательствующего могли бы быть возложены на начальника Памирского отряда или на другое лицо»¹⁴⁹.

Однако и эта «английская система» была признана опасной, в результате чего появился «исполняющий должность шугнанского бека».

Больше того, в процессе переговоров военное министерство продолжало настаивать на сосредоточении всего управления бекствами в руках бухарского чиновника под «негласным руководством советами» начальника Памирского отряда. На это генерал Тевяшов возразил, что при подобном положении он «не может ручаться за сохранение порядка», так как предоставление бухарскому чиновнику власти «неминуемо приведет к немедленному поголовному восстанию», ибо ненависть к бухарцам на Памире так сильна, что за последние полтора года ни один бухарец не смел там показаться. «При таких условиях, [когда] бухарская власть фактически не существует, могут быть поддержаны нами лишь наружные ее атрибуты»¹⁵⁰.

Получив такой ответ, военное министерство больше не пыталось добиваться сохранения власти в руках бухарских чиновников. После принципиального решения проблемы оно предложило генерал-губернатору по соглашению с эмиром бухарским осуществить реорганизацию управления припамирскими бекствами, но петербургские власти получили одновременно сообщения из

¹⁴⁹ Там же, д. 103, лл. 145—149.

¹⁵⁰ Там же, л. 211.

Ташкента и Новой Бухары (от генерал-губернатора и политического агента в Бухаре) о том, что, собственно говоря, никакого соглашения с эмиром не требуется. Лютш писал, что ввиду бывших ранее переговоров с бухарским правительством для осуществления намеченных мероприятий нет никакой нужды в заключении особого соглашения¹⁵¹, а Тевяшов прямо заявил, что все указания уже осуществлены и «не могут подвергнуться видоизменению или обсуждению со стороны эмира»¹⁵².

Таким образом, злосчастные бекства были так же спокойно изъяты из Бухарского ханства, как невозможно они были ему навязаны. Вся информация, которую получили бухарские власти, заключалась в небольшом письме Лютша от 18 июня 1905 г. Он сообщил главному бухарскому зякетчи, что русское правительство «ныне вполне разъяснило вопрос о дальнейшем управлении припамирскими бекствами: в них вводится выборное управление и необходимо провести выбор старшин в порядке, выработанном начальником Памирского отряда и одобренном туркестанским генерал-губернатором»¹⁵³.

Замысловатость решения наболевшей проблемы о принадлежности припамирских бекств была вызвана сложной международной обстановкой, когда Англия, воспользовавшись тяжелой для России войной с Японией, резко активизировала свою агрессивную внешнюю политику в соседних с Туркестанским краем землях. Тем не менее, как она ни была сложна, следует признать, что в 1905 г. было достигнуто решение, удовлетворявшее в какой-то мере все три заинтересованные стороны — Россию, Бухару и население Памира.

Таким образом, десять лет понадобилось царизму после ликвидации «памирского вопроса» как узла англо-русской борьбы, чтобы урегулировать его внутри Российской империи.

Из всего изложенного, на наш взгляд, можно сделать следующие выводы:

1. В своей внутренней политике (как, впрочем, и во внешней) царское самодержавие меньше всего считалось с интересами тех народов, которых эта политика

¹⁵¹ Там же, л. 283.

¹⁵² Там же, лл. 284—285.

¹⁵³ ЦГА УзССР, И-3, оп. 2, д. 111, л. 286.

непосредственно касалась. Несомненно, если бы припамирские бекства находились где-то вдали от границы, в глубине Бухарского ханства, царские чиновники равнодушно взирали бы на все те измывательства, на тот ничем не прикрытый грабеж, который практиковался во всем ханстве. Ведь в своих донесениях и переписке царские власти неоднократно указывали, что в других бекствах Бухары положение не лучше, если не хуже, чем на Памире, однако царизм — «тюремщик народов» — пальцем о палец не ударил, чтобы облегчить тяжелую участь трудящихся масс Бухары. Вопрос о реформах в ханстве, которые гарантировали бы трудящимся Бухары «более сносные условия материального существования, личную и имущественную безопасность, устранили произвол и вымогательство чиновников», — как писал уже в 1910 г. туркестанский генерал-губернатор Самсонов, — этот вопрос, неоднократно возбуждавшийся, так и не был разрешен вплоть до Октябрьской революции 1917 г. и ликвидации эмирата в 1920 г., хотя тот же Самсонов писал, что «откладывать дальше реформы в бухарском ханстве нельзя. Недовольство народа... растет и может очень скоро окончиться мятежом, для подавления которого придется прибегнуть к вооруженной силе»¹⁵⁴.

Только лишь пограничное расположение памирского района, а также боязнь как бы безвыходность памирцев и в связи с этим их бегство за границу не подорвали пресловутый престиж Российской империи на Востоке заставили царскую администрацию избавить припамирские бекства от бухарских чиновников и «милостиво» отсрочить взимание налогов с голодных, затравленных жителей Памира.

2. Рассмотренный сюжет является дополнительной иллюстрацией к известному положению о том, что Бухарское ханство было вассалом царского правительства, которое через политических агентов в Бухаре бесцеремонно диктовало эмиру и его правительству свою волю, мало считаясь с их желаниями и интересами.

3. Во многих действиях Петербурга и его представителей в Средней Азии в рассматриваемый период, связанных в какой-то мере с внешней политикой, явственно

прослеживается опасение агрессивных действий «извечного врага на Востоке» — Британской империи. Эти опасения подчас доходят до того, что даже в решении внутривосточных вопросов в Туркестане царские чиновники оглядываются на Лондон, тщательным образом учитывая возможную его реакцию.

4. Развитие событий в припамирских бекствах убедительно свидетельствует, что местное население предпочитало русскую систему управления феодальными методами и приемам бухарских властей. Этот пример является дополнительным штрихом к утвердившемуся в советской историографии положению об объективно прогрессивных последствиях присоединения Средней Азии к России.

* * *

Ликвидация бухарского феодального произвола создала некоторые предпосылки для определенного подъема материального благосостояния населения Рушана, Шугнана и Вахана. Это имело немаловажное значение и для командования Памирского отряда, которому были переданы административные функции на местах. От благосостояния жителей зависело снабжение всем необходимым — продовольствием, транспортом и т. п. — отрезанного от своих баз военного отряда, укрепление тыла и поддержка дружественных отношений с народом.

Изменение обстановки отразилось в первую очередь на развитии земледелия. «Таджики всюду, где только возможно, стали расширять площадь посевов, проводя для этой цели новые арыки и восстанавливая старые, давно заброшенные, — констатировал в одном из своих рапортов начальник Памирского отряда. — Огромный, в несколько верст длиною арык, за одно лето соорудили жители Бароушан (в Рушане), несколько меньший, около 5 верст, проведен на средства отряда около Хорога, и большая часть вновь орошенной им земли предоставлена в пользование жителям; менее значительные арыки уже частью закончены, частью проводятся в Поршнине, на Шах-Даре, на Бартанге, на Гунте и в Вахане»¹⁵⁵.

¹⁵⁵ Цит. по: Т. Каримов, Победа Великой Октябрьской социалистической революции и решение аграрного вопроса в Таджикистане, Душанбе, 1968, стр. 33.

¹⁵⁴ ЦГА УзССР, И-1, оп. 12, д. 1367, лл. 52—53.

25 сентября 1903 г.

Доклад дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе

Во исполнение предписания вашего высокопревосходительства от 31 июля сего года за № 298 я выехал из Ташкента 2 августа, на следующий день докладывал в Новом Маргелане военному губернатору Ферганской области об инструкции, преподанной мне вашим высокопревосходительством. 11 августа прибыл на Памирский пост, откуда 14-го августа выступил вместе с генерального штаба капитаном Снесаревым в Вахан, 18 августа прибыл на Лянгарский пост, 21-го августа выступил на Хорогский пост, куда прибыл 25 августа для свидания с начальником Памирского отряда и шугнанским беком, и выехал с означенного поста в обратный путь 29 августа.

За это время мною были опрошены:

- 1) на Памирском посту нижние чины возвращавшегося Памирского отряда, находившиеся истекшим летом в составе гарнизона Лянгарского поста;
- 2) на Памирском же посту бывшего в командировке на Лянгарском посту несколько дней спустя после события 1-го июля поручика Давыдова;
- 3) на Лянгарском посту наиболее развитых из местных туземцев и
- 4) на Ишкашимском посту бывшего начальника Лянгарского поста хорунжего Голявинского...

Из упомянутых показаний выяснилось, что два бухарских чиновника, в сопровождении десяти человек прислуги, прибыв в Вахан для сбора зякета, остановились 30-го июня в селении Зунг в 6 верстах от Лянгарского поста, оповестив жителей, чтобы они собрались для расчета предстоящего сбора.

Представители от всех оповещенных кишлаков были в Зунге, так как распределение между ними количества потребного скота должно было иметь место на следующее утро. Бухарским чиновникам предшествовала дурная молва, что в местах остановок они требовали себе женщин и детей и что в Горане, после долгого сопротивления со стороны жителей, им удалось опозорить одну женщину. Поэтому, когда один из них потребовал от зунгского аксака-ла Зарина, чтобы он предоставил ему своего сына, мальчика лет десяти, а другой спросил, нет ли красивой девушки, которую акса-

Осуществление этих работ способствовало увеличению сбора зерновых, что в свою очередь положительно сказывалось и на местном скотоводстве.

Немалое значение имело также проведенное русскими властями сокращение штата низовой администрации, ликвидация всех налогов, податей и обложений, разорвавших народные массы.

Но вместе с тем представители царского правительства на Западном Памире продолжали опираться на местных духовных и светских феодалов, среди которых, как отмечалось выше, выделялись ишан Сеид Мурсал, ишан Сеид Юсуф-Али-шо, Азиз-хан и др. Именно им принадлежали основные земельные угодья, ирригационные сооружения, стада. Эта религиозная и светская верхушка таджикского населения, в свою очередь пользуясь классовой поддержкой царских чиновников, эксплуатировала памирскую бедноту.

В Рушане, Шугнане и Вахане четко прослеживаются политические процессы, характерные для Туркестанского края в целом. Национальная беднота, оказавшись в тесном общении с пришлой русской беднотой, проходила школу политического развития, вовлекалась несравненно более активно, чем в феодальных ханствах — Бухаре и Хиве, в борьбу с эксплуататорами, в революционное движение. Несомненно, что нижние чины Памирского отряда, которым в отличие от царских чиновников гораздо ближе были обездоленные таджикские бедняки, чем ишаны и «тысяцкие» — мингбаши, — просвещали эту бедноту на тему о том, каким образом можно ликвидировать несправедливость на земле.

Во всяком случае, когда пламя революции охватило царскую Россию, одним из первых районов, где оно особенно ярко вспыхнуло, был Памир. Но этот вопрос уже выходит за рамки нашей работы.

кал мог бы привести к нему, то Зарин, спрятав сына, передал об этом своим единоплеменникам, и народ стал собираться на поле вне кишлака, где после совещания поклялся на Коране убить бухарцев. Дом, в котором они помещались, находится на западной окраине селения; дом этот был окружен, бухарцы схвачены и связаны, но бунтовщики в решительный момент оробели, никто не отважился начать резню и кто-то предложил сначала собрать наиболее ценное имущество, переправить его вместе с женами и детьми на афганский берег, а затем уже перед окончательным бегством зарезать бухарцев. Предложение было принято, но, куда жители занимались сборами, внутренний разведчик дал знать начальнику Лянгарского поста о случившемся, и последний по тревоге собрал казаков и, сочувствуемый подпоручиком Корженевским, на рысях двинулся в Зунг.

Опасаясь беспорядков, хорунжий Голявинский нарядил уже до того разъезды для наблюдения за общественным порядком, но разъезд, бывший в Зунге во время нападения на бухарцев, проглядел его, вероятно, по причине разбросанности этого кишлака в гористой местности, и шел обратно на пост, когда на рассвете 1-го июля встретил гарнизон поста, шедший в Зунг, и присоединился к нему (хорунжий Голявинский пошел вперед с казаками, а стрелки последовали за ним). За это время один из бухарцев успел развязать себе руки и развязал товарищей. По-видимому, жители хотели действительно убить бухарцев, а не только избить их, так как у всех одежда была в порядке, халаты не изорваны и следы побоев были только у одного на лице и у другого на руке.

При виде русских жители бросили собирать свое имущество и кинулись к переправе через реку, где хорунжий Голявинский нагнал их и не без труда убедил большинство не переправляться, а ожидать на своей территории дальнейших событий. Бухарцы, под прикрытием нижних чинов, препровождены были на пост, где жили в казарме, питаясь из котла и гуляя на свободе, куда не представлялся случай доставить их обратно в Шугнан под конвоем. Ввиду враждебного настроения жителей к бухарцам хорунжий Голявинский поставил пикет на дороге для конвоирования всякого, кто появился бы с бухарской стороны, но никто из Шугнана по дороге не проезжал. На Лянгарском посту бухарцы были опрошены хорунжим Голявинским относительно того, узнали ли они кого-нибудь из тех, кто их вязал, но они ответили, что в темноте они не видели лиц нападавших.

Приехавшего несколько дней спустя на пост поручика Давыдова хорунжий Голявинский просил взять с собой бухарцев на Хорогский пост. По показаниям нижних чинов, за время пребывания на Лянгарском посту, а также во время пути с поручиком Давыдовым бухарцы шутили и смеялись, и никто из них болен не был. По прибытии в Ишкашим, бухарцы бежали ночью от поручика Давыдова, несмотря на то, что он просил их накануне ехать с ним, оставив часть своих людей в Ишкашиме, так как в небольшом кишлаке около поста не оказалось достаточного числа лошадей для бухарцев и для русских офицеров (отсюда должен был ехать с поручиком Давыдовым и подпоручик Корженевский); таким образом русские офицеры остались в Ишкашиме без лошадей.

В насилии, учиненном над бухарцами, судя по свидетельским показаниям, ваханские должностные лица, перечисленные в донесе-

нии шугнанского бека, участия не принимали. Они все находились в ночь на 1-е июля в кишлаке Гиссар, находящемся на полпути из Лянгара в Зунг, где их и застал хорунжий Голявинский, когда шел вырывать бухарцев. Я предполагаю, что они знали о предстоявшем бунте, но, не желая или не чувствуя себя в силах сдержать народ, из осторожности остались в стороне.

Что же касается донесения бека, то, разбирая его с ним, строка за строкой, в присутствии капитана Снесарева, на разговор с которым бек ссылался в этом донесении, я убедился, что содержание его лишь изредка и крайне неточно подходит к истине. Бек приехал в Шугнан не 14-го июня, никаких кишлаков не объезжал, не имел с капитаном Снесаревым того разговора, на который ссылался, и, главное, не посылал в Вахан за два дня до возвращения зякетчи и амлякдара двух упоминаемых им людей.

Когда я высказал ему свое удивление, что он решился донести эмиру явную неправду, он сначала говорил, что перевод его донесения неверен, потом, что он не ручается за точность письма, так как не помнит, сам ли его писал, или мирза по его поручению, наконец, по поводу разговора с капитаном Снесаревым заявил, что если такого разговора даже и не было, то это не важно, так как, измышляя его, он никого не оклеветал. Видя такое отношение его к истине, я старался ему объяснить, что не только русская власть, но даже бухарское правительство может иначе отнестись к такому вопросу и что я могу оградить его от неприятностей только, если он подаст мне заявление, что он был введен в заблуждение относительно подробностей дела.

После переговоров, длившихся более двух суток, он написал в моем присутствии заявление... Видя, что я знаком с фактической обстановкой происшедших событий, Мирза-Юлдаш-бий уже не настаивал больше на том рассказе, который он представил в своем донесении, а поддерживал свои обвинения на хорунжего Голявинского на основании сходства между имевшим место бунтом с тем, что означенный офицер писал ему в частных письмах в течение июня месяца. Из сходства этого шугнанский бек заключает, что хорунжий Голявинский угрожал ему бунтом и что бунт произошел по наущению означенного офицера. На подобное умозаключение я мог только возражать, что письма хорунжего Голявинского были не более, как увещание и просьба об осторожности, но так как, по отзыву бека, письма эти были отправлены в Бухару, а у хорунжего Голявинского копий с них не сохранилось, то противопоставить более веских доводов предположениям бека я не мог. Обычай такой переписки между начальниками постов и беком, установленный по почину самого Мирза-Юлдаша-бия, ныне прекращен.

Из вышеизложенного явствует, что беспорядки, происшедшие в ночь на 1 июля сего года в Вахане, были не что иное, как взрыв народного негодования на приемы бухарской администрации.

Что же касается самого податного обложения, то, несмотря на его несправедливость, народ везде выражал мне полную готовность его уплачивать, в подтверждение чего, по моему совету, ваханцы стали сами собирать зякет и, вероятно, теперь уже представили его на Ишкашимский пост, куда бек должен был, по уговору со мной выслать своих людей для его приема. Я позволил себе назвать зякет несправедливым ввиду того, что по нему ваханцы должны поставлять подковы, между тем как страна их железа не производит,

а также барсовые и куньи шкуры, представляющие большую редкость; за наименее означенных предметов, цена их уплачивается скотом, и в Шугнана народ мне заявил, что вместо $\frac{1}{40}$ головы с него берут $\frac{1}{20}$.

Сопроотивление ваханских таджиков бухарскому владычеству кроется в других причинах. Во-первых, в сознании, что бухарцы их покоряли, и что по праву войны они не являются их властелинами, во-вторых, в оскорблении бухарскими чиновниками народной нравственности и, в-третьих, в религиозной розни. И старшины, наиболее развитые среди ваханцев, и представители простого народа, которых я собирал в кишлаке Вранг, когда убеждал их уплатить зякет, все говорили мне, что покорили их русские, что принадлежат они русским и что они не знают, за какую с их стороны вину они отданы бухарцам.

По их словам, в течение 8 лет они каждый год обращались с просьбой о присоединении к России, либо к начальнику Памирского отряда, либо к начальнику Лянгарского поста. Теперь же, когда с введением податного обложения им приходится окончательно признать себя бухарскими подданными, они твердо решили бежать. Зякет они согласились уплатить в этом году только ввиду того, что это требование предъявлено им мною, русским чиновником, и под условием, чтобы они его сдали на русский Ишкашимский пост. Они мне высказали убеждение, что если Россия первая в мире держава, то второе место принадлежит Англии, и поэтому они пробегутся по родственным им селениям афганского Вахана в Читрал, где будут искать покровительства английских властей в случае, если Россия будет по-прежнему от них отворачиваться. Решение их настолько назрело, что они, не смея ожидать благополучного исхода, до приезда моего жили в кустах и отчасти на афганском берегу; в кишлаках были лишь работники, приходившие для жатвы.

По вопросу об оскорблении народной нравственности едва ли можно ожидать какого-нибудь примирения между законными обычаями бухарских чиновников, безнаказанно практикуемыми ими в остальных частях ханства, и воззрениями горных таджиков, сохранивших патриархальный образ жизни и относящихся к половой распущенности с глубоким омерзением. Что же касается вопроса религиозного, то со мной, как с немусульманином, таджики всего менее охотно его обсуждали, но будучи все поголовно измаилитами (пандж-тэни), фанатически преданными своей вере, они со страхом относятся к попыткам бухарцев обратить их в суннитов и с завистью смотрят на свободу, которой пользуются их единоверцы в Индии.

Я глубоко убежден, что если ваханцы оставлены будут под властью бухарцев, они все выселятся, что может вызвать крайне нежелательные для нас толки английской печати... и поставит Лянгарский и Ишкашимский посты в затруднительное положение в отношении продовольственным. Но помимо этого есть, к сожалению, полное основание думать, что южная часть Шугнана поднимется вслед за Ваханом, и трудно определить, на какой географической широте остановится такое выселение таджиков. Когда я приехал в Хорог, ко мне явилась толпа в числе свыше 200 человек, большинство хозяев долин Шах-Дары и Гунта, с заявлением, что они умоляют о присоединении к России, бухарцев же у себя видеть не согласны, и что после притеснений, которые они претерпели при сборе зякета,

они в этом году ничего больше платить не в состоянии. Письменное прошение их у сего прилагается. Депутация эта говорила со мною, не стесняясь присутствием слуг приехавшего на встречу ко мне шугнанского бека, причем таджики заявили, что после такого смелого с их стороны шага они потерпят несомненно наказание от бухарцев, а поэтому просят, чтобы впредь до окончательного решения вопроса о присоединении их к России, им было разрешено приставить к беку своего выборного, через которого бек будет предъявлять им свои требования и передавать распоряжения, а чтобы бухарские чиновники к ним не приезжали. На удовлетворение этой просьбы Мирза Юлдаш-бий выразил мне свое согласие.

Вышеописанное ненормальное положение Вахана и Шугнана не может продолжаться долго. Помимо вопроса о присоединении этих стран к России, разрешения какого-либо народа обещал мне ожидать спокойно, на очереди стоит другой вопрос о сборе подати с урожая нынешнего года. Шугнанский бек высказал мне убеждения в невозможности произвести этот сбор, а также свое намерение исполнить указаний на означенный предмет из Бухары; я же с своей стороны обещал ему, что буду иметь честь доложить вашему превосходительству о своем полном единомыслии с ним в упомянутом вопросе.

Что же касается заявления, сделанного беком в его донесении, об отправке им Ясаулбаши Мулла-Авеза и Доулет-Караулбеги, то сведение это не только было опровергнуто свидетельскими показаниями, но когда я спросил об этом бека, он ответил мне, что никого в Вахан не посылал после отправки зякетчи и что он не понимает, как такой факт мог попасть в посланное им донесение; поэтому я считаю рассказ бека об истязаниях, коим будто бы подвергались означенные лица, вполне вымышленным.

И. д. дипломатического чиновника Половцов.

ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 2; д. 77, лл. 193—197.

№ 2

Ноябрь 1903 г.

Докладная записка
капитана генерального штаба А. Е. Снесарева
о зякете в Западном Памире

Зякет в Западном Памире.

Суть зякета, к которому в бывших ханствах Шугнана, Рошане и Вахане бухарская власть уже приступила и содержание которого мне было передано беком Шугнана Мирзой Юлдаш Биём, сводится к следующему:

а) с жителей, имеющих землю, берется десятая часть с собранного количества зерна (пшеница, ячмень, хлопок и т. д.) или, по выражению имеющейся у меня копии, от десяти пудов уплачивается один пуд.

Взимание десятой части распространяется на сено, тут, урюк, орех и крут.

Кроме этой десятой части амлякдару (чиновнику) во время сбора полагается $\frac{1}{80}$ (с каждого пуда полфунта) и сборщику (дарага) $\frac{1}{60}$ (с пуда $\frac{1}{4}$ фунта).

б) зяект с животных: овец, козлов, рогатого скота и верблюдов от 40 голов одна голова. Так как верблюдов мало, то за каждого верблюда в год платится один рубль.

Свыше приведенных в а) и б) повинностей жители несут еще следующие.

Все хозяйства разбиты на 4 категории.

В первую — богатых — входят хозяйства, засевающие пятьдесят пудов хлеба (всех сортов вместе) или более; во вторую — средних — засевающие 25—50 пудов; в третью — бедных — засевающие менее 25 пудов; наконец, в четвертую входят безземельные.

Богатые должны каждый год платить с трех дворов: одну крупную скотину, ценою на наши деньги 6 руб. 40 коп., и другую среднюю ценою 3 руб. 20 коп.; 4 хороших барана, ценою в 1 руб. 20 коп. каждый, четыре чашки масла, каждая весом в $5\frac{1}{4}$ фунта и ценою 80 коп., одну пару таджикских сапог, одну веревку, один кусок хорошего сукна ценою в 4 руб. 80 коп., другой кусок тонкого сукна ценою в 1 руб. 20 коп., один куничий мех ценою в 1 руб. 40 коп., 7 кусков маты по 3 аршина в каждом ценою в 4 руб. 20 коп. и один стан подков в 80 коп. Упомянутые три двора, вместо перечисленных предметов, могут уплатить 30 руб. 12 коп.

Средние должны каждый год, сверх опять-таки податей, помещенных: а) и б), с трех дворов платить: одну большую скотину (6 руб. 40 коп.), три хороших барана (80 коп. каждый), три чашки масла (60 коп. каждая), один кусок сукна (4 руб. 80 коп.), один мех куничий (1 рубль 40 коп.), пять кусков маты по 3 аршина в каждом (3 руб.), пару подков (40 коп.), веревку и пару таджикских сапог. Упомянутые три двора, вместо перечисленных предметов, могут уплатить 20 руб. 25 коп. или по 6 руб. 75 коп. каждый.

Бедные должны каждый год, сверх а) и б), с трех дворов платить: одну среднюю скотину (3 руб. 20 коп.), три барана (по 40 коп. каждый), две чашки масла (по 40 коп. каждая), один кусок тонкого сукна (1 рубль 20 коп.), три куса маты по 3 аршина в каждом (1 рубль 80 коп.), один куничий мех (1 рубль 40 коп.), одну пару подков (40 коп.). Взамен перечисленных предметов бедные могут платить в год 10 руб. 5 коп. или 3 руб. 35 коп. каждый двор.

Безземельные — каждый год должен платить 1 рубль 20 коп. каждый домохозяин.

С мельниц зяект определяется в год: с хорошей — 2 р. 50 к.; средней — 2 р. плохой — 1 р. 50 к.; за разрешение венчать девицу 2 руб.; вдову — 1 р.; за разрешение судебных дел в пользу суда одну десятую часть от десяти (вероятно, разумеется стоимость обсуждаемого предмета).

Где будет жить бек или его чиновник, того кишлака жители по очереди должны доставлять каждому из них все, что ему нужно, кроме того, мыла по 5 фунтов с каждого кишлака. Относительно Ваханского чиновника есть особое добавление, что жители — по очереди каждый кишлак — должны доставлять ему дрова, свечи, мыло и все то, что ему понадобится (количество или норма не предусмат-

ривается); чиновнику обязаны жители по очереди служить (исключая время пахоты и сбора хлеба) по три дня каждый безвозмездно.

Если бек или его люди едут куда... по казенным делам из русской стороны, то им все что будет нужно (лошадей, турсуки и др. предметы) жители доставляют без денег.

Хлеб взимается осенью (о времени сбора скота упоминаний нет) чиновником при участии сборщика, волостного правителя, казия и аксакала; жителям в получении десятой доли дается расписка.

Все перечисленное в бумаге чиновник и сборщик возьмут от жителей, а сверх этого жители ничем не должны быть обижаемы (т. е. с них ничего не надлежит брать).

Чтобы обсудить, что значит вышеприведенный акт, я представлю статистические данные относительно Западного Памира или бывших Шугнана, Рошана и Вахана. Эти данные собраны осенью прошлого года с возможной обстоятельностью и осмотрительностью (в пределах, конечно, чем располагали офицеры отряда) и были в последующем проверены всеми представлявшимися способами. Но так как это был, насколько мне известно, первый опыт подробного статистического исследования страны, применялся к народу весьма скрытному и, благодаря продолжительному рабству, весьма лживому, так как в некоторых случаях работа была затруднена многими причинами и так как, наконец, вывод относится только к одному году, то всему этому будет придан относительный и крайне сдержанный смысл.

Бывшие ханства в настоящее время составляют шесть волостей. Мы рассмотрим их, придерживаясь отчасти долин, отчасти прежних ханств, по таким подразделениям: Вахан (долина Пянджа от Лянгар Гишта до Намадгута), Горан с Ишкашимом (от Намадгута до Андерь-оба), долина Шах-Дары, долина Гунта, Поршневский участок (более низкая часть прежнего Шугнана), Кала-и-Вамарская волость и Бартагская волость.

Во всем Западном Памире к концу прошлого года насчитывалось 97 кишлаков, 1427 хозяйств или отдельных дворов и 14 128 всего народонаселения. Из этого числа работников, считая мужчин и женщин, было 7030, т. е. 50%, а к остальным 50% принадлежали старики (старше 50 лет) и дети (моложе 12 лет), работников мужчин было несколько более 3500, или было 25% всего населения. Из всего числа хозяйств, если определить их по норме зяекта, оказалось бы во всей стране богатых хозяйств 37, средних 282, бедных 1068 и безземельных 40.

Хлеба было снято: 46 469 пуд. пшеницы, 18 833 пуда ячменя, 32 445 пуд. гороху, 13 576 пуд. проса и 19 359 пуд. бобов, а соединяя хлеба вместе, так как туземец их исключительно употребляет в свою пищу¹ всегда почти соединяя, получим общее количество хлеба в 130 682 пуда.

Общее число преобладающего скота определялось цифрой в 32 295 овец и 8427 рогатого скота.

Если мы переведем на деньги общее количество зяекта, имея в виду лишь главные статьи зяекта, одну десятую на зерновой хлеб, $\frac{1}{40}$ на овец и рогатый скот и денежное обложение, т. е. допустим

¹ Разновидности хлебов, как напр. шатук, более соединялись с наиболее родственными им хлебами.

в последнем случае, что все туземцы заплатят деньгами, а не продуктами, то получим сумму 10 500 руб. (от хлеба, оценивая пуд общего хлеба в 80 коп.), 5560 денежного обложения и 1850 руб. от зякета на скот (овца оценена в 1 руб., голова рогатого скота в 5 руб.), а всего 17 910 руб. Относя эту сумму к различным единицам, увидим, что на двор приходится около 12 руб. 12 коп., на каждую душу свыше 1 руб. 25 коп. и на мужчину работника свыше 5 руб. (5 руб. 11 коп.) в год. Напрасно мы стали бы искать чего похожего на приведенное обложение в соседних странах, напр., в нашем Туркестане, в Индии, в Читрале и даже в Афганистане, разве за исключением лишь самой Бухары. Если мы тут же припомним, что этот зякет проводится в народе, уже несколько лет ничего не платившем, значит отвыкшем нести государственные повинности, и кроме того в населении бедном и малоземельном, то уже эти первые шаги рассмотрения нами зякета дают нам право назвать его весьма тяжелым.

Но исследуем вопрос несколько детальнее. Посмотрим, в какой мере народ в силах выплачивать десятую долю от собранного им зерна. Прошлый год по урожаю в Западном Памире, согласно свидетельства туземцев и по другим соображениям, может быть назван средним, в частности он характеризуется так: на Вахане и Гунте он был несколько ниже среднего, в Горане — хороший, на Шах-Даре — средний, в Нижнем Шугнани несколько ниже среднего, в Кала-и-Вамаре — средний и по Бартангу — средний. При исследовании способности народа платить десятую часть мы держались соображения, что прежде всего он должен покрыть зерном существенные нужды: а) отделить определенную часть на посев: мы держались $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{6}$ части в зависимости от урожая (рассматриваемого года и среднего года) и от преобладающего вида зерна; б) оставить себе на пропитание в течение года. Мы держались как нормы, 1 фунта зерна в день на каждую душу большую или малую или круглой цифры 9 пуд. в год. Эта норма, вне сомнения, очень мала, ибо туземцы мяса не едят, молочных продуктов у них недостаточно и пища по преимуществу мучная. Даже опыты, которые мы производили в разных семьях (богатой, средней и бедной), дали большой коэффициент, чем приводимый, а именно около 1,75 ф. в день², но для большей осторожности и уверенности в своих выводах мы держались возможно малого коэффициента.

в) прокормить рабочих быков во время периода пахоты. Быкам дается мука, примененная к саману, в размерах 3—4 фунтов в день на каждого. Без такой подкормки быки, по наблюдению туземцев, не могут снести работу пахоты.

Остальные нужды мы отбрасываем, как, напр., промен муки на какие-либо предметы или продажа ее, с целью купить себе что-либо, корм овец (иногда) и молодых ягнят, корм коровы в течение некоторого времени после приноса ею плода и т. д.

Если у народа что-либо останется по удовлетворении перечисленных главных нужд, то это зерно может идти на уплату зякета ($\frac{1}{10}$ части) без вреда для благосостояния народа и его здоровья, хотя, может быть, в некоторый ущерб его удобствам (перечисленные второстепенные нужды) жизни. Посмотрим теперь на отдельные части Западного Памира.

² Осенью и зимою около 2 фунтов зерна на душу, весной несколько меньше фунта.

В Вахане было собрано 9410 пуд. общего хлеба: отняв на посев $\frac{1}{6}$, т. е. 1570 пудов, получим остаток в 7840 пудов. На прокорм населения (1525 душ) надо 12 725, т. е. видим, что даже прокормиться населению не хватает собственного хлеба и не хватает почти наполовину. Очевидно, взятый зякет был бы резким ущербом для народного здоровья. Правда, год был в Вахане плохой, пшеница и просо были побиты ранними заморозками, общий сам вышел несколько более 4. Но если допустить, что было бы собрано в $1\frac{1}{2}$ более, что приблизительно и соответствовало бы среднему урожаю, то и тогда самому населению только бы хватило на существенные нужды.

В долине Гунта в прошлом году было собрано 15 101 пудов общего хлеба: определяя на посев 2517 пудов, получим 12 584 пуда, а на пропитание народонаселения (1610 душ) 14 490 пуд. Видим, что недостает около 2 тыс. пудов для пропитания народонаселения. Год был на Гунте тоже плохой, также были побиты морозом пшеница и просо, более бедные из жителей уже в этом месяце (июне) за 1,5—2 месяца до жатвы начали питаться травой, но приведенное количество собранного хлеба мало может быть приподнято в предположении среднего или хорошего урожая по Гунту; обилие снега в долине затягивает сильно пахоту, хлеб гибнет очень часто. Жители Гунта лишь в исключительный год могут выплачивать $\frac{1}{10}$ зерна без ущерба для благосостояния здоровья.

На Нижнем Шугнани мы встречаемся с таким же явлением. Собрано было хлеба 16 717 пуд. За оставлением на семена $\frac{1}{6}$ или 2786 пуд., на прокормление останется 13 930 пуд., а надо (2121 душа) 19 089, т. е. народу резко не доставало своего хлеба на прокорм. Это и наблюдается теперь на том обстоятельстве, что жители обратились уже к травам, и Хорогский пост осаждается толпами таджиков, просящих зерна или в долг, или как милостыню.

Вероятно, и в средний год Нижний Шугнан не может без вреда для своего благополучия платить зякет потому, что, кроме малоземелья, жители в значительном числе опинисты, что вредно отзываться на хозяйстве и урожай. Но как на обстоятельстве, говорящем в пользу платёжной способности нижних шугнанцев, можно сказать на их близость к Хорогскому посту, где они получают работу, а дети их даром кормятся, и на наличность фруктовых деревьев, которые доставляют пищу и притом (тут) в пору отсутствия хлеба. Горан представил в прошлом году исключение. Здесь было собрано 14 466 пуд. общего хлеба, за отделением на посев 2411 пуд. ($\frac{1}{6}$) и на прокорм населения 9468 пуд., мы получим избыток 2587 пуд. Определяя на корм рабочих быков 600 пуд. (30 дней, 200 быков) и на зякет 1486, мы увидим, что у населения останется еще 541 пуд. излишку, значит, оно могло бы и при зякете есть несколько лучше или удовлетворить некоторые из своих второстепенных нужд.

В долине Шах-Дары было собрано 24 600 пуд. общего хлеба; отделяя на посев $\frac{1}{6}$, т. е. 4100 пуд., на прокорм населения (1919 душ) 17 300 пуд. и на прокорм рабочих быков (300) 900 пуд., мы получим остаток в 2300 пуд. Для зякета надо 2460 пуд., т. е. население могло уплатить с небольшим (160 пуд.) ущербом для своих существенных нужд.

В Рушанской волости было собрано 23 695 пуд. зерна; за вычетом на посев $\frac{1}{8}$ или 2962, остается 20 733 пуда, а для прокормления народа (3050 душ) надо 27 450 пуд., т. е. значительно недостает хлеба для пропитания народа.

В Бартангской волости собрано хлеба 26 694 пуд. зерна; за вычетом $\frac{1}{8}$ или 3337 пуд. на посев, остается 23 357, а на прокорм народонаселения надо 25 659. Народу недостает немного хлеба для собственного прокормления.

В последних двух волостях хотя и был урожай средний, но хлеба не доставало, как это наблюдается не первый год. Обе волости, находясь далеко от постов Памирского отряда и имея около себя бека, давно уже фактически перешли в бухарское хозяйствование. Результаты ярки: хозяйства очень мелки, ибо нет расчета завозить их в более широких размерах (все равно все отберут), народ ходит в рубище, мужчины идут в разные стороны и даже нанимаются в работники к шугнанским таджикам тоже беднякам, женщины ниспадают до проституции, что среди таджиков почти не наблюдается. Во всей Рушанской волости нет ни одного богатого, только 12 средних, остальные 320 бедных; в Бартангской волости нет ни одного богатого, средних всего 2, остальные 332 бедных и 4 безземельных. Не может быть лучшей картины бухарского грабительства, и это в ту пору, когда бухарцы не имели права чего-либо брать.

Вне сомнения, обе волости не имеют сил, чтобы выносить обложение, и нуждаются в отдыхе и в фактической свободе от произвола бухарской власти.

Представленный пересчет говорит, что в минувшем году даже один лишь зякет в форме сбора $\frac{1}{10}$ зерна для большинства частей Западного Памира был невозможен, что он лишил бы народ существенных благ и неминуемо должен был бы отозваться на его основных сторонах благополучия. Таков наш первый вывод по детальному рассмотрению зякета.

Но принимая во внимание, что в прошлом году урожай был средний, а в некоторых частях ниже среднего, что таджики систематически весной (по крайней мере беднейшие из них) питаются травами и взимание зякета может заставить их лишь месяцем раньше приступить к этой пище, что при всем внимании исследования таджиками были утаены части собранного зерна³ и что, наконец, западные посты Памирского отряда ежегодно скупают у жителей муки и ячменя свыше 4 т. пуд.; зякет, как мы видели, взял бы 13 пуд. зерна и это заметным образом не отзывалось на таджиках, я мог бы сделать уступку в том смысле, что зякет в форме $\frac{1}{10}$ собранного зерна, будучи вне сомнения тяжелым для жителей Западного Памира, еще до некоторой степени терпим, еще может быть кое-как народом вынесен, не создавая тяжелых непоправимых результатов. Правильнее было бы и спокойнее за страну, если бы этот зякет выражался бы не одной десятой, а одной двенадцатой или еще лучше одной четырнадцатой, как это имеет место, по-видимому, в афганских Вахане, Ишкашме и Шугане.

Следующей существенной статьёй зякета является взятие $\frac{1}{40}$ головы со скота. Во всем Западном Памире имеется 8427 голов рогатого скота или немного менее 4 голов на отдельное хозяйство; по-

³ Это соображение я привожу с большой неохотой, ибо, если оно и справедливо, то с другой стороны бухарцы в своих расчетах столь приподнимают полученные сборы (имея в виду между прочим и утаивание), что эти обе причины уравнивают и взаимно исключают одна другую.

лагая среди этих голов пару рабочих волов и одну корову, мы увидим, что среднее хозяйство таджика имеет такое количество, без которого его хозяйство существовать не может (четвертая не полная голова нужна и для замены быка или коровы, для удобрения и т. д.). Брать с таджиков скот — это подрывать в основе его хозяйство. Обстоятельство облегчается тем, что так как ни в одном хозяйстве не имеется 40 голов, то тем самым целая голова не берется, а скот переводится на соответствующее число баранов и зякет берется уже по общему числу баранов.

Общее число баранов в Западном Памире 32 295 или на хозяйство приходится около 23 овец. Практически, если рогатый скот будет переведен на баранов, будет братья не сороковой баран, а двадцатый. Не имея данных, чтобы наглядно обсудить, насколько взятие двадцатого барана будет трудно для таджика, упомянем лишь, что прирост овец в Западном Памире очень слабый, что овцы очень часто дохнут весной и что овца ничтожна по размерам и дает крайне мало шерсти и что на основании всего этого полагаем, что зякет на скот будет для таджика тяжел. Прибавим к этому, что в горных странах Афганистана зякета на скот нет, его нет также и в Читрале.

Переходя, наконец, к третьему виду обложения, к денежному, мы встречаемся с таким придатком в зякете, которого народ выдержать не будет в состоянии. Народу предлагаются две версии: или заплатить 5560 руб., или выдать известное количество предметов. Расценка предметов сделана дешево, напр. куница определена в 1 р. 40 к., когда она стоит по крайней мере в $1\frac{1}{2}$ раза более, масло за $5\frac{1}{4}$ фун. 80 коп. дешево (фунт стоит 20 к.), хорошее сукно за 4 р. 80 коп. также дешево и т. д., так что таджику в общем случае выгоднее будет заплатить деньгами, но это не помогает делу. Таджику этих денег взять неоткуда. Основные его занятия хлебопашество и скотоводство, других побочных ресурсов у таджика нет; встречаются ремесла: выделывают сукна, тесемки, деревянные чашки, добывают железо, но все это идет на удовлетворение внутренних нужд, вызывает лишь взаимный обмен вещей, меновую торговлю, но в сторону денег не приносит ни одной копейки. Соседние с Западным Памиром страны, как, напр., Читрал и Бадахшан, выше его в техническом отношении и потому тянут с таджика деньги скорее, чем дают ему; так напр. в Бадахшане таджики покупают седла, конские наборы, ножи, соль; в Читрале покупают мату, металлические чашки, обувь. С Восточным Памиром таджики ведут исключительно меновую торговлю, давая хлеб и получая кошмы, арканы, кожи.

Таким образом с соседних стран таджики притока денег не имеют и скорее дают свои. Единственным и исключительным источником для вливания денег в страну являются западные посты Памирского отряда. В истекшем отчетном году куплено в Западном Памире фуража, муки, дров, мяса и других более мелких продуктов на сумму около 10 тыс. руб., округляя цифры. Но из этих денег почти 6 тыс. пошли на фураж и муку, чего таджик продавать будет не в силах, если будет зякет, как это нами показано выше. Из остальных 4 тыс. на долю поставщиков надо полагать 2 тыс., да на $1\frac{1}{2}$ тысячи таджики закупают нужные для хозяйства предметы в постовых лавочках; остается не более 500 руб., которыми туземцы будут располагать для расплаты с бухарцами. Итак 5000 руб. таджикам взять

неоткуда; негде заработать, негде что-либо продать; неоткуда взять, если бы он захотел продать даже свою последнюю корову; вообще в страну не может приливать столько денег по условиям характера ее хозяйства и содержанию товарообмена на ее границах.

Таджику остается платить перечисленными выше предметами. Но, как мы уже заметили, это значит выдавать больше, ибо расценены предметы дешево. Но при расплате предметами таджик опять-таки стоит перед необходимостью выплачивать деньгами. Сукно напр. готовят далеко не в каждой семье и большинству придется купить его или обменять; подков в стране не делают или делают совсем мало, их придется купить; маты в стране нет, она также должна быть куплена; по условиям зякета куничьих мехов страна должна выплатить около 450 руб., а такого количества добыть невозможно; офицерам отряда, при хорошей плате, удалось, напр., добыть в этот год на западных постах всего 20 кунит, значит опять надо купить.

Но все это стороны вопроса второстепенные. Главным обстоятельством является то, что жителям Западного Памира неоткуда взять этих 5560 руб. дополнительного денежного обложения, так как хозяйство не дает ему каких-либо ресурсов, ибо при $\frac{1}{10}$ с зерна и $\frac{1}{40}$ со скота им трудно будет не умереть с голоду, а сторонних заработков в стране нет совершенно или они ничтожны по сравнению с суммой дополнительного обложения. Не может быть сомнения (автор этой записки во всяком случае в этом глубоко убежден), что при приведении в действие взимания с зерна и скота вместе с этим дополнительным обложением на народное хозяйство и благосостояние таджика будет наложена такая тяжесть, какую он не снесет и которая сгубит его не далее как через 4—5 лет, если не создадутся какие-либо поддерживающие обстоятельства. С этой стороны вполне верен вывод туземцев, что они после годов отдыха собирались запастись халатами, а после 2 лет такого зякета у них не останется и рубашки.

Эта краткая докладная записка, имеющая целью быстро и по существенным сторонам оценить вступающий в силу зякет, не может касаться многочисленных сторон, им же поднимаемых. Напр. вопроса о том, что содержание зякета дает бесконечный простор произволу и хищению бухарской власти, и без того столь гибкой и изобретательной в деле злоупотребления средствами и трудом народа; что не показан порядок, кто будет заботиться об исполнении зякета, утвержденного русскими властями, если бек не выполняет его условий; как он это делает: облагает народонаселение систематическими штрафами, берет деньги за назначение на должности, берет деньги с идущих на заработки и т. д., что казалось бы идет вразрез с заключительными словами зякета о дальнейшем необижании жителя и является, вне сомнения, лишь новой формой того же народного обложения.

Записка тоже, отметив влияние зякета на благосостояние народа, не будет касаться нравственного разложения, что коснулось народа с первых же шагов бухарцев по взиманию зякета.

Но, обходя эти стороны, надо затронуть все-таки еще два вопроса, вытекающие из зякета: первый касается определения вероятности массового бегства народонаселения из Западного Памира на Восточный и в соседние страны, второй состоит в том, чтобы решить, как зякет отзовется на Памирском отряде.

Как я уже доносил, таджики собираются бежать во все стороны. Я имею еще дополнительные известия, что в Вахане одно время в ночь были уложены вещи и собирался материал для быстрой наводки двух мостов через Пяндж; начальнику Лянгарского поста было вовремя доложено об этом и он успел убедить и успокоить народонаселение. Что таджики побегут, это вполне естественно. В ближайших странах у них близкие родственники, с которыми они и без того были в постоянном общении, значит придут они в случае бегства в места им не чужие, а родственные. Далее, бухарцев они всегда считали, считают, да и имеют право считать хуже афганцев, еще хуже, конечно, читральцев. Затруднений бегство никаких не представит и удержат горцев никто не может: одна ночь, и вместо кишлаков Вахана останется пустыня.

Наконец, есть и хозяйственная причина: в соседних странах зякет гораздо слабее здешнего. Напр., в Афганистане, в близких нам частях, с зерна берется зякет лишь у того, кто высевает более 15 пудов зерна, и притом берется в размере, равном половине посева,— берется в период осенней жатвы. Так как в средней урожай можно положить сам—6—7 в Бадахшане, то это определяется собою $\frac{1}{12}$ — $\frac{1}{16}$ часть сбора; люди, засеивающие менее 15 пудов, с зерна не платят. Относительно сбора со скота, у кого есть одна лошадь, 2 крупной скотины и 20 овец, тот уплачивает в год 20 коп., и, наконец, дополнительно берется с хозяина дома 4 рупии в год, т. е. 1,6—2 руб., а если есть второй рабочий женатый, то с него 3 рупии или 1,2—1,5 руб. Более никаких налогов нет: бек и чиновники за все платят (по крайней мере должны), в отряды доставляется все за деньги⁴.

Относительно Читрала не удалось добыть точных данных, но, по-видимому, обложение, там гораздо легче афганского, да и англичане крепко держат читральцев в руках, грабить не позволяют. Характерен случай, что года два назад читральцы с согласия англичан начали собирать зякет: уже отметили скот и готовились брать зерно, но вдруг все было отменено и осталось прежнее довольно мягкое обложение. Что до сих пор удерживало туземцев от перебегов и вносило в страну порядок, это надежда их, что нынешний порядок лишь временный, что рано или поздно белый царь возьмет их под свою высокую руку. Теперь эта надежда со введением зякета исчезла, а с тем вместе порвалась существенная нить, связывавшая таджиков с их населенными местами.

Что будет значить бегство таджиков в Афганистан и Читрал и как оно отзовется на мнении народов Средней Азии, этого докладная записка касаться не будет.

Упомяну, наконец, вкратце, как может зякет отозваться на Памирском отряде и, главным образом, на западных постах. Последние фураж, мясо, и другие продукты получают от жителей. При зякете жители, кроме фуража и мелких продуктов, давать отряду более ничего не могут, значит, придется проектировать подвоз недостающего из Оша, что по приблизительному расчету (принимая в расчет интендантский перевоз) будет нам стоить не менее 35—40 тыс. лишних руб. в год. Значит, бухарцы наживут с населения

⁴ Есть небольшие исключения. В Шугнани имеются 20 казенных лошадей, которых жители по очереди кормят саманом или сеном безвозмездно.

17 тыс., а мы проживем вдвое более. С точки зрения расчета было бы нам выгоднее платить эмиру 20 тыс. руб., но не допускать зякета или вести его самим, в более скромных размерах.

Бухарцы, правда, проектируют продавать нам все нужное, но пойти на это отряд, полагаю, не может. Являясь не торговым учреждением, а военным, отряд не может согласиться на те хозяйственные операции, как бы они ни были выгодны, в основе которых будет положено столько зла и неправды, сколько их будет при практическом осуществлении зякета. Кроме того, все злоупотребления будут естественным образом перенесены бухарцами на нас, именем которых и нуждами отряда будет прикрываться всякое беззаконие. Это окончательно уронит нас в глазах туземцев, среди которых замечаются явные следы неудовольствия и разочарования. Со всех сторон доносятся отголоски общего народного мнения, что русские их продали и русские их обманули.

Эта потеря престижа и веры в доброе слово русским среди таджиков является вторым и может быть самым тяжелым для нас последствием вводимого зякета. Пока можно было отталкиваться словами, мы благополучно отталкивались, таджик верил и ждал, но теперь глаза его открыты и пришло время должной оценки со стороны народа наших слов и действий. Она будет не в нашу пользу и потому на пользу наших врагов-соседей. Пройдет немного лет и из расположенного к нам горного народа, отдохнувшего и успокоившегося, получится оборванная и оголенная жалкая группа, потерявшая к нам веру и доброе чувство, а среди обездоленных и безлюдных кишлаков этого народа нам придется идти как по стране неприятельской.

Эта докладная записка имела целью ответить на существенные вопросы, выдвигаемые зякетом. Материалы по-прежнему собираются, проверяются и на случай нужды подготавливаются данные для полного и обстоятельного обсуждения вопроса о податном обложении в Западном Памире.

Начальник Памирского отряда
генерального штаба капитан Снесарев.

ЩГА УзССР, ф. И-3, оп. 2, д. 77, лл. 202—214.

№ 3

7 августа 1904 г.

Донесение секретаря Российского политического агентства
в Бухаре А. Черкасова

Убежавшие на Памирский пост таджики, склонившиеся на мои убеждения вернуться по домам, по пути от поста просили моего разрешения не дожидаться в уроч. Джиланды окончания переговоров моих по их делу с беком, а теперь же ближайшими с моего пути тропами проехать в Вахан и на Шах-Дара. Жители же долины Гунта, в числе до 30 человек, пожелали ехать со мною в Хорог и там ждать приезда бека и результатов моих переговоров с ним.

Я сказал таджикам, что они вольны поступить, как находят лучше, но что, по моему, на основании собственных их отзывов о жестокости и вероломстве Мирза Юлдаш-бия Дада, им безопаснее было бы дожидаться в Джиланды извещения моего и бека о том, что они могут явиться в Хорог, попросить прощения, получить оное и затем разойтись по домам. Однако таджики объявили, что в моем присутствии они вполне уверены в своей безопасности, и поехали со мною.

Ваханцы и шахдаринцы покинули меня за озером Сассык-кулем, а гунтцы продолжали путь с моим караваном. 31 августа в уроч. Дух-Дара меня встретили командированный из Бухары Мирза Абдулла Караулбеги, присланный меня приветствовать от дарвазского бека Мирза-Абдуррахман-Караулбеги, вновь назначенный (после бегства Ша-Назар-бека) гунтский волостной Санб-Назар и несколько ноукеров Юлдаш-бия Дада. Мирза Абдулла Караулбеги, которому я представил беженцев и сообщил о моих предположениях, выразил, что придуманный мною план хорош во всех отношениях и что предположенным мною решением вопроса будут довольны и е. в. эмир и бек, которого бегство такого количества почетных и зажиточных людей крайне встревожило, и объявил, что конечно до свидания моего с беком и решения дела беженцев никто не посмеет причинить им ни малейшего вреда. О том, что прибывшие со мною таджики находятся под покровительством Политического агентства, было объявлено Санб-Назару минбаши и ноукерам. Несмотря на это, как я узнал, к сожалению, слишком поздно, в уроч. Вамкала, где имеются летовки, ноукеры отобрали для себя 2 баранов из стада, принадлежащего приехавшему со мною бывшему волостному Ша-Назар-беку.

Весть о моем приезде, конечно, моментально разнеслась по всему Гунту, и, начиная от Вамкала, ко мне при всех остановках начали обращаться целыми десятками жалобщики. Заявления были самые разнообразные, но все подходили под главные категории, указанные мне старшинами таджиков на Памирском посту 21 июля: ни с чем не разнообразные штрафы, отбирание земли с уничтожением крепостных документов, телесные наказания по ничтожным поводам или в виде пыток, похищение девушек, неправильное определение имущественного ценза при сборе податей, поношение религии — на все это плакались мне жалкие на вид, забытые, одетые в лохмотья таджики долины р. Гунта. Всех их я успокаивал насколько мог, говорил, что везу добрые советы беку и надеюсь, что согласно желанию русского правительства и е. в. эмира вскоре удастся волюнтерить в их стране законность и спокойствие. В кишлаке Ривак на мою речь, выслушанную с глубоким вниманием, один молодой таджик вышел вперед и объявил, что все эти успокоительные обещания они уже не раз слышали, но положение их не только ухудшилось, но с каждым днем ухудшается, до эмира не доходят их вопли, и им остается только, оставив надежду на помощь русских, бросить все и бежать на ту сторону Пянджа, где порядки все-таки лучше. Принимая горькие чувства, заставившие молодого таджика произнести его полную отчаяния речь, я тем не менее по долгу принужден был сделать ему за нее строгий выговор.

Обращения таджиков ко мне были крайне неприятны Саиб-Назару минбаши и ноукерам бека. Между тем как Мирза-Абдулла Караулбеги своим мягким обращением и приветливостью с таджиками

до того привлек к себе их симпатии, что жители начали обращаться со своими заявлениями сначала к нсму, а затем уже, с его разрешения, ко мне, Саиб-Назар и ноукеры начали всячески запугивать народ и распускать про меня злостные сплетни. По их словам, всякого, кто будет обращаться ко мне с заявлениями, бек по моему отъезде беспощадно изобьет и казнит, а имущество его отдаст ноуке-рам. Когда это не подействовало, Саиб-Назар объявил, что, как ему хорошо известно, я веду с собою гунтских таджиков для того, чтобы выдать их головы беку в Хорог, где все они немедленно будут казнены. Кроме того, на обратном пути я буду требовать с каждого кишлака 100 руб. в подарок.

Однако до самого Хорога все интриги Саиб-Назара и его при-спешников не могли удержать таджиков от обращения ко мне с горькими жалобами на свое бесправное и плачевное материальное положение.

2 августа в кишлаке Сучан, в 15 верстах от Хорога, меня встретил хорогский дживачи Бурхан-бек, доложивший мне, что он дал знать о моем приезде беку, который и намерен прибыть в Хорог через 2 дня. Дживачи также приветствовал предположенное мною разрешение вопроса о беженцах, принял к руководству мое заявле-ние о том, что они находятся под покровительством Политического агентства и обещал немедленно по приезде нашем в Хорог донести беку о встрече и беседе со мною.

Обращение дживачи с таджиками, после того, как я отпустил его, окончательно убедило этих несчастных в том, что слова, ска-занные во имя Российского императорского Политического агентства в Бухаре, для бухарцев закон и что они, беженцы, не рискуют более понести жестокое наказание от бека, сверх того, которое понесли добровольно во время двухмесячного своего пребывания на Памир-ском посту.

Таким образом я вполне благополучно в 6 час. вечера 2 августа прибыл на пост Хорог, на котором и остановился в палатке, нахо-дя во многих отношениях неудобным предложение Бурхан-бека дживачи занять комнаты, приготовленные для меня в бековском доме, в полуверсте от поста.

Прибывшие со мною таджики в тот же вечер просили у меня позволения поселиться у родных и знакомых в окрестных кишла-ках, с тем, чтобы утром 5-го августа, в день, когда я предполагал принять торжественный визит бека, собраться у поста для испро-шения у бека и выслушания решения, принятого им на совещании со мною.

К сожалению мстительность бека и создавшееся в нем за 2 го-да презрение к русским властям вконец испортили все предположе-ния и побудили меня, по необходимости, принять исключительные меры.

Как мне известно было, из числа приехавших со мною таджи-ков 7 человек, а именно Ша-Назар-бек, аксакал Ша-Бульбуля, ак-сакал Мурад-Хусейн, Курбан-Ша, Себаи, Даурук и Ходжа-Азиз поехали 3 августа в кишлак Поршниф (в 12 верс. от Хорога, на Пяндже), лежащий по дороге от Калаи-Вамара в Хорог. В среду 4-го августа около 2 час. дня в офицерскую столовую, где я бесе-довал со шт.-кап. Трубочаниновым, вбежал страшно перепуганный, в разорванном платье, таджик Даурук и с трудом объяснил, что на них, выехавших из Поршнифа в Хорог семерых таджиков из

числа приехавших со мною напали по дороге ноукеры и пя-терых из них потащили к беку, вероятно, для того чтобы предать смерти.

Тотчас поняв, что распоряжение о захвате Ша-Назар-бека и Ша-Бульбуля, людей зажиточных и влиятельных, было сделано беком и, опасаясь, что Юлдаш-бий Дадха приведет в исполнение свою угрозу казнить этих людей, хотя ему известно было, что они приня-ты под покровительство Политического агентства, я попросил у шт.-кап. Трубочанинова 6 казаков при уряднике и послал их в Поршниф с приказанием взять таджиков из рук ноукеров и доставить на пост в том виде, как они их найдут.

Менее, чем через 2 часа по отъезде казаков явился ко мне Бур-хан-бек дживачи и дерзким тоном потребовал объяснений, по какой причине казаки по моему приказанию арестовали бека и под кон-воем ведут на пост. Я не менее дерзко ответил, что для бека до-статочно мое приказание явиться, поэтому светил приводить его нет надобности. Казакам же приказано хотя бы силой взять из рук ноукеров захваченных, вопреки моим предупреждениям, таджиков и они, казаки, только это и сделают.

Около 5 час. дня на двор поста вступила странная и ужасная процессия: впереди шел бек, окруженный толпою ноукеров, за ним, охраняемые казаками, пять таджиков в одних изорванных и окро-вавленных рубахах, с залитыми кровью лицами, скрученными за локти на спине руками, привязанные на одну длинную и толстую веревку. Не было возможности узнать в этих избитых и полунагих людях чисто и исправно одетых Ша-Назар-бека, Ша-Бульбуля, Ша-Себаи, Мурад-Хусейна и Ша-Курбана. С негодованием на лице бек Мирза Юлдаш-бий Дадха шел мне навстречу. Когда он приблизил-ся ко мне и протянул руку, я отступил на шаг от этого палача и спрятал руку за спину. Тотчас же я приказал развязать таджиков. «Дадха, вы приказывали бить этих людей». «Да». «Вы знали, что они приняты под покровительство Российского императорского по-литического агентства?». «Да». «Довольно».

Таковы были первые фразы приветия, которыми мы обменялись с правителем Шугнана, Вахана и Рушана Мирза Юлдаш-бием Дад-ха... Поняв, какую неосторожность он сделал своим приказанием, бек тотчас принял крайне дерзкий тон и начал говорить о том, что я опозорил его в глазах афганцев, видевших с того берега, как ка-заки разогнали ноукеров и отобрали у них таджиков. Я должен признаться, что выведенный из себя нахальством этого негодяя, я не менее дерзким тоном приказал ему молчать, убираться в беков-ский дом и там ждать приказаний, которые он получит от своего государя, конечно и не подозревающего, что его бек своею жесто-костью и несправедливостью постоянно и упорно идет вопреки при-казаниям его высочества об охранении в стране спокойствия и мир-ных отношений. Я повернулся и пошел в свою палатку, приказав выпроводить со двора бековскую челядь. К сожалению, приказание мое было исполнено со слишком большой охотой и усердием солда-тами и казаками поста и сбежавшимися толпою к воротам таджи-ками, в происшедшей давке несколько ноукеров были помяты и неиз-вестно кем слегка побиты.

Приняв все меры к самоуспокоению, я через час приступил к составлению телеграммы на имя вашего превосходительства. Дол-гое время спустя, когда я вышел на минуту из палатки, бек все еще

сидел на лавочке у входа в офицерский флигель. Поодаль стояли приехавшие к ним из Кала-и-Вамара челядинцы.

Как оказалось из произведенных мною 5 и 6 августа тщательных опросов жителей Поршнифа и Пашора, отрядных джигитов и самих потерпевших, насилие над принятыми под мое покровительство таджиками совершено было при следующих обстоятельствах.

Дом некоего Шахзаде-Мухаммеда, в котором остановились в Поршнифе 3 августа Ша-Назар-бек, Ша-Бульбуль и их товарищи, в ночь на 4 августа был окружен ноукерами под предводительством Сеид-Махзума (которого бек имел намерение назначить поршнифским минбаши) и Бекина, которые никого из дому не выпускали. Это взволновало жителей, которые начали собираться толпою и требовать у ноукеров Сеид-Махзума и Бекина объяснения их образа действий. Тогда Сеид-Махзум вошел в дом и с ругательствами объявил Ша-Назар-беку и его товарищам, что они могут убираться из Поршнифа, куда хотят. Перепуганные таджики сели на лошадей и поспешно направились в Хорог, но не успели доехать до кишлака Пашор (в 5 верстах от Поршнифа), как увидели за собою скакавших в погоню Сеид-Махзума с его ноукерами, которые их окружили и потребовали, чтобы они ехали с ними к беку. Таджики возразили, что без секретаря Политического агентства они явиться к беку не могут. Тогда ноукеры бросились на них. Один из таджиков, Ходжа-Азиз, вырвался и бросился, как был, в Пяндж, Ша-Назар-бека, Ша-Бульбуля, Мурад-Хусейна, Курбан-Ша и Ша-Себаи схватили и потащили в Поршниф, и лишь один Даурук, у которого была хорошая лошадь, успел прорваться и поскакать во весь опор в Хорог, чтобы донести мне о случившемся.

Захваченных таджиков ноукеры погнали в Поршниф, куда с противоположной стороны въезжал в это время Мирза-Юлдаш-бий со своею свитою. Таджиков привели к беку, который спокойно спросил их, зачем они здесь? Те ответили, что они по приказанию его ноукеров уехали из Поршнифа, но их задержали. Тогда бек приказал ноукерам: «Бейте их».

Ноукеры бросились толпою на несчастных, раздели их, оставив одни рубашки, и начали жестокое истязание нагайками. В это время для бека подали плов. Мирза Юлдаш-бий приказал ноукерам перестать бить и подвесить Ша-Назар-бека и его товарищей за связанные на спине руки на деревья, на которых несчастные и корчились, пока бек медленно и спокойно ел плов, а ноукеры расхватывали лошадей, одежду, деньги и мелкие вещи таджиков. Когда бек съел плов, подвешенных сняли, привязали на одну общую веревку и погнали за поездом бека, побуждая нагайками не отставать от быстро идущих лошадей. В таком виде встретили процессию наши казаки верстах в 3-х от Поршнифа и оттеснили ноукеров от истязаемых таджиков. В это именно время бек послал своего дживачи с ложным донесением о том, что казаки остановили его.

Свидетельство о медицинском осмотре избитых беком таджиков при сем имею честь представить на благоусмотрение вашего превосходительства.

Описанное происшествие возбудило страшное волнение в народе. Юлдаш-бия Дадха до того здесь ненавидят, что он, хотя и окруженный, останавливаться на ночлег между Хорогом и Кала-и-Вамаром боится, опасаясь, что его утопят в Пяндже. Жестокое насилие над Ша-Назар-беком с товарищами, которые, как всем было

известно, находятся под покровительством русского чиновника, озлобило даже совершенно обезличенных таджиков, которые толпами бежали из кишлаков и стекались к посту в ужасном возбуждении. Убить бека и сейчас же бежать на тот берег — вот была мысль этой толпы, и если бы я мягко обошелся с беком и не придал значения его поступку, то, усмотрев в этом одобрение мое его образу действий, толпа несомненно попыталась бы привести свое намерение в исполнение. Переданное со двора известие, что я не подал беку руки и строго говорю с ним, посодействовало успокоению таджиков. Нескольких из них, известных мне уже, я просил содействовать успокоению народа и говорил, что они должны уповать на милость эмира, который после того как Политический агент сообщит его высочеству о происшедшем, конечно примет меры к устранению на будущее время подобных беззаконий.

На другой день с раннего утра ко мне стали являться таджики, спрашивая, что же теперь будет? Я всем им сообщил и просил передавать другим, что я доложил о происшедшем вашему превосходительству и что теперь мы с беком ждем решения из Бухары. Таджики прямо заявляли, что если бек оставлен будет в своей должности, то такое снисхождение заставит их потерять последнюю тень уважения к русской власти и что тогда таджикам только и останется, что утопить его и бежать.

Ввиду полученного мною вечером 4 августа сведения о том, что многие из ноукеров и даже сам бек, опасаясь мести народа за истязание Ша-Назар-бека и Ша-Бульбуля, собираются ночью бежать в Афганистан, я просил начальника Хорогского поста шт.-кап. Трубочанинова, поставить на 2 дня пикеты на дорогах от Хорога к Пянджу, чтобы не пропускать ни к Хоругу таджиков Поршнифской родности, ни от Хорога ноукеров бека. Мера эта очень способствовала успокоению умов. В настоящее время как бек, так и таджики спокойно ждут решения из Бухары.

Смена Юлдаш-бия Дадха, начавшего уже совершенно явно презирать какую бы то ни было русскую власть и потерявшего всякое чувство меры в своем деспотизме, несомненно гарантирует спокойствие в памирских бекствах, на срок, необходимый для разрешения вопроса об управлении бекствами в согласии с желаниями его высочества эмира.

ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 2, д. 2660, лл. 47—55.

№ 4

9 августа 1904 г.

Донесение коллежского асессора А. Черкасова
российскому имп. политическому агенту в Бухаре

В первые же дни по приезде в Хорог я в беседах со многими осведомленными лицами постарался выяснить взволновавшее Шугнан дело о поршнифском ишане Сеид-Юсуф-Али-Ша-ураке и бывшем шахдаринском волостном управителе Азиз-хане Мирахуре. Добытые мною точные и хорошо проведенные данные имею честь пред-

ставить на благоусмотрение вашего превосходительства в настоящем моем донесении.

Поршнифский ишан Сеид-Юсуф-Али-Ша-урак является в настоящее время самым выдающимся из пиров Западного Памира. Кроме его сана, обеспечивающего ему полную подчиненность муридов, и личные его качества создали ему колоссальное влияние на народ, при большом уме он отличается чрезвычайной добротой, и таджики с восторгом рассказывают, как их ишан помогает всякому нуждающемуся, а в неурожайные годы кормит на свой счет целые кишлаки. Сеид-Юсуф-Али-Ша горячий сторонник русских и причина к тому у него крайне основательная: он убежден, что только русская власть обеспечит таджикам религиозную свободу, что только при нашем управлении таджиков перестанут называть стоящими вне закона кяфирами. Ишан верил, что в конце концов его заветная мечта исполнится, но уже по предписаниям своей религии не мог, конечно, принимать каких-либо мер, клонящихся к осуществлению его надежд путем насилия. Отношения его к бухарской власти были всегда корректны, и бывший бек Шугнана, Ишан-Куль-Дадха, засвидетельствовал перед эмиром заслуги Сеид-Юсуф-Али-Ша и исходатайствовал для него чин «урака».

Не менее выдающейся личностью является бывший шахдаринский волостной управитель (смещенный Юлдаш-бием Дадха) Азиз-хан, потомок наследственных властей Шах-Дары. Его происхождение, богатство, доброта, с которою он помогает неимущим соплеменникам, крайне привлекательная личность создали ему влияние в народе, мало уступающее влиянию Сеид-Юсуф-Али-Ша. Подобно последнему, Азиз-хан является горячим сторонником русских, которым он служил активно, за что и был высочайше награжден орденом Св. Станислава 3 ст. Эмир же, по представлению бека Ишан-Кула, пожаловал Азиз-хану чин «мирахура».

Как известно, минувшей зимой жители Шугнана и Вахана посылали ходоков в Ташкент с прошением на имя г-на туркестанского генерал-губернатора, в каковом прошении умоляли обратить внимание на их крайне бедственное положение. В Ташкенте и в Бухаре ходокам рекомендовано было передать их соплеменникам, чтобы они сидели смиренно и ждали мероприятий русского правительства, которое уже осведомлено о печальном положении жителей Шугнана и Вахана. Ходоки вернулись домой и передали землякам то, что слышали.

Подача прошения не осталась, конечно, неизвестной беку Юлдаш-бию Дадха, который, вскоре после возвращения ходоков, сам пустил в народ слух о том, что, по полученным им сведениям, прошение шугнанцев и ваханцев не дано хода. Такое измышление бека, конечно, взволновало народ и естественно, что шугнанцы начали обращаться с тревожными вопросами к своим уважаемым и любимым ишану и бывшему волостному. Как Юсуф-Али-Ша, так и Азиз-хан всеми силами успокаивали земляков и убеждали их сидеть спокойно и уповать на милость русского царя. Никаких у себя сборищ по несколько сот человек, как ложно докладывал эмиру Юлдаш-бий Дадха в донесении от 1 мухаррема 1322 года, Юсуф-Али-Ша и Азиз-хан не устраивали, и никто здесь не слышал о каких-то вооруженных шайках, посланных названными лицами по кишлакам, чтобы грабить и силою заставлять жителей примкнуть к сторонникам Юсуф-Али-Ша и Азиз-хана. Факт этот удостоверится

начальником Памирского отряда и начальником поста Хорог, в присутствии которых произошло объяснение между беком и Азиз-ханом. Последний прямо объявил, что он убеждает народ надеяться на русских и перечислил Юлдаш-бию Дадха все его беззакония. Бек в ужаснейшем гневе уехал из Хорога и немедленно отправил в Бухару свое ложное донесение, результатом которого было распоряжение эмира об изгнании из Шугнана Юсуф-Али-Ша и Азиз-хана. При этом не было, к сожалению, выяснено, куда должны быть удалены жертвы мстительности Юлдаш-бия Дадха и как должно быть поступлено с крупным земельным и движимым имуществом и скотом.

Слух о том, что участь ишана и Азиз-хана решена, быстро распространился по Шугнану и привел в глубокое уныние население, у которого отнимались его утешители и благодетели. Стало известно, что Юлдаш-бий Дадха хочет схватить их в то время, когда они, в числе других почетных лиц, выйдут к нему на встречу при поездке его для раздачи халатов от имени е. в. эмира. Не по злонамеренности, а из опасения жестокой расправы и по просьбам своих муридов и земляков не вышли ишан Юсуф-Али-Ша и Азиз-хан на встречу беку и бросились под защиту начальника Памирского отряда. Взбешенный Юлдаш-бий Дадха потребовал у подполковника Арсеньева выдачи ишана и Азиз-хана. Зная, что люди эти оклеветаны и что им грозит ужасная участь, если он их выдаст, начальник дал возможность тому и другому выехать на Памирский пост. К сожалению, ишану не удалось пробраться незаметно от ноукеров в долину Гунта и он вынужден был переправиться на афганский берег Пянджа.

Как известно вашему превосходительству из предыдущих моих донесений, бегство Азиз-хана и ишана немедленно вызвало жестокую репрессалию со стороны бека по отношению к землякам их и муридам. Вопреки постановлениям шариата бек захватил поля ишана Юсуф-Али-Ша и часть имущества. Все это взволновало население, которому показалось, что всякую надежду на улучшение с русской помощью его положения приходится оставить. В отчаянии, сторонники Азиз-хана кто только мог, бросились бежать на Памирский пост. Муриды ишана Юсуф-Ша ждали лишь извещения о том, где устроится их пир, чтобы начать бегство в Афганистан.

К таким результатам привела лживость и злоба бека Юлдаш-бия Дадха.

Как я уже имел честь доносить вашему превосходительству, Азиз-хан с Памирского поста уехал в Шугнан с путешественником Федченко, чтобы под его защитой устроить свои имущественные и семейные дела, вернуться затем на Памирский пост и продолжать ходатайствовать о том, чтобы ему дозволено было явиться в Ташкент и умолять о милосердии, а Юсуф-Али-Ша был хорошо принят в Афганистане и ему были обещаны милости эмира Хабибулла-хана.

5-го августа ко мне явился с афганского берега один из муридов ишана Юсуф-Али-Ша и передал, что ишан просит моего совета относительно задуманного им возвращения в Бухарский Шугнан, так как афганское правительство предложило ему поселиться близ Файзабада и слшком далеко от его муридов. Уже вполне выяснив себе значение столь выдающейся личности, как ишан Сеид-Юсуф-Али-Ша, и существенную для нас необходимость иметь услуги это-

го человека в своем распоряжении, я позволил себе поручить передать ишану, что по-моему ему следует приехать на этот берег, чтобы затем вместе с Азиз-ханом ехать на Памирский пост и сделать все возможное для своей реабилитации.

8 августа, ишан Сеид-Юсуф-Али-Ша переправился на эту сторону Пянджа и привлек за собой 40 душ своих запянджских муридов. В тот же день приехал в Хорог из Горана г. Федченко в сопровождении Азиз-хана. Невозможно описать радость таджиков. Все молятся за царя, выражают твердую надежду, что милостью его их любимые старшины будут им возвращены, просят меня ходатайствовать перед вашим превосходительством о пересмотре дела ишана и Азиз-хана, клянутся что они никогда никого не побуждали к беспорядкам, а, напротив, всех успокаивали надеждой на то, что с помощью России в стране водворится законность и благосостояние.

14 августа г. Федченко предполагает выехать на Памирский пост и захватить с собою ишана Юсуф-Али-Ша, Азиз-хана миррахура с сыном Аман-бека минбаши и одного шугнанца в качестве слуги ишана. Дальнейшая их участь будет зависеть от благоволения вашего превосходительства и г.-на и. д. главного начальника края. Я же по долгу совести могу удостоверить, что ишан Юсуф-Али-Ша и Азиз-хан не крамольники и не враги бухарского правительства, а просто жертвы ненависти шугнанского бека Юлдаш-бия Дадха, люди действительно выдающиеся, вполне благонамеренные и полезные России.

ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 2 д. 2660, лл. 1—2.

№ 5

Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировке в Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г.

I.

Во исполнение предписания Российского императорского политического агентства в Бухаре от 15-го июня 1904 г. за № 206, я 24-го того же июня выехал из Новой Бухары на Памир путем через Новый Маргелан и Ош. С целью приобретения необходимых для далекого и продолжительного путешествия предметов и подарочных вещей, а также для свидания с некоторыми лицами, могущими снабдить меня компетентными указаниями по предмету возложенных на меня поручений, я, с разрешения г.-на политического агента, заехал на несколько дней в Ташкент, где встретил сочувственное отношение к своей миссии со стороны всех тех лиц, к которым обратился с просьбой оказать мне содействие в том или ином смысле. Любезности исполнявшего обязанности туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Мацневского, начальника окружного штаба генерал-лейтенанта Сахарова, генерал-квартирмейстера штаба округа генерал-майора Евреинова, заведывающего справочным отделом штаба подполковника генерального штаба Готшалка и по-

мощника окружного интенданта генерал-майора Браккера я обязан получением нужных мне предписаний на имя военного губернатора Ферганской области, получением конвоя и военных консервов. Посетивший Памирские бекства в 1903 году, по поводу беспорядков в Вахане, дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе, коллежский советник Половцов и личный секретарь его М. С. Андреев, дважды совершивший путешествие на Памиры, дали мне много ценных, основанных на опыте и личном знакомстве с положением дел в Припамирских бекствах, указаний. Весьма полезные советы... я получил от высококомпетентного в этом вопросе проживающего ныне в Ташкенте бывшего генерального консула нашего в Кашгаре, действительного статского советника Петровского.

28 июня я приехал в Новый Маргелан, где от действительного статского советника Наливкина, исполнявшего обязанности военного губернатора Ферганской области за отсутствием последнего по болезни, получил любезное разрешение ознакомиться с делами канцелярии по делам Памиров и пограничным и ценные сведения по вопросу о религии горных таджиков. При помощи заведывающего канцелярией по делам Памиров, штабс-капитана Гермута, я в течение нескольких дней успел основательно ознакомиться с делами означенной канцелярии, имеющими отношение к возложенному на меня поручению...

В переписке канцелярии по делам Памиров, касающейся внутренних дел Припамирских бекств и бухарского управления ими, деятельность бухарской администрации рисуется в самом неблагоприятном свете. В результате девятилетнего хозяйничанья бухарских чиновников в Памирских бекствах случилось разорение и крайнее озлобление населения. К этим выводам не мог не прийти, хотя и в более мягкой форме, чем его предшественники, даже теперешний начальник отряда подполковник Арсеньев, которого и в Ташкенте, и в Новом Маргелане упрекают в излишней угодливости беку Шугриана, Вахана и Роушана.

Знакомство с делами канцелярии по делам Памиров привело меня к убеждению в необходимости тщательного изучения экономического положения населения Памирских бекств, системы бухарского управления ими и роли религиозных воззрений таджиков, так как, насколько я мог вывести из теоретического знакомства с делом, Памирские бекства могут быть вполне утилизированы, как великолепный наблюдательный пункт, только при умелом пользовании своеобразной организацией местной религиозной общины и привлечении на нашу сторону всех симпатий населения путем облегчения трудного его материального положения и обеспечения основных прав каждой отдельной личности.

5-го июля я выехал из Нового Маргелана в город Ош, где подобрал необходимый штат прислуги и составил караван, с которым 10-го июля выступил на Гульчу и далее. В Оше мне дал многие ценные указания по памирскому вопросу и оказывал крайне любезное во всем содействие начальник Ошского уезда полковник Зайцев, бывший в свое время начальником Памирского отряда.

20-го июля я благополучно прибыл на пост Памирский, в урочище Шаджан на р. Мургабе, где в это время, по случаю смены части нижних чинов отряда, находились начальник его, подполковник Арсеньев и сменявшиеся офицеры — хорунжий Голявинский (бывший начальником Лянгарского поста) и подпоручик Скобин

(служивший в Ишкашме). Офицеры эти предупредили меня о том, что бек Шугнана, Вахана и Роушана, Мурза Юлдаш-бек-бий Дадха, осведомившись о предстоящем моем приезде, крайне встревожился; по всем вероятностям, учредит тщательный надзор за всеми моими действиями и будет в особенности стараться о том, чтобы я не вошел в прямые сношения с населением. Как подпоручик Скобин, так и в особенности хорунжий Голявинский сообщили мне много очень важных для меня сведений о хорошо знакомых им делах Ишкашма и Вахана. Подполковник Арсеньев, беседуя со мной о внутренних делах Памирских бекств, несмотря на большую свою осторожность, высказал, однако, что коренные реформы управления означенными бекствами крайне желательны, ибо улучшится материальное положение населения, отряд будет лучше обеспечен съестными припасами и фуражем, на Памирах разовьется кое-какая торговля...

На Памирском же посту я нашел 106 человек таджиков Шугнана и Вахана, бежавших с родины в наши владения вслед за шахдаринским минбаши (волостным управителем) Азиз-ханом, о высылке которого, как опасного агитатора, из Шугнана весной 1904 года хлопотало бухарское правительство. Азиз-хан не дождался моего приезда на Памирский пост и уехал на Шах-Дару с путешественником Федченко для того, чтобы вывезти свою семью из бухарских владений. Ввиду того, что бухарцы желали бы выселить из Шугнана только Азиз-хана и другое, неугодное беку Мирза Юлдаш-бек-бию Дадха, лицо поршнифского ишана Сеид-Юсуф-Али-Ша, успевшего бежать в Афганистан, об остальных же добровольных изгнанниках никаких вопросов возбуждено не было, подполковник Арсеньев просил меня взять их под свое покровительство и убедить вернуться по домам. После переговоров с представителями беженцев мне удалось уговорить их возвратиться на родину, при условии, что я огражу их от каких-либо репрессалий со стороны бухарских властей.

1-го августа в урочище Дузех-Дара, на бухарской границе, я был встречен командированным из Бухары состоять при мне бухарским чиновником Мирза Абдулла-Караулбеги и на другой день, 2-го августа, прибыл в штаб-квартиру Памирского отряда, пост Хорог на реке Гунте. По пути всюду население обращалось ко мне с жалобами, устными и письменными, на всякие беззакония и жестокости бухарских властей, хотя присланные ко мне на встречу ноукеры (местные уроженцы, состоящие на службе бека) всячески старались запугивать народ и не допускать до меня жалобщиков, а также распространяли про меня разные злостные сплетни. Встретивший меня близ Хорога местный амлякдар, Бурхан-бек-дживачи, доложил мне, что он предупредил о моем приезде бека Шугнана, Вахана и Роушана, Мирза Юлдаш-бека-бий Дадха (проживающего в Калаи-Вамаре, в Роушане), который и предполагал приехать в Хорог через 2 дня. Я предложил Бурхан-беку-дживачи немедленно донести беку о том, что со мною и под покровительством политического агентства вернулись таджики, бежавшие на Памирский пост, и передать мою просьбу о том, чтобы люди эти не подвергались ни с чьей стороны каким-либо преследованиям и насилиям. Бурхан-бек обещал исполнить мое приказание, но, как впоследствии уверял меня Мирза Юлдаш-бек-бий Дадха, ничего будто бы ему не сообщил, ибо «боялся».

Прибывшие со мной таджики, с разрешения моего, поселились, до приезда бека и переговоров моих с ним о их деле, в Хороге и соседних кишлаках. Из числа беженцев 7 человек поехали в кишлак Поршниф в 12 верстах от Хорога. В день приезда бека, 4 августа, утром, местные ноукеры окружили дом, в котором остановились приезжие, а когда жители, взволнованные образом действий ноукеров и подозревая недоброе, потребовали объяснить, зачем они окарауливают беженцев, ноукеры с ругательствами предложили последним убираться куда хотят. Перепуганные таджики поспешно направились в Хорог, но, не доезжая кишлака Тым (в 5 верстах от Поршнифа), были настигнуты ноукерами, которые пятерых схватили и потащили обратно в Поршниф. Шестой успел броситься в Пяндж, а седьмой вырвался и прискакал в Хорог, где и доложил мне о происшедшем. Я немедленно командировал в Поршниф 6 казаков с приказанием отбить захваченных таджиков из рук ноукеров. К сожалению, казаки опоздали и не успели помешать учиненной беком жестокой расправе: по приказанию его четверо из пяти захваченных таджиков были жестоко избиты нагайками, а затем повешены за связанные на спине руки на деревья, на которых и висели все время, пока бек обедал в тени этих же деревьев. Ноукеры в это время растащили все платье истязуемых, деньги и мелкие вещи. Бек, пришедший в великое негодование от того, что казаки отбили у его ноукеров избитых таджиков, явился на пост немедленно, вместе со своею челядью и охраняемыми казаками таджиками. Я не считал возможным подать ему руки и в весьма резкой форме осудил его поведение, особенно поставив ему на вид вину его, выразившуюся в наглом поругании покровительства, дарованного политическим агентством. Бек ответил мне многословно, дерзко, но мотивировать своего поступка не мог. Я выгнал его с поста и немедленно донес о происшедшем г-ну политическому агенту, ходатайствуя об увольнении Мирза Юлдаш-бека, который при своем образе действия и является единственной причиной всяческих беспорядков и волнения в Памирских бекствах.

Случай 4-го августа страшно взволновал население Шугнана, и мне не мало трудов стоило успокоить таджиков уверениями, что русское правительство сумеет на будущее время оградить их от подобных варварских выходок бухарских администраторов. О происшедшем этом Мирза Юлдаш-бек донес эмиру, причем, по обыкновению своему, не мог удержаться от лжи и нелепицы. Я лично убежден, что поступок Мирза Юлдаш-бека по отношению к принятым под покровительство политического агентства людям был совершен с заранее и при том хорошо обдуманном намерением: бек решился на свою дерзкую выходку, рассчитывая, что если я, потерявшись от неожиданности, отнесусь к его проступку мягко, буду вести с ним долгие переговоры в любезной форме, то этим самым лишу себя доверия населения и потеряю всякую возможность ознакомиться с действительным положением дел в бекствах.

Бек пробыл в Хороге до 26 августа, никуда не выходя из дома местного амлякдара. По возвращении в Хорог начальника отряда я в присутствии последнего принял Мирза Юлдаш-бека бия Дадха, указав ему на его вопиющие злоупотребления, на ложность его донесений эмиру, на нежелание доложить своему государю о необходимости разрешения многих местных весьма важных вопросов правового характера и проч. и объявил ему, что я всемерно буду

стараться о замене его, Мирза Юлдаш-бия, более разумным и добросовестным правителем. Характерно то, что, проживая в Хороге, бек усердно распространял через своих ноукеров разные гнусные вымыслы на мой счет, стараясь хоть этим отдалить от меня население. По счастью, вымыслам этим никто не поверил, ибо я жил открыто, постоянно на глазах у населения, которое скоро ко мне привыкло и с полным доверием и без стеснения обращалось ко мне по самым разнообразным своим мелким и крупным делам, никогда не находя отказа в посылной ему помощи советом или делом...

Вскоре по приезде моем в Хорог со мною вступил в сношения бежавший в Афганистан поршнифский ишан Сеид-Юсуф-Али-Ша, осужденный как и Азиз-хан минбаши, по извету Мирза Юлдаш-бека бий Дадха, на изгнание из Шугнана. Ишан сообщил мне, что хотя афганские власти, по приказанию из Кабула, приняли его с почетом, но он желал бы вернуться в Шугнан, так как афганцы поставили ему условием поселиться в Файзабаде, вдали от его муридов, на что он не согласен. Я позволил себе передать ишану, что, по-моему, ему следует возвратиться на этот берег, чтобы затем ехать в Ташкент вместе с Азиз-ханом и лично сделать все возможное для своей реабилитации. Ишан внял моему совету, 8-го августа, к восторгу своих муридов, переправился на этот берег, а 18-го того же месяца под покровительством путешественника Б. А. Федченко выехал в наши пределы...

При возвращении из Вахана в Хорог я нашел трех бухарских чиновников, присланных гиссарским кушбеги с поручением «примирить меня с беком Шугнана, Вахана и Роушана», как будто я поссорился с последним вследствие каких-либо личных счетов и затем состоять при мне. Весьма возмущенный этой бестактной выходкой гиссарского кушбеги, я решительно отклонил посредничество его чиновников в моих сношениях с беком и предложил им ехать обратно в Гиссар с письмом от меня к кушбеги, где объяснил, что как частный человек Мирза Юлдаш-бек для меня не существует, а примириться с ним, как с бухарским администратором, провинившимся перед политическим агентством, т. е. признать правильность его образа действий, я не могу по долгу службы и присяги. Проводив неудачных посредников, я, чтобы фактически опровергнуть распушенные ими слухи о предстоящем примирении моем с беком, отложил на неопределенное время предполагаемую мною поездку в Роушан и 29-го сентября поехал на р. Шах-Дара для ознакомления с бытом населения кишлаков, расположенных в долине этой реки. Оттуда я вернулся ранее, чем предполагал, ибо 2-го октября, в кишлаке Барвоз, неудачно упал на камни и повредил себе кисть правой руки с разрывом и растяжением связок. Это обстоятельство лишило меня всякой возможности писать в течение трех недель. Получив вновь эту возможность, я исполнил срочные донесения г-ну политическому агенту и выехал 31 октября в Роушан для ознакомления с положением дел в этой области и принятия некоторых мер к тому, чтобы спокойствие, царившее в Памирских бекствах во время трехмесячного моего там пребывания, не нарушалось и по отъезде моем. По возвращении из Роушана, 6-го ноября, я прибыл в Хороге еще 15 дней и 21 ноября выступил в обратный путь через Вахан на Сассык-Куль, Памирский пост и далее до Оша, куда благополучно прибыл 13 декабря, совершив во время вышеуказанных поездок до 2700 верст верхом. Как во время разъездов по Па-

мирским бекствам, так и в промежутки между ними, в Хороге, я всемерно занимался изучением вопросов, намеченных в предписании г-на политического агента от 15 июня сего года № 206, указанных мне в изустной инструкции моего начальника, а также возникших у меня на месте при ближайшем знакомстве с делами Памирских бекств и бытом их населения. Результаты своих наблюдений имею честь представить в нижеследующих главах...

III

...В полученной мною от г-на политического агента в Бухаре инструкции мне предложено было также, при непосредственных сношениях с населением, выяснить вопрос о сношениях жителей Шугнана, Роушана и Вахана с проживающими в Бомбее и Читрале старейшинами исмаилитов, собрать сведения о том, насколько пользуются эти религиозные главари своим влиянием на массы населения в нежелательном для нас и даже, быть может, враждебном нам смысле и представить свои соображения относительно тех средств, которыми можно было бы парализовать упомянутые процессы.

Имея уже понятие о силе влияния на таджиков их ишанов или пиров, я всемерно постарался приобрести, с первых же дней по приезде в Шугнан, расположение и доверие этих религиозных наставников. Внешние знаки внимания, которые я оказывал ишанам, весьма расположили ко мне их муридов, а возможность беседовать с ишанами без помощи переводчика и обнаруженное мною некоторое знание сути их религии помогли вызвать нужную открытость и получить немало ценных сведений по интересующим меня вопросам.

Признавая главнейшими святыми Мухаммеда, дочь его Фатьму, зятя Али и внуков Хасана и Хусейна, свою религию таджики между собою называют «дини-пэндж-тэн» (религия пяти особ), а себя, адептов этой религии, — «пэндж-тэни». Символическим знаком принадлежности к «пэндж-тэн» служит рука с расставленными пятью пальцами, изображения которой часто встречаются высеченными на скалах и камнях в Шугнанах и Ваханах.

Учение это, несомненно, народилось из исмаилизма, но отошло от него так далеко, что я положительно считаю «пэндж-тэн» совершенно особой религией, имеющей с мусульманством столько же общего, сколько персидский бабизм, т. е. почти ничего. Основатель религии, Шах Насири Хосров, живший в XIII веке нашей эры, как сказано в его жизнеописании, приложенном к книге «Ишар», изучал в Бухаре не только мусульманское богословие, но основательно ознакомился также с Новым и Ветхим Заветом. Затем он жил при дворе халифа Аль-Мустансир-Билла (во второй половине XIII века) в Египте, где, как известно, исмаилизм достиг в X веке при халифе-фатимиде Аль-Хаким-би-амрилла крайних, уродливых форм развития. В учении Шах Насири Хосрова перемешаны доктрины чистого ислама, учения Христа, секты исмаилитов и даже браманизма. К этому народ от себя прибавил остатки древнего огнепоклонничества и фетишизма, и в результате получился странный конгломерат, каким ныне представляется по внешности религия «пэндж-тэн».

Из обязанностей, возложенных на мусульман их пророком, пятикратная ежедневная молитва, паломничество к святым местам,

пост и омовение являются для массы пэндж-тэни необязательными, а потому никем и не исполняются. Обрезание и многоженство — вот то, что осталось в религии «пэндж-тэн» от ислама. Подоходный налог в пользу бедных — зякет в исламе — выражается в форме пожертвования одной десятой части со всего, полученного пэндж-тэни, своему бомбейскому пиру. Эта предписываемая религиозной обязанностью выполняется с необычайной добросовестностью. Не только каждая десятая мерка хлеба, каждый десятый кусок вытканного сукна, каждый десятый ягненок или теленок, но и каждое десятое дитя передаются муридом своему местному ишану для направления по принадлежности. Посвященный ребенок, впрочем, воспитывается в доме родителей, а по достижении совершеннолетия обязан только исполнить назначенную ишаном работу или дать ему корову, лошадь и т. под. Вторая обязанность пэндж-тэни — благоговейное почитание каждым муридом своего ишана и безусловное, слепое ему повиновение. Для мурида ишан его — все на свете: он признанный при жизни святой, представитель перед богом всех своих муридов, молитвенник за свою общину и исполнитель за членов ее всех тех религиозных обязанностей, которые ему заблагорассудится исполнять. Внешних форм богочитания масса пэндж-тэни не знает: у них нет ни храмов, ни священнослужителей. Всякий грамотный человек может, если умеет, совершить обрезание, бракосочетание или погребение, прочитав при этом несколько арабских и персидских молитв, помещенных в особом сборнике. Почитание камней, нескольких могил будто бы потомков Али, привычка носить «тумары» (талисман, состоящий из зашитого в мешочек клочка бумажки с написанным на нем заклинанием на тот или иной случай) и уважение к огню — вот в чем выражается видимым образом религия пэндж-тэни. Священных камней, больших и малых, в Шугнанах и Вахане множество. Лежат они, большей частью, при дорогах и тропинках, и всякий прохожий и проезжий считает долгом остановиться у такого камня и положить на него или возле него маленький камешек. Такие же камешки кладут поклонники на мазары — могилы имамов Мухаммеда Багира на Гунте, близ урочища Вам-Кала, и Зейнуль Абдина близ кишлака Тын на Пяндже, а в Вахане близ кишлака Намадгут, — самого Али, зятя пророка. Иногда священным камням делают жертвоприношения, обливая их растопленным маслом и зажигая перед ними светильники. В таджикских жилищах часто можно видеть положенные на почетном месте один или несколько камней, почерневших от обильных возлияний масла — это домашние святыни. В ряду последних особым почетом пользуются камни, имеющие форму rhallus'a, один из которых мне удалось получить в собственность. Таковы верования таджиков Шугнана и Вахана. Роушанцы более приближаются к чистым шиитам, камням не поклоняются, но почитают так же горячо, как и остальные таджики, своего местного пира Сеида-Шахзаде-Хасана.

Религиозные главари таджиков, их ишаны, все считаются сеидами, потомками Алиа. Не сеид ишаном быть не может. Таким образом, звание ишана остается в одних и тех же семьях, переходя преимущественно, хотя и не всегда от отца к старшему сыну, если последний окажется, по мнению общины муридов, достойным стать их фетишем и получить утверждение от главы религии Ага-Хана. Готовящиеся в ишаны сеиды изучают Коран и священные книги своей религии, из которых главных четыре: «Ваджхуд-дин» (На-

ставление в вере), иначе «Калами-пир» (Слово наставника), «Уммуль-киتاب» (Мать книг), «Хефт-баб» (Семь глав) и «Ишар» — краткое изложение в стихах книги «Калами-пир»¹. Есть и другие сочинения, ознакомление с которыми для ишанов необязательно, — «Рушнай-наме», «Казнуль-хакаик» и диван совершенно, кажется, неизвестного европейским ориенталистам персидского поэта-суфи и вольнодумца Шамсуд-дина-Тебризи. Все означенные сочинения проникнуты духом персидского суфизма: они опровергают схоластические суннитские толкования о свойствах божества, доказывают, что религия an und für sich одна, но различно изложена Моисеем, Христом и Мухаммедом, что различие религиозных воззрений при наличности веры в божество не должно служить причиной к разъединению людей, и восстают против формалистики суннизма, фигурально толкуя обязанности, налагаемые исламом на своих adeptов. Так, молитва должна выражаться в доброжелательстве к ближнему, пост — в воздержании от дурных поступков и проч. Учение об имамате изложено в перечисленных книгах не одинаково — в некоторых более в духе исмаилизма, признающего имамат бесконечно существующим в роде Ага-Хана, в других — в духе секты «асна ашара», ограничивающей число имамов двенадцатью. В части этической все книги пэндж-тэни носят сильные следы учения Христа. Первое правило, рекомендуемое пэндж-тэни к сведению и руководству, — «не делай другому того, чего ты не желаешь, чтобы другие делали тебе». Другое правило — о том, что нельзя отвечать злом на зло, — даже изложено в той форме, которую мы встречаем в Евангелии: «Если кто-нибудь ударит тебя по щеке, то подставь ему и другую».

Проникновенность духом вышеназванных книг не остается без сильного и заметного влияния на самих пиров: спокойствие, благожелательное отношение к окружающим муридам, простая, но полная чувства собственного достоинства манера держать себя, любовь к разговорам на отвлеченные темы — одинаково свойственны всем ишанам, с которыми я познакомился в Памирских бекствах.

Избранный муридами и получивший инвеституру из Бомбея, от главы религии, Ага Хана, ишан называется «мукхи». По своему выбору он назначает себе несколько помощников, «халифе», для которых необязательно быть сеидами. Халифе живут среди более отдаленных от местопребывания ишана муридов и служат связующим звеном между ними и пиrom: получают с муридов и доставляют пиру зякет, пишут за неграмотных письма ишану, помогают по его приказанию и за его счет неимущим и т. под. В Вахане проживает некто Сеид-Абдуррахман, «халифе» Сарыкольского ишана Сеида-Шахзаде-Макинна, но так сказать привилегированный — не только назначенный своим пиrom, но и получивший утверждение из Бомбея, почему проживающие в Пригиндукушских владениях и в Вахане муриды названного ишана считают Сеид-Абдуррахмана равным ему по власти, а себя — одновременно муридами Сеид-Абдуррахмана и Сеид-Шахзаде-Макинна. Такой привилегированный «ха-

¹ Рукописные экземпляры книг «Уммуль-киتاب» и «Ваджхуд-дин», не имеющих, насколько мне известно, ни в одном европейском книгохранилище, и литографированное бомбейское издание книги «Ишар» мне удалось приобрести в собственность.

лифе» (он, кажется, единственный в своем роде) называется «камрьяи».

Обязанности ишанов слагаются из двух данных — по отношению к муридам и к «пир-хане» — верховному бомбейскому пиру. По отношению к муридам ишаны являются наставниками и руководителями во всех случаях жизни. Иногда ишаны собирают у себя наиболее почтенных и развитых муридов и устраивают собеседования на религиозные темы. В частную жизнь и частные дела своих муридов пиры вторгаться избегают. Редко бывает, чтобы ишан, узнав о каких-либо неблагоприятных действиях мурида, по собственной инициативе позвал его, сделал ему выговор и дал наставление. Это происходит только в случае соответствующей просьбы других муридов. Зато ишан никогда не откажет муриду, который сам пришел за советом или наставлением.

Свое громадное влияние на муридов ишаны вполне сознают, но пользуются им очень осмотрительно. В деле доставления муридам зякета ишаны оказывают им большое доверие — никакого контроля над тем, доставил ли мурид одну десятую своего дохода или меньше, не существует, но, как говорят, случаев обмана не бывает никогда. Кроме зякета для пир-хане муриды делают дары своему ишану: приходя на поклон, по случаю семейных торжеств, по случаю виденного дурного сна и т. п. Размеры этих приношений неопределенны и соответствуют достатку приносителя, ишан же все принимает с благодарностью. Получая известный доход от усердия муридов и пользуясь их добровольным содействием при обработке своих полей, все почти ишаны имеют известный достаток, благодаря которому могут исполнять свою вторую обязанность по отношению к муридам — помогать материально неимущим, вдовам и сиротам из их числа. Эту обязанность ишаны исполняют неодинаково усердно. Поршнифский ишан Сеид-Юсуф-Али-Ша, напр., хотя и помогает, когда нужно, своим муридам, но и себя не забывает, живет очень хорошо; таков же и сучанский ишан Сеид-Мурсаль. Зато достойнейший шахдаринский пир Сеид-Ахмед-Ша, имеющий до 5000 домов муридов на Шах-Даре, в Афганском Вахане, Ишкашиме и Читрале, получающий громадный по здешним местам доход, живет почти бедно, ибо все, что принимает от зажиточных муридов, отдает неимущим.

Накопив внесенного муридами зякета на более или менее значительную сумму, превратив в деньги или ценные вещи те предметы, везти которые в Бомбей натурой было бы неудобно, как-то зерновой хлеб и скот, присоединив к этому зякет со своего собственного имущества, ишан объявляет муридам, что собирается отправить зякет к пир-хане, после чего муриды жертвуют средства на поездку в Бомбей лица, везущего зякет. Сами ишаны редко ездят в Бомбей, по большей же части отправляют своих доверенных людей. Посланному вручается письмо на имя Ага-хана с просьбой принять ничтожный добровольный дар его муридов и прислать свое благословение им. Через несколько месяцев посланные возвращаются и привозят послание Ага-Хана к той общине муридов и ее ишану, от которой был послан зякет. Такие отправления зякета производятся каждым ишаном раз в 2—3 года. В иной год идет в Бомбей зякет от 2 или 3 ишанов, в другой — не идет ни от одного.

Верховным пиром для всех ишанов и всех их муридов является

лицо, носящее титул Ага-Хана. Достоинство это наследственно в семье сеидов, происходящих из местности Махаллат в Хорасане, по религиозным воззрениям считающих себя (вероятно из притворной скромности) «асна-ашара». Один из этих сеидов, Шах-Халиль-улла, в царствование Мухаммед-Шаха (1834—1848 гг.) достиг звания правителя Иезда, где и был убит во время какого-то мятежа.

Сын его, Мухаммед-Хасан, был за заслуги отца обласан шахом, который женил его на своей дочери и назначил командовать войсками, посланными усмирять мятеж в Белуджистане. Положение Мухаммед-Хасана, впрочем, скоро поколебалось и он, опасаясь грозившей ему немилости шаха, бежал в Кабул, затем, по приглашению англичан, переселился в 1840 году сначала в Калькутту, а по смерти Мухаммед-Шаха, в Бомбей, где и скончался в 1881 году, после чего Ага-Ханом сделался нынешний глава религии пэндж-тэн Султан-Мухаммед-Шах, родившийся в Карачи 2 ноября 1877 года.

По словам памирских ишанов, Ага-Хан является духовным главою всех людей, желающих руководствоваться в жизни известными этико-философскими положениями, безотносительно к официально исповедуемой ими религии. Поэтому в числе муридов Ага-Хана имеются будто бы не только мусульмане всех сект, но и язычники, браманисты и даже христиане. Число всех муридов Ага-Хана достигает до 800 тыс. человек, которые все обязаны беспрекословно подчиняться своему главе и пирам и вносить зякет. Все ишаны, с которыми я беседовал, твердо уверяют, что Ага-Хан на службе у англо-индийского правительства не состоит и никакой субсидии от него не получает. Таковую весьма недолго принимал дед настоящего Ага-Хана, Ага-Мухаммед-Хасан, но затем сам от нее отказался, так как зякет от муридов стал поступать в размерах, далеко превосходящих самые широкие требования. Призван Ага-Мухаммед-Хасан и его преемников главами самостоятельной религии и дав им титул высочества (Highness) англичане теперь ограничиваются по отношению к Султан-Мухаммед-Шаху оказанием ему известного внешнего почта и подношением при удобных случаях ценных подарков, стоимость которых, однако, не может играть для Ага-Хана, при его громадном богатстве и таких же доходах, никакой роли.

Нет ни малейшего сомнения в том, что англичанам необходимо ухаживать за Ага-Ханом, ибо по одному слову этого человека в Индии и сопредельных местностях может явиться несколько сот тысяч человек, недовольных английским режимом. Вопрос же о том, захочет ли Ага-Хан, в угоду англичанам, внушить тем из своих муридов, которые не состоят в их подданстве, ненависть к их правительствам и расположение к англичанам — для меня лично является совершенно открытым. Читральского восстания 1895 г. Ага-Хан не только не предотвратил, но даже не предупредил англичан о планах своих муридов, которые едва ли были ему неизвестны.

Сам Ага-Хан и все его муриды — поклонники Алия, а потому питают отвращение к суннитам. Несколько раз мне довелось слышать, что Ага-Хан в посланиях к афганским и памирским муридам советуется тем и другим уповать на милость божию и надеяться первым — на помощь англичан, а вторым — на помощь русских в деле освобождения от суннитского ига. Я слышал также, что когда в конце 1903 года ишан Сеид-Юсуф-Али-Ша и его муриды попросили у Ага-Хана благословения на переселение в Афганистан, Султан-

Мухаммед-Шах написал им, что бесполезно уходить из-под власти одних суннитов под власть других, и приказал ждать помощи от русских.

Я лично видел только одно подлинное послание Ага-Хана — адресованное сучанскому ишану Сеид-Мурсалю и его муридам, датированное месяцем шаабаном 1322 г. (март 1904 г.). К сожалению, ни сфотографировать этот любопытный документ, ни даже снять с него копию ишан, несмотря на усиленные мои просьбы, не разрешил. Послание это служит ответом на письмо вышеназванного ишана, при котором в конце 1903 г. был послан в Бомбей зякет. Написано оно на листе лощеной бумаги большого формата, крупным почерком, и помещается все на одной странице. В начале Ага-Хан посылает свое благословение ишану Сеид-Мурсалю и его муридам, затем, обращаясь к последним, убеждает их жить в мире и любви между собою, наконец уведомляет о получении присланного зякета. Внизу печать «Султан-Мухаммед-Шах».

С двух других посланий Ага-Хана, к бадахшанским муридам, я видел копию, с которой был сделан список для меня. Документ этот крайне интересен для уразумения сущности религии пэндж тэн, но политического в себе также ничего не заключает.

Таким образом, в настоящее, по крайней мере, время не представляется никаких причин подозревать, что население Памирских бекств побуждается к волнениям извне. Поводы к этим волнениям возникают из неудовлетворительности внутреннего строя названных бекств, как я буду иметь честь доложить ниже. Ничем нельзя, конечно, поручиться за то, что Ага-Хан не сочтет нужным давать когда-либо своим памирским муридам указания в политическом духе, вследствие чего, по моему мнению, нам необходимо постоянно тщательно следить за настроением ишанов по отношению к русским и всемерно стараться уяснить себе причины всякой перемены этого настроения в ту или иную сторону...

IV

Напутствуя меня при отъезде моем на Памиры, г-н политический агент указал мне на необходимость, вместе с неуклонным преследованием целей, указанных в письменной инструкции, попутно ознакомиться с экономическим положением и бытом населения Припамирских бекств и выяснить истинные причины волнений горцев, причинивших за последние годы немало тревог императорскому правительству и е. в. эмиру бухарскому.

Как я имел честь докладывать выше, мне, еще не достигши Западного Памира, пришлось встретить целую толпу таджиков с Гунта, Шах-Дары и из Вахана, которые, потеряв всякое терпение, бежали из бухарских пределов на наш Памирский пост, в надежде, что русское правительство разрешит им поселиться в Ферганской области. Вдали от бухарских чиновников и ноукеров, имея возможность беседовать со мною на персидском языке без посредства каких-либо переводчиков и видя доброжелательное к себе отношение с моей стороны, таджики, вначале раболопные и с каждым моим словом соглашающиеся, весьма скоро освоились со мною и откровенно высказали мне причины, побудившие их покинуть семьи, дома и поля свои и искать приюта в России. Обвинения, предъявленные беженцами к бухарским властям, были тяжки, и я откровенно

сказал моим собеседникам, что не могу им верить до тех пор, пока не ознакомлюсь с положением дел на месте. Таджики высказали уверенность в том, что действительность превзойдет худшие мои ожидания. И они оказались правы.

При вступлении в пределы населенной оседлыми горцами области, крайняя бедность населения сказывается, прежде всего, видом его полей. Между обломками гранитных скал, пересыпанными крупными и мелкими булыжниками, появляются клочки тщательно обработанной земли, засеянной ячменем. Почва тощая, песчаная, перемешанная с камнями. Много их лежит грядками на межах, но очистить свою ниву совершенно таджику, очевидно, не под силу. Есть обработанные участки поразительные по величине — в 4—5 кв. саженей. Сразу видно, как дорог и нужен здешнему земледельцу каждый, годный под посев, клочок земли... Вот и жилище таджиков. Низенькие, с плоскими крышами, построенные из тех же булыжников, связанных глиной, без окон, с крошечными дверями — они являют вид крайнего убожества снаружи и едва ли не большего внутри. Две таких хижины вместе, через 80—100 сажен еще группы жилищ, опять промежутки, снова кучка хижин — и так на версту, а иной раз и больше, тянется шугнанский кишлак.

Между группами домов разбросаны обработанные участки. За 70 верст от берега Пянджа сеют только ячмень — другие хлебные злаки здесь не вызревают. По мере спуска ниже по р. Гунту появляются постепенно посевы ржи, далее пшеницы, гороха и бобов, льна и, наконец, в Риваке (30 верст выше Хорога) — проса. По мере увеличения количества сортов хлебных растений, становятся разнообразнее и древесные породы. За ивняком, березой, шиповником и облепихой появляются фруктовые деревья — яблони, орешники, тут и абрикосы. Но земля остается та же — песчаная и смешанная с камнями, всюду встречаются микроскопические нивки, всюду одинаково жалки жилища таджиков. И картина полей и селений, мною набросанная, не изменяется существенно ни в одной из частей Припамирских бекств — одно и то же представляется взгляду и в Шугнана, и в Вахане, и в Роушане, и только с некоторой натяжкой можно сказать, что шугнанцы все-таки немного более зажиточны и владеют более плодородной землей, чем их соседи.

Речные долины Западного Памира занимают площадь около 300 квадратных верст, из которых не более 10% могут обрабатываться. На этом пространстве живет до 14 500 душ горцев, которые сами себя называют таджиками, хотя с таджиками наших среднеазиатских областей, потомками некогда здесь господствовавших персов, ничего общего не имеют ни по религии, ни по языку, ни по обычаям. О религии пэндж-тэн я имел честь докладывать выше. Что касается языков Западного Памира, то предмет этот мог бы дать обширный материал для специального научного исследования. Здесь я упомяну лишь, что в Припамирских бекствах, несмотря на малочисленность их населения, существует три языка, друг на друга не похожих: шугнанский — в Роушане и Шугнана, ишканимский и ваханский. Общим языком (и родным для населения Горана) служит бадахшанский диалект персидского языка, которым свободно владеет девять десятых населения бекства, не исключая женщин и подростков. Тот же язык служит для письменных сношений; на нем изложены священные книги таджиков, и все грамотные люди в Шугнана, Вахане и Роушане знакомы более или менее с классиче-

ской персидской литературой. Местные языки собственной письменности не имеют, но фольклор их интересен не менее, чем сами они. Легенды, сказки и песни таджиков, а также своеобразные их обычаи ждут еще своих собирателей и исследователей.

С физической стороны таджики носят явные признаки принадлежности своей к арийцам, и в них почти незаметно примеси чуждой, тюркской крови, как напр., в современных персианах. Между таджиками очень много блондинов и шатенов с голубыми глазами. Рост они, по большей части, среднего, худощавы, ловки в движениях, отличаются эластичной, быстрой походкой. Вследствие плохого питания и дурного устройства жилищ, смертность среди детей на Западном Памире очень велика, и зрелого возраста достигают только самые крепкие от природы. В общей массе таджики отличаются красивыми, правильными чертами лица, с живыми выразительными глазами. Среди женщин часто встречаются настоящие красавицы.

В характере таджиков необходимо отличать черты, присущие этому народу по природе, от черт, создавшихся вследствие неблагоприятно сложившихся исторических условий. Таджик сам по себе добродушен, весел, честен, крайне любознателен и сообразителен; необходимость скрывать свою настоящую религию, вынужденное подчинение жестоким и алчным чужеземцам, вечная тревога за свою участь, при раздорах между мелкими наследственными владельцами бекств, сделала таджика хитрым, недоверчивым, осторожным, неискренним и лживым. Эти несимпатичные черты бросаются в глаза ярко, ибо таджики их именно и обнаруживают при первой встрече с новым для них человеком. Но, при дальнейшем знакомстве с народом, неблагоприятное впечатление скоро изглаживается.

Таджики живут тесными, дружными семьями. Отличаясь не меньшей любовью к маленьким детям, чем все другие восточные народы, таджики их далеко опередили в отношении своем к женщинам, которые играют в семье и общине их совсем иную роль, чем у мусульман. Таджички ходят с открытыми лицами, не исполняют тяжелых работ и не позволяют мужьям себя бить. Если жена идет с мужем, то идет рядом с ним, или впереди его, а не бежит сзади, как собачонка, подобно сарьянкам и персиянкам. При более далеких переездах жена сидит на лошади, которую ведет муж, а не наоборот. Почитание детьми родителей и младшими старших, безотносительно к полу тех и других, предписывается религией и выполняется строго.

Внешний быт таджика носит все характерные признаки крайней бедности. В домах всякая обстановка заменяется подобием глинобитных нар, вышиною в аршин от пола, идущих вдоль трех стен жилища. Нары эти устроены в два уступа с той стороны, где помещается отверстие для очага. Дым очага и дневной свет проходят через четырехугольное окно в потолке, прикрываемое на ночь ставней. Утварь самая жалкая — деревянные чашки своего изделия, такие же ложки, да металлический котелок читральской, по большей части, работы — вот и вся посуда среднего по зажиточности таджикского семейства. С наступлением темноты таджикское жилище освещается свечей, сделанной из стебля особого растения и обмазанного массой из давленного льняного семени. К неуютности таджикских хижин присоединяется крупное неудобство в виде множества насекомых, скрывающихся в трещинах стен и потолка.

Одевается огромное большинство таджиков-мужчин только в

недлинный зипун из домотканного сукна с шароварами из привозной маты (бумажный холст). Зимую зипунов надевается два или три, один на другой, а на ноги — шерстяные, дома связанные чулки и «кпэхи» — гамаши с калошами из кожи горного козла «киика». Рубашка — вещь, не часто встречающаяся в Припамирских бекствах. Женщины носят шаровары, сверху — длинную, ниже колен рубаху и четырехугольный кусок материи в виде платка на голове, — все это у большинства из этой же маты, а у тех, кто побогаче — из цветного сита. Зимой к этому прибавляется суконный зипун, ничем не отличающийся от мужского.

В числе 986 таджикских хозяйств, которые даже бухарские беки признавали «бедными», есть такие, где на десяток мужчин и женщин имеется всего по два комплекта и мужского и женского платья... Совершенно голых детишек в таджикских кишлаках видно сколько угодно. При всей своей бедности таджики гораздо чище, чем прочие мусульман, хотя не признают предписанных последним религией омовений. Даже самые жалкие таджикские хозяйства варят для домашнего обихода мыло, конечно, плохое, но вполне удовлетворяющее своему назначению.

Пища таджиков — почти исключительно состоит из хлеба в виде лепешек или мучной похлебки. Яйца, молоко и молочные продукты доступны далеко не каждому семейству, а мясо — вообще редкое лакомство. В Шугнани и Роушани немаловажным подспорьем таджикам служат фрукты — абрикосы, дыни, арбузы, огурцы и тут (шелковица). Туговые ягоды сушатся и размалываются в муку, из которой, с примесью муки пшеничной или гороховой, печется хлеб, очень невкусный, но, как говорят, питательный. В Вахане, где тут уже не растет и где скота, сравнительно больше, чем в Шугнани и Роушани, употребляется в пищу «крут» — сухой творожный сыр из молока коров и кутазов (яков).

Несмотря на наличность тут и крута, хлеба хватает от урожая до урожая далеко не каждый год. Для Вахана и Роушана нужно считать исключением те годы, когда таджикам не приходится в течение двух летних месяцев питаться травой, той самой травой, которую ест их скот, делая из нее отвратительную похлебку, похожую на коровий помет... Такие голодовки бывают и в других частях Припамирских бекств, но несколько реже.

Техника земледелия поставлена, разумеется, не высоко. Пашут примитивными плугами, запряженными парой волов. Есть хозяйства, не имеющие ни плугов, ни волов собственных. Такие берут и то и другое взаймы у более состоятельных соседей и разрабатывают свои клочки под посев не тогда, когда это нужно, а когда можно. Земля в Припамирских бекствах, как я упоминал выше, довольно тощая, требующая непременно удобрения, но, на беду, у таджиков скота немного, да и тот с апреля по октябрь, за неизменением пастбищ в речных долинах, приходится угонять на летовки, в горы. Таким образом, не менее одной трети навоза пропадает без всякой пользы для земледельцев. Сеют таджики в чистом виде ячмень и пшеницу, лен (исключительно для семени), в смеси между собою — рожь, горох и бобы, и, как кормовые травы, в небольшом количестве, люцерну и овес. В годы, благоприятные по атмосферным условиям, как, напр., минувший 1904 г., хлеба по качеству бывают очень хороши.

Жнут хлеб серпами обыкновенного восточного образца и когда

он достаточно высохнет в копнах, переносят на токи. Никаких телег на Западном Памире не имеется, при навьючивании на лошадей из снопов высыпалось бы много зерна, а потому таджики осторожно переправляют снопы с нив на токи на собственных плечах. Эти «живые возы», медленнодвигающиеся в начале сентября около каждого таджикского кишлака, достигают иногда невероятно больших размеров.

Молотят хлеб азиатским способом: пуская несколько волов топтать разложенные по кругу снопы. Волам при этом обвязывают морду веревкой, чтобы они как-нибудь не съели горсти колосьев. Высшая урожайность хлебов в Припамирских бекствах не превосходит сам-9, но в обыкновенные благополучные годы бывает сам-6, сам-7.

Скотоводство на Западном Памире тоже не стоит на высокой степени развития. Лошадей в общем недостаточно и хороших из них совсем мало. Овцы и козы мелки, рогатый скот плох; волы слабосильны, а коровы мало молочны. В Вахане и на верховьях Шах-Дары имеются яки (кутазы), но в небольшом количестве. Еще того меньше у таджиков верблюдов. Хозяйств, не имеющих вовсе ни лошадей, ни коров, очень много. Без овец, однако, не обходится ни одно семейство, ибо шерсть их нужна таджикам, как материал для тканья сукна, в которое одеваются горцы, и вязанья чулок.

Обрабатывающей промышленности и торговли, строго говоря, в Шугнана, Вахане и Роушане не существует. Кустарным способом таджики выделывают свое сукно, тесемки, деревянные чашки и ложки, в Вахане также некрашенные грубые паласы, пэхи (национальная обувь), но все это не на продажу, а для собственного употребления. Количество денежных знаков, обращающихся в стране, ничтожно. Небольшие деньги, получаемые таджиками от нашего отряда за доставленные ему продукты, частью остаются в отрядных лавочках, по недешевой цене снабжающих таджиков разную пеструю дрянью, частью же уходят в соседние страны, в Яркенд, Читрал и Бадахшан, в уплату за нужные таджикам мату, металлическую посуду, седла и соль. С Восточным, киргизским, Памиром таджики ведут торговлю меновую, снабжая киргиз хлебом и получая от них кошмы, кожи, недостающее количество овечьей шерсти и т. под.

Таковы в крупных чертах и жизненные условия горцев Западного Памира.

В заключение этой главы я позволяю себе привести некоторые цифровые данные, которые мне удалось добыть путем расспросов. Данные эти не могут, разумеется, претендовать на полную точность, но, во всяком случае, они не далеки от действительности.

1) *Шугнан* (долины рек Гунта и Шах-Дары и по берегу Пянджа от впадения Гунта до кишл. Сахчарв). Дворов — 468, населения 5650 душ; пахотной земли 1350 десятин (среднее на душу — 0,239 дес.).

2) *Горан* и *Ишкашим*: дворов 93, населения 1050 душ, пахотной земли — 340 дес. (на душу 0,323 дес.).

3) *Вахан*: дворов 113, населения 1600 душ, пахотной земли 478 дес. (на душу 0,298 дес.).

4) *Роушан*: дворов 629, населения 5890 душ, пахотной земли 903 дес. (на душу 0,153 дес.).

Всего 1303 хозяйства, 14 190 душ населения, 3071 десятина пахотной земли или в среднем 0,216 десятины на душу.

Скота во всех Припамирских бекствах имеется: рогатого около 8500 голов, овец до 33 тыс., лошадей около 800, верблюдов менее 100.

Из 1303 хозяйств в Припамирских бекствах по 8 десятин земли и более имеют всего 37 хозяйств. В Роушане нет ни одного таджика, имеющего такой земельный надел. От 4 до 8 десятин имеют 280 домохозяев, а все остальные, в числе 986, имеют земли менее 4 десятин каждый.

V.

В первые месяцы по фактическом занятии нами Западного Памира (в 1895 году) население его было убеждено, что и впредь оно останется под русской властью, только что его избавившего от сурового двенадцатилетнего гнета суннитов-афганцев. Наши офицеры поддерживали в населении мысль о том, что оно принадлежит к русскому подданству, и известие о присоединении, согласно договору 1895 г., Шугнана, Роушана и Вахана к владениям эмира бухарского привело в ужас таджиков, хорошо знавших порядки, царящие в соседнем бухарском Дарвазе, а вместе с тем вселило в них горькое чувство против русских, обманувших их несбывшимися обещаниями.

Опасения таджиков относительно того, что бухарское господство окажется для них не менее тяжелым, чем афганское, к сожалению оправдались в полной мере. Первое время назначенные бухарским правительством беки и несколько мелких чиновников держали себя довольно осторожно, но затем мало-помалу увеличивали гнет и давали все более и более простора проявлениям своего произвола, влияние же на течение местных дел начальников Памирского отряда, вследствие многообразных причин, год от году уменьшалось.

Первый предлог, изобретенный бухарскими беками Шугнана, Вахана и Роушана для того, чтобы начать давить население, была религия последнего. Сунниты-бухарцы считают таджиков еретиками, кафирами, не принадлежащими ни к одной из религий, имеющих боговдохновенные книги (христиане, евреи и сами мусульмане), равными язычникам, а потому лишенными, согласно Корану, всяких человеческих прав. Было много случаев, когда обиженные неправым решением бека ссылались на шариат, и тогда бек объявлял, что для протестующего, как кафира, шариат не существует: «Сделайся истинным правоверным, сунни, и тогда мы применим к тебе шариат».

Как я упомянул выше, религия пэндж-тэн не признает мусульманского поста в месяце рамазане и общественной молитвы. Бухарцы начали требовать от таджиков соблюдения поста и явки, по зову муэззина, на молитву в приспособленное под мечеть помещение в месте пребывания бека. Не желающих подчиняться этим требованиям штрафуют, а не имеющих возможности уплатить требуемый штраф — беспощадно бьют. Бек Ишанкул в 1901 году выписал было из Бухары мулл для того, чтобы во всех более значительных кишлаках завести мусульманские школы и заставлять население пятикратно в день молиться и соблюдать рамазан. По счастью, тогдашний начальник отряда имел смелость решительно воспретить

беку произвести этот эксперимент, который несомненно многих таджиков побудил бы выселиться в Афганистан.

В кишлаке Вамар в Роушане, близ которого живет бек, никто не решается теперь не соблюдать поста или, находясь близ жилища бека, во время призыва на молитву, не пойти в мечеть. В Хороге, где живет амлякдар, очень немногие рискуют не соблюдать поста. В мечеть, во время приезда в Хорог бека, местные жители не ходили, веря обещаниям наших офицеров, что за это им ничего не будет. Но в предпоследний приезд свой в Хорог, в июне 1904 г., бек Мирза Юлдаш-бек без препятствий с чьей-либо стороны оштрафовал нескольких хорогцев под предлогом, что они не ходят в мечеть, чем вызвал сильную тревогу в населении и слухи о том, что русские позволили бухарцам насильно обращать таджиков в суннитов.

Усмотрев влияние, которое имеют на таджиков их ишаны, бухарские беки, в первые годы по присоединении Припамирских бекств к Бухаре, считали нужным привлечь религиозных наставников народа на свою сторону, для чего оказывали им внешние знаки уважения, включили всех их в списки лиц, числящихся на службе эмира и ежегодно получающих от него почетные подарки (ноукеров), а двум — роушанскому ишану Сеиду-Шахзаде-Хасану и поршнифскому Сеиду-Юсуф-Али-Ша — выхлопотали бухарский духовный чин «урака». Видя, однако, что этими средствами не удалось побудить ишанов дружелюбно относиться к суннизму, беки оставили мало-помалу свои старания в указанном направлении, а в 1903 г. бек Мирза-Юлдаш-бек уже открыто стал во враждебные отношения с ишаном Сеид-Юсуф-Али-Ша и возбудил вопрос о выселке этого влиятельного человека из пределов своего бекства, нисколько не считаясь с тем, что у Сеид-Юсуф-Али-Ша имеется в Шугнанае до 2 тыс. душ муридов, для которых их пир — самое драгоценное, что только есть на свете.

Под конец моего пребывания в Шугнанае мне пришлось слышать предположения о том, что Мирза Юлдаш-бек поссорился с ишаном умышленно с целью напугать последнего и заставить его искать примирения за более или менее крупную «благодарность». Бек не принял во внимание того, что ишан не мог сознательно подрывать свой авторитет в глазах муридов, идя на унизительную сделку с суннитом.

Возбуждая против себя ненависть населения своим отношением к его религии, бухарские чиновники внушают в то же время таджикам отвращение к себе своею склонностью к разврату и противостественным порокам. Бухарцы нисколько не желали считаться с нравами горцев и очень скоро по своему водворении в Шугнанае, Роушане и Вахане начали силою отнимать у таджиков приглянувшихся им девушек, женщин и мальчиков.

Впоследствии, когда среди самих таджиков создавался класс бухарских ноукеров, случаи насильственного и безнаказанного захвата замужних женщин участились до невероятной степени. Жаловаться нашим офицерам бесполезно, ибо они не имеют права вмешиваться в подобные дела, относящиеся всецело к судебной компетенции бухарцев, а обращаться к беку — еще того бесполезнее, раз всем и каждому известно, что беки сами первые отнимают женщин и занимаются педерастией. Мирза Юлдаш-бек вскоре по приезде своем в Калаи-Вамар отнял у трех жителей сел. Барзуд в Роушане их жен, насильно держал их у себя почти 2 года, а затем, в сен-

тябре 1904 г., за несколько дней до приезда в Калаи-Вамар его семьи, прогнал от себя несчастных опозоренных таджичек в одних рубахах. В то же время бек не расстался с бачей — также насильно отобранным у родителей мальчиком с Барганга. Этого бачу Мирза-Юлдаш-бек привез с собой в Хорог, когда приехал ко мне с своим неудачным визитом.

Бача первые дни ходил гулять по кишлаку в ярком костюме, но хорогцы смотрели на него с таким нескрываемым омерзением, что несчастный вскоре прекратил эти прогулки.

Чиновники Мирза-Юлдаш-бека не упускают следовать примеру своего начальника, и, как известно, каплей, переполнившей чашу терпения ваханцев в 1903 году, было то обстоятельство, что приехавшие в Вахан за получением зякета бухарские чиновники потребовали, чтобы к ним был прислан для известной цели сын зунгского аксакала.

По трудно объяснимым соображениям бухарские власти всегда и во всем старались действовать вразрез с обычаями и склонностями населения. У таджиков испокон веков существовало выборное начало и общинное самоуправление, и даже афганцы предоставляли населению Шугнана, Роушана и Вахана право выбирать своих волостных (минбаш), их помощников (аксакалов), сельских старост (арбовов) и народных судей (казиев). Бухарцы заменили этот порядок установленный порядок ни чем иным, как продажей этих должностей: назначаемый, по распоряжению бека, на должность по сельской администрации, платил последнему весьма крупную по состоянию таджиков сумму — от 400 до 500 рупий (160—200 руб.). Под первым представившимся предложением назначенного увольняют от должности и назначают на его место другого, с которого опять берется налог в пользу бека. Частая смена волостных, аксакалов, арбовов и казиев является очень выгодной для бека, но крайне неудобной для населения, так как в состав сельской администрации, при описанной системе, попадают не способные и пользующиеся доверием населения люди, а только могущие уплатить требуемую им сумму. Не желающих принять добровольно назначение на должность и внести за это деньги, бухарцы принуждают к тому силою.

Весьма тягостным для населения Западного Памира является изобретенный бухарскими беками, для увеличения своих доходов, институт «ноукеров». Этим именем называются, собственно говоря, люди, числящиеся на службе у бухарского правительства. Таковыми несомненно надо считать ишанов и чинов сельской администрации. Первым бухарцы предоставили звание ноукеров ради оказания им почта, а вторые несут действительную службу.

По обычаю, ноукерам в Бухаре предоставляются некоторые привилегии: они освобождены от уплаты податей, от исполнения натуральных повинностей, и раз в год получают от имени эмира халат и чалму (серупа). На общих основаниях ноукеров в Припамирских бекствах должно было бы быть самое большое человек шестьдесят, но их имеется 184 домохозяина, которые сами получают «серупа» и члены семейств, которые также освобождены беками от налогов, повинностей и от обязанности поставлять припасы нашему отряду и бухарским чиновникам.

Таким образом, ноукерскими правами пользуется в тех бекствах не менее 900 человек, т. е. до 20% взрослого мужского населения,

и эта многочисленность ноукеров объясняется весьма просто: любой располагающий деньгами таджик может быть зачисленным в ноукеры, уплатив беку по соглашению более или менее значительную сумму. Ноукеры, не занимающие должностей, внушают прочему населению ненависть и страх: пользуясь купленным благоволением бухарцев, они безнаказанно позволяют себе всякие своеволия и насилия по отношению к односельчанам и являются причиной недовольствия и зависти бедной части населения, на которую падает вся тягость повинностей. За особую плату ноукерам продаются беками даже низшие бухарские чины (дживачи и караулбеги) без уведомления о том эмира и исходатайствования у него фирмана на чин.

Из упомянутых мною выше 184 ноукеров, носят это звание законно 63, из остальных, купивших себе ноукерство, имеют бухарские чины 36 человек. Так как в Припамирских бекствах считается всего-навсего 37 хозяйств богатых и 280 средних и так как купить привилегии ноукерского звания стоит не дешево, то оказывается, что вся тягость повинностей и налогов падает на 133 наименее обеспеченных средних хозяйства и на все бедные.

Несправедливость такого порядка отлично сознается населением и всецело им приписывается своекорыстию бухарских беков.

Из судебных дел бухарцы тоже сделали доходную для себя статью. Несмотря на наличность поставленных бухарцами казиев, народ, следуя старому обычаю, по всем делам своим судебного характера обращается к третейскому суду ишана, решения которого тяжущимися исполняются беспрекословно. Однако, есть и такие дела, в которых без казиев обойтись невозможно — именно, когда нужно получить документ — купчую, акт о разводе и т. п. В каждое такое дело бухарские чиновники непременно вмешиваются и взыскивают затем с заинтересованных лиц возможно большую взятку под названием «хизметане» — за оказание содействия. Беки стараются всеми силами разведывать о происходящих между таджиками тяжбах и требовать тяжущихся к себе. Решение дела в ту или другую сторону продается беком самым беззастенчивым образом, а со стороны, признанной неправой, все-таки берется «хизметане». Уголовные преступления среди таджиков почти неизвестны; но если какой редкий случай представится, то алчность бухарских властей не имеет границ. Как пример, приведу следующий факт, имевший место весной 1904 г. Солдаты Хорогского поста украли казенные вещи — 3 кошмы, 4 молотка, 4 лома, 1 лопату и 10 ф. соли — и продали их таджикам, едва ли подозревавшим, что покупают краденное. Хорогский амлякдар Бурхан-бек, при помощи ноукеров узнал, кто купил у солдат названные предметы, отобрал их и взял штраф в 137 руб., хотя перечисленные вещи все вместе стоили самое большее 23 рубля.

Ничем не регламентированное право бухарских чиновников налагать на таджиков штрафы в свою пользу давно обращало на себя внимание русских офицеров, и начальник Памирского отряда генерального штаба кап. Аносов счел необходимым в составленный при его участии проект податного обложения жителей Шугнана, Вахана и Роушана включить особый пункт, гласящий, что «права шугнанского бека в наложении на преступников денежных штрафов и размеры последних по каждому роду возможных преступлений должны быть точно определены и регламентированы е. в. эмиром».

В сопроводительном к проекту рапорте своем от 4 июля 1900 г. за № 1011 кап. Аносов по поводу цитированного пункта говорит: «Одним из существенных вопросов, оказывающих немаловажное влияние на материальное благополучие здешних жителей, является вопрос о правах шугнанского бека в наложении штрафов на бухарско-подданных жителей управляемых им бекств. Штрафные деньги, поступаая обыкновенно в собственность бека, служат одним из главнейших средств к увеличению личного его благосостояния, почему бухарские беки пользуются этим правом в самой широкой мере, налагая за ничтожные даже проступки штрафы, приводящие иногда провинившегося к полному разорению».

На это представление кап. Аносова не было обращено внимание, и бухарские чиновники и до сего дня продолжают беспощадно разорять таджиков штрафами.

Содержание бека, его челяди и бухарских чиновников также ложится тяжелым бременем на население и дает повод к проявлению произвола. Бек и чиновники берут все им необходимое у населения по невероятно дешевой цене и притом в долг: баран таксируется бухарцами в 40 коп. (справочная цена отряда 1 рубл.), фунт тополевого масла 5 коп. (в отряде 20 коп.) и т. д. Взятое записывается как бог на душу положит, а затем деньги не уплачиваются по году и более.

В момент отъезда моего из Шугнана бек Мирза-бек был должен в одном Роушане 12 тыс. тенег, от уплаты которых уклонился под предлогом, что ему не высылает его содержания из Бухары. Амлякдар Бурхан-бек, будучи отозван из Хорога, объявил жителям этого кишлака (44 двора), что должные им 2500 тенег пришлет из Калаи-Вамара, но обещания своего не исполнил. Ноукеры зачастую силой отнимают у таджиков съестные припасы и фураж, прикрываясь именем бека. Жаловаться на такие грабежи никому — бек не примет жалобы на ноукера, а последний, узнав об этом, еще изобьет жалобщика, конечно, совершенно безнаказанно.

Не упуская ни одного случая для того, чтобы тем или иным способом вымогать у таджиков деньги, бухарцы вдобавок беспощадно бьют их, нисколько не руководясь и в этом случае, по отношению к «кафирам», постановлениями шариата, который, напр., даже мусульманскому государю позволяет дать своему подданному не более 75 ударов. Бухарские же чиновники в Шугнани и Роушане бьют таджиков до полусмерти, присоединяя к этому еще всякие глумления и утонченные пытки, вроде подвешивания за связанные за спину руки на деревья. Тюремное заключение и заковывание в колодки также широко применяются бухарцами, особенно, когда есть надежда на то, что сам арестованный или его родственники дадут выкуп.

Противодействовать перечисленным актам произвола и насилия бухарских властей наши офицеры на Памирах не имеют права, ибо все это относится к «делам по управлению» бекствами. В некоторых же случаях, не грозящих интересам бухарских чиновников, а потому не могущих повлечь за собой столкновений с ними, предписание о невмешательстве в дела управления бекствами фактически не исполняется. Как начальник отряда, так и постовые офицеры, когда им это нужно, совершенно самостоятельно отдают приказания волостным, аксакалам и прочим сельским чинам, а начальник

делает даже распоряжения судебно-административно-полицейского характера.

За неисполнение или неудовлетворительное исполнение приказаний наши офицеры сажают провинившихся под арест, а иногда и поколачивают их, совершенно не спрашиваясь бухарских властей. Нужно ехать куда-нибудь начальнику отряда или офицеру — он приказывает попутным волостным сопровождать его, приготовить выючных лошадей, помещения для ночлега, съестные при них припасы и фураж; велит населению такой-то волости доставить для отряда столько-то пудов муки или выюков дров и проч. — все это без всякого участия бухарских властей.

Из сферы административно-полицейской распорядительности наших офицеров я был свидетелем такого случая: раз на полевой огород забрели три таджикских быка; начальник отряда велел их загнать и одного немедленно зарезать на пищу гарнизону. Когда хозяйка погибшего животного прибежала на пост и со слезами стала умолять возвратить его, ей было объявлено, что она получит стоимость быка по справочной цене (т. е. по такой, за которую рабочий бык приобрести невозможно). Таджик не получила ответа на вопрос о том, как же ее муж будет обрабатывать весной свою ниву?

Вышеизложенным достаточно объясняются причины постоянных волнений среди населения Шугнана, Вахана и Роушана и протестов его против бухарского управления. При существующем положении вещей таджики испытывают гнет двух властей, каждая из которых только налагает на них обязанности, но не признает никаких прав их, даже и та власть, к которой они чувствуют инстинктивное влечение — власть русская... Припамирские бекства в тот момент, когда я увидел их, были страной дикого произвола правящих, ужасающей бедности и полного бесправия управляемых. Нужно все колоссальное добродушие таджика, органическое отвращение его ко всяким насильственным действиям и горячую его привязанность к убогой своей родине, чтобы в течение 9 лет переносить столь варварский режим.

В настоящий момент на участке афганской границы, важность которого в смысле наблюдательного за противными нашим интересам действиями англичан пункта, признана императорским министерством иностранных дел, мы имеем слабый, но стойкий нашей казне за время своего существования более миллиона рублей отряд, да близкое к отчаянию туземное население, нищее и бесправное. Нищета и бесправие эти, продолжаясь, в недалеком будущем могут окончательно деморализовать таджиков. Полезно будет нашим недругам и поголовная эмиграция населения Вахана, Шугнана и Роушана, ибо она дает в руки оружие для подрыва нашего престижа в Средней Азии и лишит нас возможности содержать отряд на Памирах, а еще того полезнее — будет помощь населения тому, кто явится, чтобы одержать дешевую победу над горстью русских людей, заброшенных в горные трущобы Западного Памира, — победу, эффектом которой вековые соперники наши, без сомнения, сумеют воспользоваться.

ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 2, д. 97, лл. 46—77.

1 ноября 1905 г.

Донесение секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова политическому агенту в Бухаре Я. Лютшу

В конце апреля месяца текущего года в Хорог прибыл из Гиссара чиновник Мирза-Хусейн дживачи, назначенный его высочеством эмиром на должность представителя бухарского правительства в Памирских бекствах. По смыслу полученных названным чиновником инструкций, он является сотрудником начальника Памирского отряда по управлению населением Шугнана, Вахана и Роушана, причем все распоряжения свои делает не иначе, как с ведома и одобрения упомянутого штаб-офицера. Так как одной из главных причин неудовольствия туземцев на прежде здесь служивших бухарских должностных лиц были несправедливые поборы и проживание на счет населения, то штаб Туркестанского военного округа разрешил начальнику Памирского отряда выдавать пребывающему в Хороге чиновнику бухарского правительства ежемесячное пособие в размере 60 рублей с той целью, чтобы начальник отряда имел право требовать от бухарского чиновника известной добросовестности в деле денежных его расчетов с населением.

Выбор бухарского правительства оказался на этот раз удачным, ибо Мирза-Хусейн-бек дживачи весьма скоро сумел поставить себя в надлежащие отношения к населению и к начальнику отряда. Туземцы уже потому относятся к нему гораздо дружелюбнее, чем к его предместникам, что Мирза-Хусейн-бек — шиит, а не суннит. Минувшим летом один из жителей Поршнифа выдал за Мирза-Хусейн-бека замуж свою дочь, благодаря чему дживачи еще более сблизился с населением. Аккуратно получаемое Мирза-Хусейн-беком пособие от военного ведомства дает ему возможность содержать себя и свой немногочисленный штат служащих без всяких вымогательств от населения и с немедленной уплатой за все забранное по справочным ценам отряда.

Тем не менее материальное положение названного чиновника нельзя признать удовлетворительным, ибо получаемое им пособие он проживает в Хороге без остатка и на содержание оставленной им в Гиссаре семьи, состоящей из жены, двух детей, малолетних брата и сироты-племянника — у него ничего не остается. От своего правительства Мирза-Хусейн-бек содержания не получает, и на обратную им два месяца тому назад к гиссарскому кушбеги просьбу о назначении ему хотя бы 200 тенег в месяц жалования, в конце сентября был получен ответ, что по этому делу следует просить моего ходатайства перед вашим превосходительством.

Хотя начальник отряда старается всеми силами поддерживать престиж бухарского правительства на Западном Памире, в лице его представителя, которого всегда титулует «беком», часто приглашает к себе в гости и т. п., но тот факт, что представитель бухарской власти находится в полной материальной зависимости от русского правительства, отлично известен населению и дает повод к крайне неслестным для бухарского правительства толкам. Горько совершенно логично приходят к выводу, что бухарское правительство своим

служащим вместо жалования дает разрешение обирать подчиненное им население и в силу этого, конечно, не может затем предпринять что-либо в защиту прав этого населения, тогда как русские поступают прямо наоборот — аккуратно платят всем, кто им служит, но за то и взыскивают с них, если они притесняют ниже их стоящих.

Докладывая об изложенном, осмеливаюсь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать в содействии вашем к тому, чтобы бухарское правительство назначило от себя и. д. шугнанского бека, Мирза-Хусейну дживачи, хотя бы небольшое, в 200—300 тенег, ежемесячное жалование и сделало распоряжение об аккуратном доставлении означенной суммы по принадлежности. Такая мера поощрит, во-первых, названного чиновника к еще более усердному исполнению возложенных на него обязанностей, во-вторых, — еще более привяжет его к русским, благодаря содействию которых семья его избавится от нужды, и, в-третьих, заставит население Шугнана, Вахана и Роушана хотя несколько изменить свои взгляды на принципы бухарской административной системы.

Кроме того, я ходатайствовал бы об отзывании из Хороба недавно (в сентябре сего года) сюда присланного из Гиссара, якобы в помощь Мирза-Хусейн-беку дживачи, мирзы Рахман-Кула. Человек этот совершенно бесполезен Мирза-Хусейну, который сам хорошо грамотен, проживает на его счет, чем увеличивает его затруднительное материальное положение. С глубочайшим почтением и совершенной преданностью имею честь быть вашего превосходительства всепокорнейшим слугою — Черкасов.

ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 2, д. 101, лл. 18—19.

№ 7

Донесение А. Черкасова российскому политическому агенту в Бухаре

6 ноября 1905 г.

Во исполнение предписания вашего превосходительства от 30 августа с. г. № 245, я не преминул начать самое внимательное ознакомление с результатами, которые успела дать новая система управления Припамирскими бекствами, и с настроением населения, создавшимся под влиянием происшедшей в его положении перемены. Я не успел еще посетить Вахана и Шах-Дары, но имел случай беседовать с приезжавшими оттуда туземцами. В частях же бекств, наиболее терпевших от бухарского режима, в Шугнана, на Гунте и в Роушане (куда я совершил поездку с 25 октября по 1-е ноября) я имел возможность ознакомиться самолично с современным положением вещей и много разговаривать с местными ишанами и другими влиятельными туземцами.

Я с удовольствием убедился в том, что благодеяние, оказанное горцам Западного Памира отзыванием бухарских властей, вполне оценено населением и сильно возвысило в его глазах авторитет рус-

ского правительства. Мысль, что бухарские чиновники могут, однако, опять быть присланными, ужасает таджиков, едва начинающих отдыхать от разорительных поборов и всяческих притеснений беков и их помощников. Мне неоднократно приходилось заявлять моим собеседникам, что если порядок и спокойствие, царившие в бекствах за последний год, и впредь не будут нарушаться, то императорское правительство конечно озаботится принятием всех нужных мер к тому, чтобы упрочить такое благоприятное и желательное для России положение.

Первый опыт избрания самим населением сельских властей должно считать удавшимся. Число должностных лиц, сравнительно с прежним, значительно сокращено и ныне во всех бекствах имеется три волостных старшины — в Роушане, Вахане и Шугнана с Иш-кашмом, Гунтом и Шах-Дарой; 20 аксакалов и арбабы в каждом кишлаке, за исключением Вахана. Указанные населением лица, утвержденные затем в своих должностях, и оба бека с согласия начальника отряда, оказались в большинстве случаев вполне старательными и заслуживающими доверия. Проживающий в Хоробе бухарский чиновник отдает распоряжения сельским властям не иначе, как с ведома начальника отряда, каковой порядок гарантирует население от несправедливых требований и не вызываемых необходимостью распоряжений. В то же время взыскания и штрафы на туземцев, совершивших проступки общего характера, налагаются бухарским чиновником в размерах, устанавливаемых по соглашению с начальником отряда.

Теперешний начальник отряда прилагает большие заботы к улучшению экономического положения таджиков. С целью облегчить населению исполнение возложенной на него повинности по снабжению нашего отряда провиантом, фуражем и топливом, подполковник Кивекэс значительно повысил справочные цены отряда и строго следит за соблюдением очереди между кишлаками при поставке необходимых отряду продуктов. Деньги за все забираемое у населения выплачиваются ныне офицером, заведывающим хозяйством, непосредственно владельцу доставленного продукта и тотчас по приеме оного, а не через переводчиков и джигитов и спустя некоторое время, как делалось это прежде. Благодаря бескорыстному и справедливому отношению наших офицеров к населению, в последнем проявились незамечавшиеся прежде энергия и желание улучшить свое материальное положение.

По инициативе начальника отряда таджики всюду, где только возможно, стали расширять площадь посов, проводя для этой цели новые арыки и восстанавливая старые, давно заброшенные. Огромный, в несколько верст длиною, арык за одно лето соорудили жители Бароушан (в Роушане), несколько меньший, около 5 верст, проведен на средства отряда около Хороба, и большая часть вновь орошенной им земли предоставлена в пользование жителям; менее значительные арыки уже частью закончены, частью проводятся в Поршнице, на Шах-Даре, на Бартанге, на Гунте и в Вахане. Стараюсь предотвратить хронические весенние голодовки, начальник отряда энергично пропагандирует среди таджиков культуру картофеля и огородных овощей, находя в этом деле поддержку со стороны ишанов и наиболее развитых лиц в среде сельской администрации. О притеснениях горцев в сфере их религиозных воззрений, при настоящем порядке, конечно не может быть и речи. В этом году

первые свадьбы беспрепятственно совершаются в месяце рамазане, и никто не был оштрафован за несоблюдение мусульманского поста.

В ближайшем будущем начальнику отряда предстоит заняться решением целого ряда вопросов, касающихся благосостояния населения. Из таких вопросов наиболее существенными являются меры: к искоренению сильно распространившейся за последние годы между роушанцами и шугнанцами крайне разорительной привычки курить опиум, развитие торговли вообще, упорядочение меновой торговли между киргизами Восточного Памира и таджиками, снабжение последних сельскохозяйственными орудиями и железом, которые ныне получают по невероятно высокой цене из Бадахшана, устройство запасных хлебных магазинов и некоторые др. Проведение указанных мер должно считаться крайне необходимым.

Дело водворения в Припамирских бекствах порядка, законности и благосостояния можно признать начатым вполне успешно, ко восторженной нашей выгоде, ибо... материальное благосостояние здешнего населения играет большую роль для наших военных сил на Памирах, а преданность горцев России и сознание ими превосходства ее владычества над владычеством мусульманских государств не могут не возвысить нашего престижа в соседних странах. О водворении в Шугнанах, Ваханах и Роушанах новых порядков население левого берега реки Пяндж хорошо осведомлено и, как должно полагать, не без зависти смотрит на улучшение участи своих соседей.

Следует отметить тот факт, что афганско-подданные таджики в этом году зачастую являются в Хорог, привоза на продажу фураж и провиант — явление, которого в прошлом году не наблюдалось. Я уже имел случай доносить вашему превосходительству об удовольствии, высказанном Ага-ханом при получении им известия о возвращении в среду своих муридов Сеид-Юсуф-Али-Ша. Это известие, вместе с известием о возвращении всеми уважаемого минбаши Азиз-хана, произвело в свое время большое впечатление в Бадахшане, почетнейшие люди которого, как известно, были выслены афганцами в Кабул и не имеют надежды когда-либо вернуться на родину.

Реабилитация подобных ишану Сеид-Юсуф-Али-Ша и Азиз-хану уважаемых населением людей, при том ни в чем не виноватых перед русским правительством, является весьма действительным средством для привлечения на нашу сторону симпатий населения, почему я осмеливаюсь теперь же представить на благоусмотрение вашего превосходительства ходатайство жителей Роушана о дозволении вернуться на родину бывшему роушанскому волостному Разыку, высленному в 1902 году в Гиссар по требованию бека Ишан-Кула. Этот правитель обвинил Разыка в побуждении населения к мятежу, между тем как действительная вина Разыка заключалась в том, что он сообщил начальнику отряда о возмутительном отношении к населению бека и его сыновей, и предупредил, что кроме уже бежавших на левый берег Пянджа 300 человек и все остальные роушанцы собираются бежать в Афганистан, если русские за них не заступятся. Возвращение Разыка, служившего русским еще в 1893 году, когда он состоял проводником при отряде ген. Ионов, произвело бы самое отрадное впечатление на жителей Роушана, ко-

торые, в лице своих выборных, 30 минувшего октября просили меня ходатайствовать перед вашим превосходительством за невинно страдающего их сородича.

Я обещал роушанскому ишану Сеиду Шахзаде-Хасану и старикам-туземцам, что доложу их просьбу вашему превосходительству. К изложенному считаю долгом присовокупить, что начальник Памирского отряда считает возвращение Разыка весьма желательным.

Перед приездом моим в Роушан население этого бекства было весьма встревожено слухом о том, что в скором времени в Кала-и-Вамар опять придет бухарский бек, и именно Акбар-Ша или Ишан-Кул, оба оставившие по себе тяжелую память. На обращенные ко мне по этому поводу вопросы роушанцев я отвечал, что никаких сведений о назначении нового бека не имею. Мне удалось узнать, что слух был распространен человеком гиссарского кушбеги, неким Суфи-Незакет-Ша, уроженцем кишлака Ризвай в Дарвазе, который в середине прошлого месяца вез из Гиссара в Хорог две адресованные мне посылки политического агентства. Следствием агитации Суфи-Незакет-Ша было то, что бывшие бековские ноукеры, утратившие с удалением бухарцев свои купленные привилегии, тотчас начали интриговать против выбранных населением должностных лиц, подговаривали своих родственников и должников просить у начальников отряда смены выборных и проч. Подполковник Кивекэс на подобные просьбы ответил резким отказом, ссылаясь на то, что о смене недавно поставленных сельских властей просит лишь ничтожное количество домохозяев (в кишлаке Дироушан, напр., всего 12 человек из 50-ти).

Приведенный факт еще раз показывает, что причиной волнений среди таджиков Западного Памира зачастую является бестактность самих бухарских чиновников. Крайне желательно было бы, чтобы вышеназванный Суфи-Незакет-Ша был примерно наказан за распространение ни на чем не основанных слухов и чтобы гиссарский кушбег строго внушил своим людям, посылаемым по делам службы в Припамирские бекства, чтобы они вели себя осторожнее. Роушанцы жалуется на то, что посланцы кушбеги по пути берут у жителей фураж, провиант и вьючных лошадей, не платя за это ни копейки, на основании получаемых от кушбеги открытых листов. Такой порядок крайне нежелателен, ибо легко может привести когда-нибудь к резкому столкновению между бухарским посланцем и жителями. Всего лучше было бы, чтобы пакеты или посылки от кушбеги передавались его посланными в первом роушанском кишлаке местному аксакалу или арбабу, который уже направлял бы их дальше с местными жителями, которые по очереди несли бы эту повинность, не затруднительную ввиду редкости сообщений кушбеги, подчиненному ему чиновнику, проживающему в Хороге...

Ци А УзССР, ф. И-2, оп. 2, д. 236, лл. 7—10.

20 мая 1914 г.

**Отношение и. о. дипломатического чиновника
при туркестанском генерал-губернаторе А. А. Семенова
в канцелярию генерал-губернатора об административно-политическом
и юридическом положении Западного Памира**

Имею честь уведомить канцелярию, что ознакомившись с содержанием отзыва министра юстиции в Главный штаб от 24 июня минувшего года за № 4373 по вопросу об административно-политическом положении Памироз в связи с порядком отправления там правосудия, я не могу не отметить, что заключения указанных ведомств, по-видимому, основаны на некоторых недоразумениях.

Дело в том, что из архивных дел вверенной мне дипломатической части и из печатных документальных данных, относящихся к т. н. «памирскому вопросу», усматривается следующее. Соглашением между Россией и Англией в 1872—73 гг. граница афганской провинции Бадахшан с относящимся к ней округом Вахан была установлена от озера Зор-куль (Виктория) по реке Пянджу до слияния Кокчи с Аму-Дарьей. Все земли, расположенные к югу от этой черты, т. е. часть Вахана и Шугнана и весь Рошан с Памирами, оставлены были за Кокандским ханством или за Бухарой.

В 1876 г. Кокандское ханство со всеми подвластными ему землями, в том числе и Памиром в границах от оседлых селений Вахана, Шугнана и Рошана до оседлых селений Кашгара, было присоединено к владениям России. Таким образом в силу упомянутого соглашения с Англией Восточная часть Шугнана, весь Рошан и все Памиры должны были находиться под непосредственным влиянием России. Но туркестанская администрация, будучи занята на первых порах устройством нового обширного края, не обратила тогда внимания на Памир и в 1884 г. произошло нарушение пограничной памирской линии англо-русского соглашения 1873 г. со стороны афганцев, занявших Шугнан и Рошан.

Последовавшая за тем неопределенность нашего положения на Памирах и происки Англии против нас продолжались до 1895 г., в феврале месяце которого (27 февраля/11 марта) состоялось англо-русское соглашение о Памирах, в силу которого постановлено, чтобы границей Афганистана к западу от озера Зор-куль служила река Пяндж и чтобы сообразно этому афганский эмир очистил все земли на правом берегу реки Пяндж, т. е. восточные части Шугнана, Рошана и северную часть Вахана, а бухарский эмир — земли, лежащие к югу от Пянджа, т. е. Запаянджский Дарваз. А так как при подобном направлении границы эмир бухарский лишился принадлежавшей ему значительной части Дарвазского бекства, а части Шугнана, Рошана, лежащие на правом берегу Пянджа, отошли к нам, то возник вопрос о компенсации эмира за утраченные им владения. 26 июня 1896 г. последовало высоч. повеление, в силу которого (пункт 2-й) приказано было: «... поступившие в наше владение, по соглашению с Англией, восточные части Рошана, Шугнана и северную часть Вахана передать во владение эмиру бухарскому, причем

далее (пункт 3-й) указывалось, что «предел передаваемых эмиру бухарскому земель ограничить к востоку, к стороне Ферганской области, линией, идущей от границы Бухары у Язгулемского хребта к реке Бартангу, западнее селения Орошор, и далее на юг по отрогам гор к перевалам Вахинч, Дерзах-дара, Кок-бай и Маас и затем к устью реки Памир. Подробности этой границы устанавливаются по соглашению туркестанского генерал-губернатора с эмиром бухарским»...

Таким образом Памиры, входящие в сферу русского влияния, разделяются названной пограничной чертой на две части: Западный Памир, юридически принадлежащий Бухаре, и Восточный Памир, принадлежащий нам и состоящий из двух волостей: Памирской, населенной киргизами, и Орошорской, населенной таджиками.

Когда Западные Памиры отошли к Бухаре, то бывший туркестанский генерал-губернатор бар. Вревский предполагал было снять оттуда все наши посты и разезды, но военный министр признал это преждевременным, ибо, по его мнению, посты наши могут быть там полезны для наблюдения за бухарскими властями в смысле выполнения принятых ими на себя обязательств относительно освобождения на три года от всяких денежных повинностей передаваемого им населения, которое еще не известно как отнесется к бухарскому владычеству... Вследствие сего наши посты были на Бухарских Памирах оставлены.

Вскоре однако стали обнаруживаться нелады в административном управлении Западными Памирами: ряд крупных столкновений наших офицеров с бухарскими властями, ненависть населения к бухарцам, обусловливавшаяся отчасти наклонностью последних взимать поборы, а главное — непримиримой [религиозной] рознью (местное население принадлежит к крайней рационалистической мусульманской секте исмаилитов, а бухарцы — сунниты), — все это породило на целые годы ряд нескончаемых обоюдных жалоб и споров.

Эмир бухарский даже несколько раз обращался к русскому правительству с просьбой присоединить окончательно его памирские владения к России, но всякий раз под влиянием общей неблагоприятной для нас политической конъюнктуры это предложение отклонялось и в результате было решено на Западных Памирах ввести русское управление, сохранив их номинально (а значит и юридически) за бухарцами. В силу сего административная власть над всеми Памирами — Западными и Восточными присваивалась начальнику Памирского отряда, проживавшего на Хоробе, на бухарской территории, и до того времени лишь управлявшего нашими Восточными Памирами в силу особой, утвержденной командующим войсками Туркестанского военного округа инструкции (от 27 сентября 1902 г.); он пользовался правами уездного начальника в Памирской и Орошорской волостях и непосредственно подчинялся военному губернатору Ферганской области; имел право сменять и утверждать в должности лиц туземной администрации, [утверждать] постановления народных судей, судивших по местным обычаям, а равно взыскания за проступки и преступления налагались лишь по утверждении их начальником отряда, которому предоставлялось «право отменять и видоизменять взыскания, соображаясь с обычаями населения, справедливостью и интересами высшей власти».

При новом положении вещей, т. е. при подчинении управления бухарскими Памирами начальнику отряда, население этих Памиров

освобождалось по бедности от всяких денежных сборов в пользу бухарской (и русской) казны, должность шугнанского бека упразднена и при начальнике отряда полагался бухарский чиновник — представитель гиссарского бека, через которого начальник отряда отдавал свои распоряжения, касавшиеся местной туземной администрации. На этих основаниях была выработана и утверждена 12 января 1905 г. бывшим туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа ген. Тевяшовым ныне действующая «Временная инструкция начальнику Памирского отряда».

По этой инструкции начальник отряда «по отношению туземного населения... пользуется правами уездного начальника и в этом отношении подчинен военному губернатору Ферганской области» (п. 2 первого параграфа); «управляя туземным населением Памиров, начальник отряда имеет право в пределах Восточного Памира сменять и утверждать в должности лиц туземной администрации непосредственно, а в пределах Шугнанского бекства давать в этом смысле указания бухарскому чиновнику» (§ 4); вместе с тем начальник отряда должен иметь в виду, что «а) существующий, основанный на обычаях порядок управления населением, должен быть сохраняем без изменения», что б) «суд устраивается и производится применительно к местным обычаям, а взыскания за проступки и преступления, постановленные народными судьями, налагаются лишь по утверждению их начальником отряда, которому предоставляется право отменять и видоизменять взыскания, соображаясь с обычаями населения, справедливостью и интересами русской власти» (там же).

Почти через год после издания этой «Инструкции» (11 января 1906 г.) последовало высоч. соизволение на приведение в действие Положения Военного совета об утверждении временного штата управления Памирского отряда. В силу сего закона (пункт 3) начальник отряда «по заведыванию населением на Памирах и по руководству управлением в бухарском бекстве (Шугнан, Вахан и Рошан)... должен руководствоваться особыми на это инструкциями туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками».

Таким образом закреплялось инструкционное управление нашими и бухарскими Памирами. Это высоч. повеление военным министром было приказано привести в исполнение без объявления в приказе по военному ведомству. Из изложенного, казалось бы, проистекают вполне определенные ответы на вопрос о территориальном положении Памиров.

И. о. дипломатического чиновника
при туркестанском генерал-губернаторе А. А. Семенов

ЦГА УзССР, И-2, оп. 3, д. 535, лл. 17—20.

Содержание

Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX — начало XX в.)	3
Приложения	77